Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 ИЮНЯ 12

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 6

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«П Р А В Д А»

Главлит № 64193. Тираж 39 000 экз.

Типография изд-ва «Правда» и «Беднота», Москва, Серебрянич. набер., д. 23/а.

Уроки и „уроки" английского мая.

Огромно, неизмеримо значение майской всеобщей забастовки и продолжающейся стачки английских углекопов. Выдающуюся ценность будет иметь английский опыт для всего последующего развития международной классовой борьбы. Этот опыт должен быть впитан в сознание не только английских рабочих масс, но и в сознание всего международного пролетариата. Большевики всех стран должны немедленно, не откладывая, взяться за тщательное изучение английской борьбы. Большевики всех стран должны немедленно приняться за усвоение того всестороннего анализа и того наилучшего, с точки зрения ленинизма, обобщения английского опыта, которые даны в тезисах Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала об уроках английской забастовки.

Английские события с давно небывалой силой вытолкнули на первый план боевые вопросы ленинизма в международном масштабе. Такие первостепенной важности проблемы, как вопрос о стабилизации, как вопрос о соотношении «политики» и «экономики», как вопрос о формах классовой борьбы, как вопрос о способах завоевания пролетариатом власти, как вопросы о роли «вождей», о стратегии современного оппортунизма, о роли коммунистического авангарда,—под могучими ударами английской стачки вновь с самой жгучей остротой становятся перед международным пролетариатом. На все эти вопросы события в Англии проливают ослепительно-яркий и новый свет. Нельзя изображать английские события просто как «повторение пройденного». Нужно совершенно отчетливо уяснить, чем конкретно обогатила майская битва опыт рабочего класса, что нового дала английская борьба, каковы особые уроки, вытекающие из всеобщей стачки для революционной классовой борьбы.

Исполинский размах борьбы классов в нынешней Англии показывает воочию, насколько правильна основная характеристика переживаемой эпохи, даваемая международным большевизмом. Оценка стабилизации, сделанная Коминтерном получила блистательную проверку на событиях в Англии. События в Англии чрезвычайно выразительно, с редкой силой наглядности продемонстрировали всю «условность», «относительность» и «непрочность» капиталистической стабилизации. События в Англии—это новая грозная историческая веха на пути стабилизировавшегося капитализма, это — предупреждение его о грозящей смертельной опасности, это—призывный сигнал к новым классовым схваткам, это—доподлинный «буревестник международной социалистической революции». Только классовое самообольщение идеологов буржуазии, только присущая им духовная близорукость не разрешает им понять, как безнадежен, как

«проблематичен» поступательный ход стабилизации, если на протяжении всего каких-нибудь трех лет международный капитализм выступает с такими «роковыми приметами» на челе, как германский Октябрь 1923 г., как Сирия—Морокко, как Шанхай и Кантон, как опустошительный угольный кризис в Англии, как генеральная стачка в самой сильной капиталистической державе Европы. И только окончательно продавшие свои души капиталистическому Маммоне дьяки международного оппортунизма могут теперь, несмотря ни на что, несмотря на столь участившееся чередование всемирно-исторических социальных потрясений, славословить эру «демократического пацифизма», выводить заунывные многолетия капитализму, тянущему теперь с таким трудом свою лямку.

Разумеется, было бы непростительным легкомыслием об'являть, что события в Англии свели стабилизацию на-нет. Декламаторским упрощенством является разговор о том, что английская всеобщая стачка означает крах стабилизации. Нельзя каждую социальную встряску, каждый прилив массового движения, хотя бы оно имело даже «всемирно-историческое значение», хотя бы в своей совокупности эти революционные встряски в чрезвычайной степени расшатывали капиталистический порядок вещей,—об'являть крахом стабилизации, нельзя каждый год повторять о «крахе» с тем, чтобы в период отлива каждый раз «признавать», что стабилизация «все-таки» существует. Скороспелая «отмена» стабилизации росчерком пера только усыпляет сознание и бдительность революционного авангарда, только сбивает его с толку, только отвлекает его от трудной и тяжелой ответственной массовой работы, от борьбы за повседневные требования масс. Разговоры о крахе стабилизации по случаю английской всеобщей стачки способны принести только вред, могут лишь питать собой сектантскую борзость ультра-левой «мысли».

На самом деле краха стабилизации, как результата английских событий, конечно, нет. Однако, совершенно несомненно, что английская генеральная забастовка и забастовка горнорабочих проливает яркий свет на конкретный облик нынешней стабилизации, что английские события в значительной мере проясняют собой реальную обстановку современных капиталистических отношений и противоречий и тем самым вносят новые, особые штрихи в характеристику стабилизации в данной фазе ее существования. Эти новые конкретные штрихи важно и обязательно уяснить.

События в Англии означают серьезную трещину стабилизации на одном из решающих участков международного капиталистического фронта. Майские события драматически резко обнаружили перед всем миром всю глубину уже достигнутого социально-экономического упадка послевоенной Англии. Внимательное изучение теперешней английской экономики и путей ее дальнейшего развития показывает, что хозяйственный упадок Англии вовсе не дошел до предела, с которого должен начаться спасительный поворот, но что, напротив, тенденции загнивания, упадка и вырождения английского капитализма имеют все предпосылки к дальнейшему обострению. Британский империализм подгнивает с двух концов. Он подгнивает изнутри, со стороны самой метрополии, со стороны собственной хиреющей промышленности. Одновременно происходит расшатывание мощи великобританского «владычества» в доминионах (которые все более хозяйственно обособляются от метрополии), в колониях, в полуколониях, в зависимых странах (революционизирующийся Китай и т. д.). Оба процесса неразрывно между собой связаны, взаимно обусловлены. В итоге они дают форсированный упадок английского империализма.

Быть может, упадок Англии, знаменующий собой прорыв фронта стабилизации на одном из ее участков, можно компенсировать укреплением стабилизации на других участках, приливом сил в других странах, напр., в С.-А. Соединенных Штатах, так что в итоге, быть может, мы имеем прежнюю «крепость» стабилизации, «устойчивость» ее непоколебленной? В действительности это не так. Тот самый факт, что в обстановке экономического упадка Англии другие буржуазные страны могут щегольнуть кой-какими возможностями движения вперед, что американский капитализм переживает еще восходящую кривую своего развития, не только не смягчает, но даже усугубляет, обостряет противоречия стабилизации. Международный капитализм страдает не только из-за трудностей развития, он страдает также из-за неравномерности развития отдельных стран, из-за того, что «оздоровление» происходит не одинаковым темпом, неодинаковыми методами, из-за того, что движение вперед одних соответствует разложению других, из-за того, что не может наладиться нормальный мировой капиталистический оборот, из-за того, что увеличивается диспропорциональность в международном распределении производительных сил, из-за того, что в силу всего этого растут и не могут не расти междугосударственные антагонизмы в капиталистическом лагере. Если прибавить сюда одновременное общее укрепление Советского Союза, то мы пойдем, как неблагоприятно и отнюдь не «успокаивающе», должны отразиться английские события и упадок Англии на всей международной системе стабилизирующегося капитализма.

События в Англии сорвали защитные покровы стабилизации. Они обнажили таящиеся под этими покровами напряженные классовые конфликты. В резком обнажении классовых противоречий заключается самое характерное для стабилизации нынешнего периода. В максимальной мере обнажение классовых противоречий произошло в Англии. Это не случайно, это произошло потому, что в Англии теперь заметнее всего расползаются швы стабилизации. В выявлении наиболее уязвимого звена международной капиталистической цепи заключается особое значение английских событий. Последние обнаружили наименее защищенный участок стабилизации; они указали тем самым Коминтерну, то звено, за которое ему нужно с особой силой ухватиться, они с полным правом поставили Англию в центр внимания революционного пролетариата всех стран.

I. Особые пути британского Октября.

То обстоятельство, что хозяйство Англии вошло в стадию длительного упадка, то обстоятельство, что процессы загнивания капитализма приобрели за последнее время особую остроту именно в английской экономике; то обстоятельство, что Англия стала страной, стабилизационные возможности которой

являются минимальными, страной, которая превратилась в арену грозного масштаба классовых столкновений,—все это делает на предстоящий исторический период особенно важным, особенно политически-актуальным вопрос о перспективах и о путях английской революции.

Ленинский анализ этого вопроса должен быть анализом, который выявил бы особые пути рабочего движения в Англии, который дал бы особые уроки майской борьбы и длящейся по сие время борьбы горняков, который показал бы конкретное и специфическое в грядущем процессе революции, который обнаружил бы наиболее вероятные переходные моменты, переходные «звенья» предстоящего развертывания классовой борьбы.

Изучение условий английского рабочего движения и опыт всеобщей стачки вскрывают с достаточной определенностью это особое и характерное в способах и путях пролетарской борьбы. Этим особым и характерным является выдающаяся роль профсоюзов. Ни в какой другой стране профсоюзные организации не играют такой главенствующей роли в рабочем движении, как в Англии. Исключительное, выделяющее английское рабочее движение в особый тип, значение профсоюзов и профсоюзной борьбы, сказалось как в историческом прошлом Англии, так сказывается и теперь, так—имеются все основания это предполагать—скажется и в предстоящем будущем, на перевалах к британскому Октябрю.

Каковы были основные идейные черты старого «классического» английского трэд-юнионизма, черты, которые материально покоились на особо привилегированном положении английского пролетариата и которые вызывали резкий критический обстрел со стороны представителей революционного марксизма?

Старый трэд-юнионизм был прекрасно приспособлен к условиям капиталистического господства так же, как и обратно, условия капиталистической эксплоатации были великолепно приспособлены к методам старого трэд-юнионизма. Прежний английский капитализм и прежний английский трэд-юнионизм совершенно мирно уживались друг с другом. В трэд-юнионах английский капитал не мог, конечно, видеть непримиримого врага. Ведь трэд-юнионизм, вместо ставки на революционный взрыв капиталистического строя, держал всего только «тихий» курс на эволюционное, постепенческое развитие. Вместо полного развязывания классовой борьбы, он предпочитал «деловое» соглашательство с буржуазией. На место пролетарского интернационализма он ставил национальную ограниченность. Он суеверно чурался всякой политической борьбы, гордился своим аполитизмом, будучи одновременно по уши погруженным в мертвящую тину добродетельного «конституционализма».

Исход мировой войны сигнализировал собой начало артериосклероза всей британской экономики. Исход мировой войны сигнализировал одновременно и начало конца старого трэд-юнионизма, начало его безвозвратного разложения. Правда, старый трэд-юнионизм отступает с боями, правда, носители его, реформистские вожди, из всех сил тормозят процессы разложения, правда, «идеологи»-оппортунисты пытаются цементировать рассыпающиеся комки старого трэд-юнионизма гнилыми идейками «конструктивного» либо «гильдейского» социализма. Правда, старый трэд-юнионизм сумел еще прокричать о себе на весь

мир в беспримерной капитуляции Генерального Совета. И все-таки, только слепой может «не заметить» процессов разложения старого трэд-юнионизма. Только слепой может отрицать, что трэд-юнионизм шаг за шагом теряет свое былое массовое обаяние.

Разложение идет все нарастающим темпом. Всеобщая стачка, даже пронзенная в спину мечом «руководившего» ею Генсовета, явится в конечном счете фактором дальнейшего разложения старой «профсоюзнической» идеологии. Однако, было бы вреднейшей иллюзией думать о том, что разложение прежнего трэд-юнионизма и опыт всеобщей стачки отменяют или даже умаляют значение профсоюзного движения для современной и будущей Англии. Наоборот, те новые процессы, которые стали развиваться в сознании масс английского пролетариата, и опыт генеральной стачки только подчеркнули выдающуюся роль профсоюзного движения для Англии. Никакими софизмами нельзя отмахнуться от того факта, что левение масс английских рабочих шло прежде всего и больше всего именно по профсоюзному руслу. И нет решительно никаких оснований полагать, что процесс полевения профсоюзов должен после всеобщей стачки или прекратиться или замедлиться. Напротив, все говорит за то, что левение профсоюзов ускорится, что в результате всеобщей стачки в профсоюзах усилится внутренняя «очистительная» борьба, борьба за новое профсоюзное руководство.

Нельзя забывать того, что именно в профсоюзных организациях коммунистическая партия уже имеет массовую опору своего влияния. Так называемое «движение профсоюзного меньшинства», находящееся под влиянием английских коммунистов, непрерывно росло за последние годы, вобрав в свои ряды ко времени стачки свыше чем миллионную армию английских рабочих. Теперь после всеобщей забастовки, после измены Генерального Совета, после банкротства лево-центристских вождей, после того, как с достаточной рельефностью вырисовались перспективы грядущих больших боев, после этого еще более широко открываются перспективы для «движения меньшинства». Вербовочная сила движения меньшинства в массах имеет все шансы к возрастанию.

Значение для английских революционеров профсоюзной работы, как первостепенного рычага революционизирования масс, заключается не только в том, что английские профсоюзы являются наиболее широким каналом «полевения», и не только в том, что в так наз. «движении меньшинства» английский коммунизм уже пустил массовые корни. Опыт всеобщей стачки раскрыл большее. Опыт всеобщей стачки обнаружил, что именно с профсоюзной стороны английские рабочие начинают подходить к проблеме власти. На «профсоюзной» борьбе английские рабочие получили наглядный урок связи «политики» и «экономики». Правда, доказательство этой связи было своеобразным «доказательством от противного»: английский рабочий класс поплатился поражением за то, что «профсоюзная», «экономическая» борьба не была оформлена политически. «Политика» стихийно, всем ходом борьбы ломилась в профсоюзные двери. И если бы членами Генсовета эти двери не были захлопнуты, гегемония трэд-юнионов в стране могла бы перерасти в политическую гегемонию в ней рабочего класса. Руководство Ген-

совета «профсоюзной» борьбой в этом случае означало бы его фактическую власть и командование всей социально-экономической жизнью страны, означало бы необходимость разбить старую капиталистическую государственную машину и стало бы решающим этапом к диктатуре английского пролетариата. И ведь недаром местные профсоюзные организации в ходе борьбы стали в некоторых районах брать на себя функции власти, стали превращаться в организации, аналогичные нашим советам, стали сращиваться с советами действия, стали отпочковывать от себя органы власти на местах.

Из этого исторического факта, что именно через профсоюзную борьбу английские рабочие массы подошли к вопросу о завоевании власти, вытекает особое центральное внимание английских коммунистов к профсоюзной работе. Удесятерить энергию в деле коммунистической переработки профсоюзов на предстоящий исторический период—для английских товарищей самое важное. Измена Генсовета и провал стачки способны, правда, вызвать и вызывают в действительности, такие настроения в среде революционных рабочих Англии, которые ведут к «самоустранению» от профсоюзной работы, к выходу из профсоюзов, эти тенденции английские товарищи должны решительно парализовать. Если Генсовет «тонет», то это вовсе не значит, что «тонет» все английское профдвижение. Это значит лишь, что надо отсечь негодную головку, поставить новую, выдвинуть новых профсоюзных вождей, а для этого завоевать профсоюзы.

Настроения к выходу из профсоюзов питаются весьма распространенными в настоящее время разговорами о «новых формах» пролетарских классовых организаций. Из капитуляции профсоюзных лидеров делается тот вывод, что надо создавать другие, новые организации взамен профсоюзов и на них ориентировать теперь главное внимание. Этот вывод кажется чрезвычайно «революционным». Однако, в такой постановке он является абсолютно неверным. Возможно, разумеется, что появятся новые формы массовых рабочих организаций. Это особенно вероятно в том случае, если развитие революционных событий замедлится и затянется. Зачатки «новых форм» мы видели и во время стачки (советы действия). Однако, характерно то, что эти новые формы были связаны именно с профсоюзными организациями. Нет ничего более вредного, как бросать лозунг создания новых форм взамен профсоюзов. Бросать такой лозунг значит тащить английских коммунистов от масс, значит сбивать их в сторону от основного пути массового революционного движения в Англии, значит замыкать их в касту. Задача английских коммунистов состоит вовсе не в том, чтобы собирать массы там, где их нет, в несуществующих еще организациях, и для этого начать плодить «новые формы», а в том, чтобы находить массы там, где они уже собраны и организованы. Весьма характерно, что фантастикой по части «новых форм» с особенным усердием занимаются «левые» представители английской независимой рабочей партии. Звенящий сверхрадикализм этих людей, однако, прямо пропорционален той растерянности и апатии, тех «моральных трагедий», которые они «переживают» в результате провала всеобщей стачки.

Само собой понятно, что говорить о «новых формах», рисовать их пылким воображением неизмеримо легче, чем вести черную повседневную работу над «очищением» профсоюзов. Практическая работа в профсоюзах чрезвычайно тяжела, несмотря на то, что она имеет в Англии самые превосходные перспективы. Рассматриваемое с высоты исторического полета революционное вызревание английского пролетариата пойдет очень быстро. Но рассматриваемый в обстановке текущего дня, этот процесс революционизирования трэд-юнионов неизбежно будет медленным. Ибо достаточно еще мощна инерция старого трэд-юнионизма, ибо сложные пути его изживания, ибо организационные «командные высоты» еще в руках старых лидеров, ибо новых авторитетных вождей еще нет и т. д. Препоны в работе, однако, никогда не служили в глазах большевиков аргументом против ее неотложности.

Исключительному значению профсоюзов и профсоюзной работы в Англии соответствует исключительное значение всеобщей стачки, как формы классовой борьбы. Всеобщая стачка является первоклассным орудием пролетарской борьбы во всех странах с достаточно развитой индустрией. Но в Англии всеобщая стачка имеет вдобавок еще особые сверх-ординарные социальные, материальные и технические возможности реализации. Проигрыш майской стачки ни в какой, даже в самой ничтожной степени, не дискредитирует методов всеобщей стачки. Он дискредитировал лишь методы ее руководства. Поэтому всеобщая стачка в Англии не может уже «повториться» в майском издании. Сейчас как в английских рабочих массах, так и в среде вождей, происходит интенсивный процесс переоценки всеобщей стачки как метода борьбы. И сейчас там противостоят друг другу фактически лишь две точки зрения: либо отказ от всеобщей стачки, как орудия борьбы, либо «приятие» ее с «поправкой» на «политику». И было бы историческим чудом, если б Англия увидела вновь еще раз аполитичную «чисто профессиональную» всеобщую стачку. Будущая всеобщая стачка произойдет на существенно новой основе. Она явится предсмертной судорогой английского капитализма и станет прологом к английскому Октябрю.

II. Две измены: 4 августа 1914 г. и 12 мая 1926 г.

Кто больше виноват в бесславном окончании великой схватки классов? Кто виновник того, что гора родила мышь, что движение, державшее в трепете и в содрогании весь капиталистический мир, приковавшее к себе внимание всего международного пролетариата, зажегшее пламень страстной надежды в сердцах рабочих всех стран, кончилось водевильным меморандумом Самюэля, отвратительным плачем на коленях г.г. Томаса и Бевина в болдуиновской передней, беспримерной капитуляцией Генсовета, изоляцией борьбы горняков, хамскими «пересмотрами» профсоюзных договоров, радостными завываниями газеты-проститутки «Daily Mail»? На ком лежит главная ответственность за удушение разраставшейся стачки?

В Генсовете были правые и «левые», Томасы и Персели. Томасы были в меньшинстве, но они оказались хозяевами Генсовета. Они потащили Перселей на аркане с повинной к Болдуину. Кто же больше «виноват»: Томасы или Персели? Чье «грехопадение» совершено было 12 мая?

«Грехопадение» Томасов совершено было задолго до стачки. «Грехопадение» Перселей совершено было во время стачки. Томасам уже не доверяла основная масса. членов трэд-юнионов. Перселям же эта масса доверяла. Томасы не смогли бы, не перетянув на свою сторону Перселей, сорвать стачку. Персели могли бы продолжать борьбу наперекор Томасам. Но Персели не захотели ее продолжать. Они испугались, они струсили не только правительства и предпринимателей. Они испугались роста массового движения, они испугались того, что движение стало приобретать политическую окраску, они испугались победы рабочего класса. Поэтому они, поставленные рабочим классом на руководящие посты профсоюзного движения во имя борьбы с буржуазией, перешли на сторону буржуазии. Они в самый критический момент борьбы перебежали в лагерь враждебного класса. Поэтому они являются главными виновниками майского предательства. Они оказались капитулянтами. И поэтому по ним, по «лево-центристам» решил Исполком Коммунистического Интернационала открыть главный огонь.

Таков ответ на вопрос о виновниках капитуляции 12 мая. Но вопрос может быть поставлен и о характере, об историческом значении этой капитуляции.

В нашей печати проводилась параллель между двумя историческими изменами: изменой, совершенной международной социал-демократией 4 августа 1914 г. и капитуляцией Генсовета 12 мая 1926 года.

В каком смысле и в какой степени эта историческая аналогия закономерна и правильна? Она закономерна и правильна, если сравнивать степени гнусности вождей в обоих случаях. В обоих случаях имел место открытый переход в лагерь буржуазии в самый ответственный, самый критический момент. Правда, тогда измена была событием интернационального масштаба (изменил весь II Интернационал) в то время, как теперь события измеряются масштабом одной страны (нужно не забывать только при этом, что английскому рабочему классу и английским горнякам в несчетный раз изменили Второй и Амстердамский Интернационалы: 12 мая было символом «об'ективного» блока Перселя, Ходжеса, Удегеста и К°). Зато измена Генсовета по сравнению с изменой интернациональной социал-демократии имеет привкус, так сказать, добавочной гнусности. И не только потому, что измена совершается во второй раз. Нельзя упускать из виду следующего обстоятельства:

В момент об'явления войны между буржуазией и пролетариатом не шел непосредственный классовый бой. Вопрос тогда стоял: начинать или не начинать такой бой, об'являть ли войну империалистической войне, или же послушно и активно принимать участие в защите империалистического «отечества»? Между тем в Англии 12 мая мы имели обстановку открытого столкновения классов, при чем силы пролетариата все время прибывали, и он имел много шансов на успех. И в такой момент ему был нанесен позорный удар в спину!

Необходимо также и сопоставление «исторической природы» обоих измен. Важно сравнить историческую обстановку обоих случаев, важно правильно охарактеризовать намечавшуюся тогда для II Интернационала и намечающиеся теперь для ны-

нешнего состава Генсовета перспективы, важно уяснить себе и сопоставить вытекающие из обоих фактов тактические и политические выводы для революционного авангарда. Тогда мы поймем не только то, что было общим в обеих капитуляциях, но также и то, что было особым, отличающим их друг от друга. И мы уразумеем тогда лучше, отчетливее смысл капитуляции Генсовета, чем ежели мы просто ограничимся положением, что Иуда-Томас ничем не привлекательнее, а, пожалуй, даже похуже, чем Иуда-Шейдеман.

Между обстановкой 1914 года и обстановкой 1926 г. имеется капитальное различие.

Тогда империалистический капитализм находился на зените расцвета, тогда капитализм был полнокровным капитализмом, ощущавшим прилив мощи и сил во всех членах. Теперь — капитализм проходит полосу худосочной стабилизации, теперь тенденция загнивания и упадка дают о себе знать с несравненной силой, при чем процессы упадка особенно интенсивно протекают именно в Англии, в стране капитуляции 12 мая. Из различия основных черт тогдашней и нынешней обстановки вытекает и различие в темпе изживания последствий обеих измен. Тогда, после 4 августа, несмотря на измену и как раз в силу измены, международная социал-демократия могла не за страх, а за совесть стать поставщиком пушечного мяса для империализма. После 4 августа II Интернационал, даже став «смердящим трупом», сумел сохранить значительные силы в своих рядах. Пядь за пядью с жестокими боями II Интернационал уступает Коминтерну насиженные участки своего влияния в массах.

Теперь, после 12 мая старый английский трэд-юнионизм будет разлагаться гораздо быстрее, чем разлагалась международная социал-демократия после 1914 года. Ибо старый трэд-юнионизм уже до капитуляции Генсовета подточен в своих основах всем ходом загнивания английской экономики, ибо уже до измены мы имели откристаллизовавшийся миллионный массив «движения меньшинства». И не только возможно, но даже вполне вероятно, что разложение старой профсоюзной верхушки в Англии придет к концу раньше, чем «смердящий труп» окончательно разложится во многих странах континента. Британские трэд-юнионы будут отвязаны от амстердамского кола, по всей вероятности, раньше, чем это станет с профсоюзами многих других стран. Об этом позаботится, конечно, Генсовет не нынешнего, а грядущего состава.

Самое существенное то, что из капитуляции 4 августа и из капитуляции 12 мая приходится делать совершенно отличные, даже прямо противоположные выводы в организационно-тактической области. В обоих исторических случаях мы имеем махровую, бьющую в глаза измену вождей. Но совершенно различными являлись суб'екты измен: тогда измену организационно воплощали прежде всего политические партии. Теперь «героем» измены является руководство профсоюзами[1]).

[1]) Не случайно, что историческая капитуляция явилась делом рук именно профсоюзной верхушки. Профсоюзы главная командная высота в английском рабочем движении. По профсоюзному каналу больше всего шел процесс полевения масс. На фоне этого массового полевения оказалось особенно разительным противоречие между руководством профсоюзами и профсоюз-

Из этого решающего различия вытекает различие тактики революционеров в обоих случаях. После 4 августа 1914 года, после краха партий II Интернационала, после того как международная социал-демократия оказалась «смердящим трупом», все честные революционеры повели линию на организационный разрыв с предательскими организациями. Тогда надо было действительно держать курс на откол от «смердящего трупа». Наоборот, теперь действие по аналогии с 1914 годом, теперь линия на разрыв со «смердящими» профсоюзами была бы самой непростительной ошибкой. Из измены 12 мая вытекает не необходимость выхода из профсоюзов, но необходимость обратного порядка: тактика форсированного внедрения в профсоюзные организации, всемерное укрепление влияния в профсоюзных массах, перетягивание трэд-юнионов на сторону коммунизма и революции [1]).

После 4 августа первостепенной, центральной политической задачей революционного пролетариата было строительство «новых форм», организация особой революционной партии, организация нового, III Интернационала. Наоборот, после 12-го мая сосредоточение главного внимания английских революционеров на «новых формах» явилось бы опасностью для английского рабочего класса, навело бы его на ложный след, отвлекло бы его от подлинно настоятельных, действительно первостепенных задач. Поиски новых форм во что бы то ни стало, создание новых форм взамен профсоюзных и выход из профсоюзов, предоставление монополии на массовую профсоюзную работу реформистским вождям,—теперь было бы для английской компартии самой ложной стратегией, «стратегией», политического самоубийства. Для английской компартии это было бы прямой дорогой к ее сектантскому мелко-буржуазному вырождению.

Вот почему следует с сугубой осторожностью относиться к таким аналогиям, как аналогия 4 августа 1914 года и 12 мая 1926 г. Мало, совершенно недостаточно, сказать: тогда была совершена неслыханная измена и теперь совершена неслыханная измена, тогда «засмердела» социал-демократия и теперь «засмердел» Генсовет, тогда восторжествовали Иуды и Каины пролетариата и теперь восторжествовали они же. Нельзя забывать о решающем различии обстановки тогдашней и нынешней, нельзя упускать из виду разницы вытекающих перспектив для классовой борьбы тогда и теперь, нельзя смазывать разницы между профсоюзами и партиями, нельзя ставить в тень самое главное. Тогда нужно было рвать со «смердящим трупом», тогда надо было выходить из социал-демократических организаций и строить новые организации. Теперь же главной ареной борьбы остаются, и остаются надолго, профсоюзы.

ными низами. Рабочая партия капитулировала с самого начала. Лидеры ее либо добровольно «самоустранялись» от борьбы либо ей мешали. (Макдональд и К⁰). Однако, «слава» предательства по достоинству принадлежит именно профсоюзным вождям, а не лидерам партии. Особое соотношение партии и профсоюзов и особая решающая роль последних в Англии логически повлекли за собой, особый специфически профсоюзный облик английского «четвертого августа».

[1]) Кстати. Не следует забывать, что и в 1914 г. изменила профсоюзная бюрократия. Характерно, что и тогда большевики не бросали лозунга выхода из профсоюзов: различия между партией и профсоюзами большевики никогда не забывали.

Таким образом, моментом, определяющим тактику, практическое действие революционного авангарда Англии, является вовсе не то, что было в обоих изменах общего, но как раз именно то, что в них было несходного, различного. В этом нет ничего удивительного. По-ленински осмыслить капитуляцию 12 мая значит понять ее особую конкретную природу, понять ее историческое своеобразие.

III. Права или неправа была английская компартия?

Молодая английская компартия несет исключительную ответственность перед всем интернациональным коммунизмом. Историческая судьба поставила английских коммунистов в особые условия. Пять тысяч британских большевиков действуют в «мировой империи», в государстве, держащем в империалистической кабале 400 миллионов человек, в самой развитой индустриальной стране Европы. Пятитысячная горсть английских коммунистов ставит своей исторической целью мобилизовать такие силы, которые смогли бы опрокинуть власть самой старой, самой опытной буржуазии, буржуазии, насчитывающей в своем активе столетия «мирового владычества». Такая цель не должна показаться химерой, если вспомнить, что именно в Англии мы имеем наихудшие условия и перспективы для стабилизации, что британский капитализм загнивает, идет навстречу своей гибели за последнее время быстрее, заметнее, чем капитализм других стран.

Майские события выдвинули английских коммунистов на самые передовые позиции международной классовой борьбы. Английские коммунисты продолжают оставаться на передовых позициях борьбы и теперь. Ведь даже и теперь, после окончания генеральной забастовки, после неслыханного поражения всеобщей стачки, Англия остается в фокусе событий мирового значения, так как исполинского масштаба борьба углекопов продолжается.

Вот почему вопрос о том, выдержала или не выдержала английская компартия свой первый боевой экзамен, вела она верную или неверную линию во время стачки,—есть вопрос выдающейся интернациональной важности. Ответ на него должен быть ясным и определенным, тем более, что против тактики английских коммунистов велась и ведется атака из среды ультралевых группировок Коммунистического Интернационала.

Немецкие ультра-левые и такие люди, как профессор Корш, прокламировали политический провал английской компартии. Они доходили до утверждений, что английская компартия ничем себя не проявила, что она была в плену у лидеров Генсовета, что она даже «предала» стачку: Трудно решить, чего больше лежит в основе такой «ультра-левой» критики: чудовищное незнакомство с основными фактами английской борьбы, или самая низкопробная отвратительная клевета на английских революционеров. Заявлять такие, например, вещи, что английская компартия стояла на платформе Королевской Угольной Комиссии, в то время, как доклад Угольной Комиссии был заклеймен компартией как «об'явление войны всему рабочему классу Англии» значит поистине перейти всякий предел политического шулерства. По таким выходкам легко можно судить об уровне всей ультралевой критики. Она вся так и пестрит подтасовками фактов, она вся пропитана мелко-буржуазной взбешенностью, в ней нет ничего, кроме крикливой мнимо-революционной истерии.

К сожалению, ультра-левая критика отдалась «смягченным» эхом и в рядах ВКП. Ибо разве не созвучными немецкой «ультралевой» были нотки в том ставшем широко известным утверждении, что весь совокупный надстроечный аппарат британского рабочего движения во всех без исключения его группировках и течениях явился фактором «революционного торможения». Английская компартия тоже, стало быть, явилась фактором «революционного торможения».

Это достаточно выразительное обвинение английских коммунистов в недостаточной революционности, более того, в «торможении» ими революционной борьбы, должно быть либо подтверждено либо снято. Недоговоренности здесь, в таком вопросе, не должны иметь место.

С самого начала следует отмести, как фантастическое, представление о существовании какого-то «всего надстроенного аппарата» всего рабочего движения Англии. Если говорить о надстроечном аппарате всего английского рабочего движения, то это предполагает определенную целостность, определенное организационное единство этого аппарата. Между тем никакой единой надстройки в британском рабочем движении на самом деле нет. Неправильно логически и неправильно политически включать английскую компартию в совокупный «весь аппарат» рабочего движения, говорить об аппарате, включающем в себя «все без исключения группировки» рабочего класса,—ставить английских коммунистов, независимую рабочую партию, движение меньшинства, Генсовет тред-юнионов и т. д. на одну и ту же «аппаратную» доску.

Но «тормозила» или не тормозила английская компартия ход классовой борьбы? Бросала или не бросала она в рабочие массы «тормозящие» лозунги? И вообще, в каком случае английская компартия была бы тормозом событий?

В двух случаях английскую компартию можно было бы зачислить в категорию «тормозов» революции. Или: если бы компартия действительно потеряла свое революционное лицо, скатилась в оппортунистическое болото. Или: если бы английская компартия вступила на путь ультра-левого лозунготворчества, если бы английская компартия бросила бы, напр., лозунг «своего» руководства стачкой вместо генсоветовского, если бы она выбросила лозунг создания новых форм движения взамен профсоюзных, если бы она бросила лозунг бегства из профсоюзов и т. п.

Ленин всегда предостерегал коммунистов против мнения, будто большевистская линия заключается в том, чтобы всегда и везде кричать непременно «левее» всех других, чтобы во всех случаях жизни, во всякой фазе борьбы бросить непременно предельно-левые лозунги. Ленин учил коммунистов высшей математике борьбы. Ленин всегда считал недопустимым игнорирование промежуточных «звеньев цепи», он требовал их непременного выявления, он считал величайшим революционным искусством умение во-время выбросить промежуточные лозунги, лозунги, от которых затем можно перейти к следующим высшим лозунгам движения.

Линия английских коммунистов была в общем и целом правильной. Английские коммунисты бросали такие лозунги, которые были рассчитаны на массы, которые могли быть понятными, могли зацепить с той или иной стороны сознание рабочих

масс. Лозунги коммунистов толкали массы на высшие ступени борьбы, на переход от обороны к наступлению, на переход от «экономики» к «политике». Именно поэтому английская компартия не только не была фактором «торможения», но была, напротив, единственным сознательным фактором революционизирования английских рабочих масс. И именно поэтому она могла бы оказаться в состоянии, несмотря на свою малочисленность, при благоприятном революционном развертывании событий (которое, разумеется, зависело и зависит отнюдь не от одних только коммунистов!) превратиться в несокрушимую массовую «материальную силу» и перенять на себя руководство движением.

Английская компартия оказалась бы подлинным фактором торможения, если бы двинулась по пути, нравящемуся «ультралевым», если бы, насилуя об'ективные связи данной конкретной ситуации, игнорировала бы в своей тактике особенности промежуточных стадий движения, если бы она все время пребывала в величественном состоянии одной и той же неизменной «крайней левизны». Оторваться от промежуточных фаз борьбы значит оторваться от реальности, стало быть, и от особых условий английской реальности, стало быть, от особых условий массовой работы в английской обстановке. Ультра-левая линия привела бы—даже при наличии поступательного хода событий—к отрыву коммунистов от масс, к их сектантскому «самозамыканию» и дезориентировала бы, а следовательно, и затормозила бы революционную борьбу.

Не случайно, между прочим, то, что «философия» торможения тесно связана с фантастикой «новых форм». Раз весь совокупный аппарат рабочего движения дает осечку, раз «аппарат» также и компартии, также и «движения меньшинства» является аппаратом «торможения», раз, вдобавок к этому, самый мощный массовый профсоюзный аппарат уже оказался очагом чудовищной измены—то вполне понятным и резонным делается неумеренное подчеркивание значения «новых форм», ударение и основной курс именно на «новые формы». А мы уже знаем, к чему ведет этот новый курс, избираемый в качестве основного курса английских революционеров. Он ведет к забвению главных особенностей путей развития Англии, к ослаблению самой важной работы—работы в профсоюзах, к выходу из профсоюзов, к срыву тактики единого фронта, к тому, что для британского революционного пролетариата представляет теперь самую главную опасность.

IV. Англо-Русский Комитет и «стопроцентные» бойкотисты.

Капитуляция 12 мая поставила ребром вопрос о существовании Англо-Русского Комитета профсоюзов.

После того, как Генеральный Совет тред-юнионов стал сообщником английской буржуазии в деле расправы над бастующими рабочими, после того, как он проявил себя, как «достойная секция» Амстердама, после этого прямой обязанностью всех революционеров становится ничем неприкрытая, беспощадная критика членов Генсовета, разоблачение предательской его роли, разоблачение лево-центристских его вождей в первую голову. Этой точки зрения придерживаются—и не могут не придерживаться—революционные советские профсоюзы, как это известно из обращения ВЦСПС к рабочим всех стран.

К сожалению, ультра-левая критика отдалась «смягченным» эхом и в рядах ВКП. Ибо разве не созвучными немецкой «ультралевой» были нотки в том ставшем широко известным утверждении, что *весь совокупный надстроечный аппарат* британского рабочего движения *во всех без исключения* его группировках и течениях явился фактором «революционного торможения». Английская компартия тоже, стало быть, явилась фактором «революционного торможения».

Это достаточно выразительное обвинение английских коммунистов в недостаточной революционности, более того, в «торможении» ими революционной борьбы, должно быть либо подтверждено либо снято. Недоговоренности здесь, *в таком* вопросе, не должны иметь место.

С самого начала следует отмести, как фантастическое, представление о существовании какого-то «*всего* надстроенного аппарата» всего рабочего движения Англии. Если говорить о надстроечном *аппарате* всего английского рабочего движения, то это предполагает определенную *целостность*, определенное организационное *единство* этого аппарата. Между тем никакой *единой* надстройки в британском рабочем движении на самом деле нет. Неправильно логически и неправильно политически включать английскую компартию в совокупный «весь аппарат» рабочего движения, говорить об аппарате, включающем в себя «все без исключения группировки» рабочего класса,—ставить *английских коммунистов*, независимую рабочую партию, движение меньшинства, Генсовет тред-юнионов и т. д. на *одну и ту же* «аппаратную» доску.

Но «тормозила» или не тормозила английская компартия ход классовой борьбы? Бросала или не бросала она в рабочие массы «тормозящие» лозунги? И вообще, в каком случае английская компартия была бы тормозом событий?

В двух случаях английскую компартию можно было бы зачислить в категорию «тормозов» революции. Или: если бы компартия действительно потеряла свое революционное лицо, скатилась в оппортунистическое болото. Или: если бы английская компартия вступила на путь *ультра-левого лозунготворчества*, если бы английская компартия бросила бы, напр., лозунг «своего» руководства стачкой вместо генсоветовского, если бы она выбросила лозунг создания новых форм движения *взамен* профсоюзных, если бы она бросила лозунг бегства из профсоюзов и т. п.

Ленин всегда предостерегал коммунистов против мнения, будто большевистская линия заключается в том, чтобы всегда и везде кричать "непременно «левее» всех других, чтобы во всех случаях жизни, во всякой фазе борьбы бросить непременно *предельно-левые* лозунги. Ленин учил коммунистов *высшей математике* борьбы. Ленин всегда считал недопустимым игнорирование промежуточных «звеньев цепи», он требовал их непременного выявления, он считал величайшим революционным искусством умение во-время выбросить *промежуточные* лозунги, лозунги, от которых затем можно перейти к следующим *высшим* лозунгам движения.

Линия английских коммунистов была в общем и целом правильной. Английские коммунисты бросали такие лозунги, которые были рассчитаны на *массы*, которые могли быть *понятными*, могли зацепить с той или иной стороны сознание рабочих

масс. Лозунги коммунистов толкали массы на *высшие* ступени борьбы, на переход от обороны к наступлению, на переход от «экономики» к «политике». Именно *поэтому* английская компартия не только не была фактором «торможения», но была, напротив, *единственным сознательным фактором революционизирования* английских рабочих масс. И именно поэтому она могла бы оказаться в состоянии, несмотря на свою малочисленность, при благоприятном революционном развертывании событий (которое, разумеется, зависело и зависит отнюдь не от одних только коммунистов!) превратиться в несокрушимую массовую «материальную силу» и перенять на себя *руководство* движением.

Английская компартия оказалась бы подлинным фактором торможения, если бы двинулась по пути, нравящемуся «ультралевым», если бы, насилуя об'ективные связи данной конкретной ситуации, игнорировала бы в своей тактике особенности промежуточных стадий движения, если бы она все время пребывала в величественном состоянии *одной и той же* неизменной «крайней левизны». Оторваться от промежуточных фаз борьбы значит оторваться от реальности, стало быть, и от особых условий *английской* реальности, стало быть, от особых условий *массовой* работы в *английской* обстановке. Ультра-левая линия привела бы—даже при наличии *поступательного* хода событий—к отрыву коммунистов от масс, к их сектантскому «самозамыканию» и дезориентировала бы, а следовательно, и *затормозила* бы революционную борьбу.

Не случайно, между прочим, то, что «философия» торможения тесно связана с фантастикой «новых форм». Раз весь совокупный аппарат рабочего движения дает осечку, раз «аппарат» также и компартии, также и «движения меньшинства» является аппаратом «торможения», раз, вдобавок к этому, самый мощный массовый *профсоюзный* аппарат уже оказался очагом чудовищной измены—то вполне понятным и резонным делается неумеренное подчеркивание значения «новых форм», ударение и основной курс именно на «новые формы». А мы уже знаем, к чему ведет этот новый курс, избираемый в качестве основного курса английских революционеров. Он ведет к забвению главных особенностей путей развития Англии, к ослаблению самой важной работы—работы в профсоюзах, к выходу из профсоюзов, к срыву тактики единого фронта, к тому, что для британского революционного пролетариата представляет теперь самую *главную опасность*.

IV. Англо-Русский Комитет и «стопроцентные» бойкотисты.

Капитуляция 12 мая поставила ребром вопрос о существовании Англо-Русского Комитета профсоюзов.

После того, как Генеральный Совет трэд-юнионов стал *сообщником* английской *буржуазии* в деле расправы над бастующими рабочими, после того, как он проявил себя, как «достойная секция» *Амстердама*, после этого прямой обязанностью всех революционеров становится ничем неприкрытая, беспощадная критика членов Генсовета, разоблачение предательской его роли, разоблачение лево-центристских его вождей в *первую голову*. Этой точки зрения придерживаются—и не могут не придерживаться—революционные советские профсоюзы, как это известно из обращения ВЦСПС к рабочим всех стран.

Можно ли, однако, совместить такую оценку капитуляции 12 мая с представительством ВЦСПС в организации, в которой на тех же самых правах представительствует предательский Генеральный Совет? Не должен ли был наш ВЦСПС сделать организационные выводы от своей точки зрения? Не должен ли был ВЦСПС сразу заявить о своем выходе из Англо-Русского Комитета? Кое-кому может, действительно, показаться, что разрыв с английскими трэд-юнионами должен диктоваться простыми соображениями «здоровой» политической логики. Кое-кому может показаться странным и «непонятным» продолжение нашего пребывания в англо-русском комитете, наше воздержание от активного разрыва. Рассуждают, примерно, так: никто не поймет нашей политики, никто не поймет, как можно сидеть в одной общей кампании со «смердящим трупом». Ведь с банкротами не разговаривают! Ведь свершилось 4 августа! А с изменниками нового 4 августа надо поступать также, как поступали большевики с изменниками в 1914 году. С изменниками надо рвать. Нельзя им подавать ни одного пальца. Всей силой их международного революционного авторитета наши советские профсоюзы должны морально и политически обрушиться на Генеральный Совет, еще больше его дискредитировать в глазах всех честных пролетариев, а для этого об'явить Генсовету бойкот и немедленно выйти из Англо-Русского Комитета.

Однако, только на первый поверхностный взгляд такое рассуждение может подкупить своей «революционной» логичностью. В действительности же такая политическая линия была бы ошибочной линией наименьшего сопротивления, основанной на примитивной, формальной логике борьбы. Между тем ленинская стратегия борьбы должна оставаться тем, чем она всегда является, т.-е. быть насквозь диалектичной.

Неверен, прежде всего, и ничего общего с большевизмом не имеет тот «целомудренный» взгляд, будто с политическими банкротами и изменниками не разговаривают, что с банкротами нельзя сидеть «за одним общим столом», в одной и той же организации. Всякий, кто не забыл еще окончательно борьбу русских большевиков летом 1917 года, должен знать, что тогдашние меньшевистско-эсеровские советы оказались с точки зрения революции банкротами, оказались контр-революционными советами, помощниками кадетов и буржуазии. Однако, большевики, невзирая на это, невзирая на то, что от тогдашних советов «смердело» меньшевистско-эсеровской заразой, не только не принялись бойкотировать советы, но, наоборот, начали самую ожесточенную борьбу за советы, стали завоевывать советы. Большевики тогда не поддались добродетельной панике перед изменническими советами, не «самоустранились» из советов и были целиком правы. Тогда можно и нужно было сидеть с меньшевиками «за одним общим столом», ведя с ними самую непримиримую борьбу. Почему же нельзя теперь советским профсоюзам оставаться в Англо-Русском Комитете, ведя внутри него жестокую борьбу с лидерами трэд-юнионов, и помогать тем самым с «международной» стороны борьбе революционных элементов внутри английского профдвижения?

Нет решительно никакой необходимости, нет решительно никакой политической выгоды нам самим «добровольно» расторгать

официальные узы, связывающие советское и английское профессиональное движение. Политический профит от такого величественного и благородного жеста с нашей стороны извлек бы вовсе не английский рабочий класс, но его извлекли бы международная буржуазия и амстердамцы, которые днюют и ночуют с мыслью о том, как бы покончить с этим «неприятным» Англо-Русским Комитетом. И с нашей стороны было бы непростительным безрассудством торопиться оказать эту услугу амстердамцам на том лишь основании, что Генеральный Совет нынешнего состава кишмя кишит Иудами и предателями английского пролетариата. Не нервничать надо при мысли о возможных встречах с Иудами, но против Иуд надо повести жестокую разоблачительную борьбу, а для этого надо использовать всякую организационную возможность с тем, чтобы помочь английским рабочим сменить нынешний состав Генсовета, помочь им вышвырнуть вон «смердящих» вождей.

Наше «добровольное» отречение от общения с Генеральным Советом через Англо-Русский Комитет принесло бы огромный вред английскому рабочему движению тем, что он самым своим фактом форсировало бы нездоровую и самую опасную теперь тенденцию, тенденцию к выходу из профсоюзов. Наша инициатива выхода из профсоюзного комитета явилась бы сигналом к массовому выходу из профсоюзов английских революционных рабочих. Иначе, как подстрекательство к бегству из профсоюзов, английский рабочий нашего шага не поймет. Не поймет, ибо если советские революционные профсоюзы отказываются от какого бы то ни было организованного общения с английскими трэд-юнионами, то английский рабочий-революционер и подавно должен разрывать с прогнившими профсоюзами, должен выходить из профсоюзов, строить другие, новые массовые организации. Как сможет английский революционный рабочий оставаться в профсоюзах, принимая тем самым на себя определенные обязательства (профсоюзная дисциплина и пр.), если трэд-юнионы «засмердели» до такой степени, что советские профсоюзы, не принимая на себя никаких обязательств, отказываются с верховной инстанцией трэд-юнионов даже «разговаривать»?

Но не будет ли хуже, если инициатива разрыва Англо-Русского Комитета будет принадлежать английской стороне? Разрыв Генсовета с нашими профсоюзами не только возможен, но даже весьма вероятен. Ибо лидеры Генсовета зная нашу оценку 12 мая, великолепно понимают, что встречи в Англо-Русском Комитете не могут быть теперь «дружескими», что Англо-Русский Комитет явится ареной жестокой внутренней борьбы, что мы их не собираемся «прощать», что мы ни в малейшей степени не намерены ослаблять нашей ожесточенной кампании против Генсовета.

Лидеры Генсовета могут стать инициаторами роспуска комитета единства, но это будет в конечном счете хуже для них. В обстановке непрекращающегося промышленного упадка и продолжающегося левения масс, их разрыв с нами только усугубит разочарование английских профсоюзных масс профсоюзным руководством. Их разрыв с нами явится в глазах масс новым предательством, открытым циничным поцелуем Амстердама, громогласной изменой международному профсоюзному единству. Их шаг к расколу будет означать их полити-

ческое выступление против советских профсоюзов и против всей советской страны, будет означать их блок с теми, кто ведет сейчас травлю СССР: с Биркенхедами и Черчиллями, с теми, кто пытается говорить с нами языком керзоновского ультиматума. Их разрыв с нами будет демонстрировать их солидарность с теми, кто вел во время всеобщей стачки бешеную травлю забастовщиков. Никаким реформистским лидерам не удастся внушить массам, что советские профсоюзы чем-нибудь «провинились» перед английскими рабочими и что поэтому Генеральный Совет «вынужден» с советскими союзами разорвать. Нельзя будет спрятать от масс тот факт, что лидеры Генерального Совета порвали с профсоюзами СССР именно потому, что мы помогали и хотим помогать английским рабочим. Таким образом, в случае, если инициатором разрыва выступил Генеральноый Совет, результатом этого будет обратное тому, на что реформистские лидеры рассчитывают: разрыв станет фактором роста симпатий к Советскому Союзу, углубит пропасть между «вождями» и массами, энергично подхлестнет собой процесс революционизирования английского пролетариата.

После сказанного должно быть ясным, насколько «обоснованной» выглядит попытка ультра-левых соорудить из вопроса об Англо-Русском Комитете целую платформу, направленную против руководства Коминтерна и специально против ВКП. Ультра-левые готовы теперь прожужжать все уши о том, как «цепляясь» за Англо-Русский Комитет, русские профсоюзы оппортунистически «склоняют голову» перед Амстердамом, как теперь «кулацкая струя» внутри ВКП перехлестывает за государственные границы СССР и переносится на интернациональную арену, как «мелко-буржуазное перерождение» ВКП находит себе естественное «дополнение» в «оппортунистическом перерождении» Коминтерна.

Нет ничего вреднее и глупее с точки зрения интересов английского и с точки зрения всего интернационального пролетариата, чем измышление подобных диковинных платформ. Надо понять, что вольным или невольным пособничеством Амстердаму была бы всякая другая политика в вопросе об Англо-Русском Комитете, кроме той, которую ведет ВКП и советские профсоюзы. Использовывать же «русскую линию» в английских событиях, как «иллюстрацию» «окулачивания ВКП» могут разве только сознательные клеветники или политически умалишенные. Любопытно, в самом деле, выглядит «окулачивающаяся ВКП(б)» в то самое время, когда английские стачечники получают от советских профсоюзов помощь, примеров которой история не знает! Сильна же действительно «кулацкая струя» в стране пролетарской диктатуры, если ради победы английских борцов ставятся на карту англо-советские отношения! Уж не выражает ли собой советская помощь английским рабочим «социальный блок» советского кулачества с британскими углекопами против Болдуина и шахтовладельцев? Уж не выступают ли теперь Чемберлены и Черчилли сокрушителями «кулацких замашек» ВКП? До этого только не хватает додуматься ультра-левым дурачкам!..

Но помощь английскому пролетариату имеет огромное историческое значение не только с материальной, но и с идейной стороны. Она многим должна подрезать не в меру путанные языки. Наша помощь—это конфузная оплеуха тем «развенчателям» Советского Союза, которые об'являли нашу внешнюю политику «историческим продолжением внешней политики царизма». Наша помощь английским товарищам—это уничтожающий удар по г.г. Каутским и К⁰, имевшим нахальство сравнивать советский режим с «режимом Хорти и Муссолини». Но эта же самая наша материальная поддержка борьбы британских углекопов звучит убийственным издевательством над теми, кто в наших собственных рядах любит вести смехотворные разговоры и разговорчики на темы о «кулацком термидоре».

С каждым годом СССР становится все крепче и крепче. Возрастающие на фоне хозяйственного под'ема возможности оказания реальной помощи иностранному пролетариату (наша помощь британским горнякам была первой крупной реализацией этих возможностей) показывают, как СССР делается все более несокрушимой опорной твердыней международного социализма. А руководящая строительством социализма в нашей стране ленинская партия шагала, шагает и будет шагать в самых первых рядах Коммунистического Интернационала.

К. Павлов.

Режим экономии и некоторые противоречия нашего развития.

I.

Было бы неправильно считать, что лозунг режима экономии явился только ответом на хозяйственные затруднения текущего года, как естественная здоровая реакция хозяйственного организма, регулируемого плановым началом. Разумеется, если бы у нас все было благополучно, этот лозунг возможно не был бы заострен в столь резкой и категорической, жесткой форме. Однако, этот лозунг обозначает собою длительный процесс, а не временную кампанию. За ним кроется нечто большее, чем призыв партии и пролетарского государства, призыв, обусловленный злободневными текущими нуждами,—сузить размах начатого хозяйственного под'ема, растянуть во времени темп восстановительно-реконструктивного процесса, уложиться в более тесные рамки, словом, «протянуть ножки по одежке».

В условиях хозяйственных затруднений режим экономии становится острым повелительным лозунгом. Собственно, проводить этот режим мы начали не со вчерашнего дня. Уже переход на принцип всеобщего хозяйственного расчета означал прекращение того широкого расточения народно-хозяйственных рессурсов, которое было вызвано издержками революции, революционной необходимости.

Уже Ленин ставил вопрос о проведении режима экономии очень резко и определенно и притом в двояком смысле.

С одной стороны—в плоскости конкретной, как задачу текущего строительства. «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую экономию в труде». Эти великолепные, меткие слова («Очередные задачи советской власти», соч., XV, 181) как-будто специально приурочены к марту—апрелю 1926 года, когда мы приступили к работе по осуществлению режима экономии. А какую бурю насмешек вызвали эти слова в 1918 году со стороны меньшевиков и эс-еров, увидевших здесь не что иное, как только проповедь мещанского скопидомства, отступление от «возвышенных идей» социализма и проч.! Или такая выдержка: «Черная доска отсталых фабрик, после национализации, оставшихся образцом разброда, распада, грязи, хулиганства, тунеядства, где она? Ее нет. А такие фабрики есть... Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранить интересы рабочего класса в целом от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций, привычек капитализма и продолжают смотреть на советское государство

попрежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже,—содрать с «него» денег побольше? Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков советских типографий, среди сормовских и путиловских рабочих и т. д.?» (Собр. соч. XV, 388). Во имя интересов всего рабочего класса Владимир Ильич не льстил рабочим, не замазывал темных сторон психологии отдельных рабочих групп и не жалел слов, чтобы заклеймить эгоистические групповые уклоны. Приведенные строки напечатаны были в «Правде» 20 сентября 1918 года в статье «О характере наших газет». Разверните нашу экономическую прессу за март—май 1926 года, и вы увидите, что гневная тирада Ильича полностью приложима к современности, к нынешнему расхождению заработной платы и производительности труда.

Но Ленин ставил лозунг экономии (выражая его в самых различных терминах) и в более широком смысле. Он ставил его в связь с общей перспективой социалистического строительства, с победой социализма над расточительной анархией капитализма. Таков его известный призыв к учету и контролю: «социализм это—учет».

«Социализм,—писал он,—требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом» (XV, 186). «Безотчетность в деле распределения продуктов... есть гибель зачатков социализма, есть казнокрадство—ибо все имущество принадлежит казне, а казна—это и есть советская власть, власть большинства трудящихся» (XV, 191). В. И. прямо ставит ребром вопрос о борьбе «социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности» (там же). «Учиться работать—эту задачу советская власть должна поставить перед народом во всем об'еме», положить «основы социалистической организации соревнования», ибо «бессмыслица... будто социалисты отрицают значение соревнования. На самом же деле только социализм... впервые открывает дорогу для соревнования действительно в массовом масштабе» (XV, 195). И, наконец, через пять лет в статье «Лучше меньше, да лучше», Ленин дает уже решительную непререкаемую директиву всей партии, всем «рабочим, увлеченным борьбой за социализм»: «Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата»: мы должны «...ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии для развития электрификации, гидроторфа, для постройки Волховстроя и проч.» (XVIII, ч. 2, с. 128).

Итак, необходимость режима экономии нельзя толковать иначе, как необходимое условие поднятия нашего хозяйства на более высшую ступень, чем капиталистическое хозяйство с его бесконечной и бесплодной растратой силы и средств, растратой, органически ему присущей, вытекающей из его антагонистического характера. Без такого поднятия историческая задача Октябрьской революции останется невыполненной. Если мы не превзойдем капиталистического хозяйства дешевизной, экономией, максимальным сбережением энергетических и социально-трудовых рессурсов, мы социализма не построим.

В условиях хозяйственных затруднений, сопровождающих наш народно-хозяйственный под'ем, лозунг режима экономии диктуется с исключительною решительностью и настойчивостью. Мы достигли уже такой стадии строительства, когда игнорировать его в качестве руководящего практического мерила абсолютно не приходится.

II.

Партия провозгласила режим экономии как практическую задачу ближайших лет. Это значит, что мы должны по-ленински, открыто, не замазывая вопроса, признать: мы были расточительны, небережливы, недисциплинированы в труде. Отчасти здесь мы имеем наследие царского режима, которое еще не преодолено окончательно. Отчасти—для нас сейчас это самое важное—это вызвано издержками пролетарской революции. Мы говорим об издержках небывало мучительной борьбы и разделки со старым, об издержках невиданного, совершаемого без опыта и примера строительства социализма в отсталой аграрно-промышленной стране. Тов. Бухарин еще в своей «Экономике переходного периода» дал характеристику прямых издержек революции, гражданской войны. Эти издержки были совершенно необходимы и неизбежны. Они себя оправдали сторицей. Разгром контр-революции расчистил дорогу к социалистическому строительству.

Мы имеем далее издержки нэпа, отметившего только что пятилетие своего существования. Проблема издержек нэпа еще ждет своего исследователя. Эти издержки не подсчитаны материально и количественно и не изучены с точки зрения их значения для судеб нашего социалистического строительства. Эта проблема вплотную приводит к тем противоречиям об'ективного хозяйственного развития, с которыми придется считаться, проводя в жизнь лозунг режима экономии.

Вспомним период воссоздания из наследия военного коммунизма рыночных связей в 1921—1922 г.г., период оформления товарного хозяйства, «разбазаривание» промышленных фондов, стихийное нарождение трестов и синдикатов, повлекшее за собой кампанию по их пересмотру, сокращению, организационному слиянию и т. д. Это была борьба реального планового начала против безудержных проявлений коммерческого и хозяйственного расчета наших хозорганов. Мы имели затем колоссальные потери на падавшей бумажно-денежной валюте. Издержки инфляции несло не только крестьянство в форме эмиссионного налога, но и государство в лице его транспортных, налоговых и иных касс. Издержки инфляции, огромные по своей величине, грозили нам не только экономическим кризисом, но и политическим—срывом смычки города и деревни.

А издержки по государственному регулированию промышленности и торговли? Издержки народно-хозяйственного планирования, включая прямые потери от плановых «просчетов»? А издержки контроля: пресловутый потоп бумажной отчетности? А издержки кооперирования со стороны бюджета и промышленности? Многие из этих издержек, разумеется, были совершенно неизбежны и рациональны. Это были затраты на социалистическое строительство. Они будут оправданы в будущем. Но во скольких случаях был перейден предел действительно необходимого? Сколько было затрачено зря, бесполезно, преждевременно, необдуманно? Наконец, мы имели и имеем и отрицательные издержки. Под ними мы разумеем прямые излишества, явные растраты уголовного и полууголовного характера, принявшие за последние два года массовый и социально-опасный характер, ибо они носят в себе элементы буржуазного разложения.

Переход нашего государственного и кооперативного хозяйства к методам капиталистического коммерческого расчета, в условиях окружения мелко-буржуазной стихией, неизбежно воспитывает и воспроизводит в неустойчивых элементах человеческого аппарата буржуазную психологию. И что хуже всего—эта буржуазная психология прикрывается «возвышенными принципами»: «...в учреждениях, в частности, в сел.-хоз. кооперации, нет достаточной бережливости. 100 рублей не считаются деньгами. бережливого человека не уважают, считают его ограниченным, не понимающим широких задач, стоящих перед советской властью» («Эк. Жизнь», 20 марта, ст. П. Садырина). Эта немного шаржированная формулировка очень характерна. Она намечает те и суб'ективно-групповые противоречия, и противоречия об'ективного социалистического развития, которые вскрывают лозунг режима экономии.

Не по-марксистски было бы думать, что решающие причины нашей расточительности, небережливости и проч. коренятся только в буржуазно-переродившейся психологии отдельных хозяйственников. Нет, они глубже. Наше государство управляет и хозяйствует не капиталистическими методами. Режим капиталистической экономии нам не пример. У нас есть расходы—политические, культурно-социалиные, профессиональные, административные,—каких не знает капиталистический мир. Поэтому тот, кто об'являет огульно непроизводительным всякий расход, не идущий непосредственно на производство,—тот не понимает отличительной сути советского строя. В этом смысле издержки социалистического строительства, раскладываемые на всех трудящихся, несомненно, останутся. Интересы защиты труда, интересы вовлечения широких трудящихся масс в кооперативное и хозяйственное строительство, интересы политического и общего просвещения ни в коем случае не могут быть ущерблены во имя режима экономии.

Однако, с другой стороны, нельзя упускать из виду той обстановки, в которой нам приходится бороться за численное и материальное преобладание социалистических элементов над капиталистическими. Мы окружены мелко-крестьянской и мелко-буржуазной стихией. Мы не можем игнорировать конкуренции, идущей со стороны частного капитала, торгового, кустарного, ремесленного, который у нас допущен к хозяйственной деятельности. И мы не можем бороться с ним иначе, как методами крупно-капиталистической техники, удешевлением производства, понижением цен, повышением качества изделий,—словом, соединением принципов экономии и качества. Но не надо забывать, что это—только технические методы. Социальное содержание нашей промышленной политики—другое.

Наша госпромышленность существует не сама по себе, не ради голого извлечения голой прибыли во что бы то ни стало. Она существует прежде всего для обслуживания рабоче-крестьянского потребителя. Она является основною частью пролетарского хозяйства, активно идущего к социализму. И, в то же

время, она должна бороться конкурентными методами за свое развитие в нелегких условиях мелко-буржуазного окружения.

Мы можем сказать, даже, что социалистический характер нашей госпромышленности заключает в себе некоторое противоречие с методами коммерческого и даже просто хозяйственного расчета. Госпромышленность оказывается иногда вынужденной продавать товары даже по убыточным для себя ценам, раз это диктуется, в каждом данном случае, интересами потребителя. А продажа товаров по убыточным ценам, разумеется, не может не противоречить режиму экономии. С другой стороны, тот же последовательно-социалистический характер нашей госпромышленности приводит к отрицательным явлениям. Наша крупная госпромышленность монопольна. А там, где имеется монополия, особенно в условиях мелко-буржуазного окружения,—там заложены тенденции к буржуазному вырождению, к забвению прямых общественных задач, к увлечению торговлей ради торговли и т. д. Где монополия, где отсутствует «благодетельный» винт конкуренции, там зарождается склонность к бесконтрольности, безответственности, к излишествам,—словом, обычные тенденции к загниванию. И, к сожалению, эти тенденции весьма трудно парализуемы в порядке одних административных приказов.

Обычно, капиталистическая конкуренция на ряду с дорого стоящей народным массам растратой сил и средств, приносит и нечто положительное. Именно она наводит экономию внутри отдельных предприятий. Однако, можно ли считать целесообразным, плодотворным, введение принципа межхозяйственной конкуренции внутри нашей госпромышленной системы? Осуществим ли у нас принцип того социалистического «соревнования», о котором 8 лет назад писал Ленин?—Безусловно, да. Нужно оговориться, тем не менее, что тот опыт соревнования и конкуренции, который имела до последнего времени наша госпромышленность не дал ничего хорошего ничего принципиально отличного от расточительных методов капиталистической конкуренции. Достаточно сослаться на пример Московского и Ленинградского электротехнических трестов, которые конкурировали друг с другом вплоть до скрывания друг от друга своих технических достижений, и несмотря на это не смогли завоевать себе новых рынков сбыта по той простой причине, что продукции обоих трестов нехватало даже для основных первоочередных потребителей.

Мы не должны все же зарекаться вовсе от применения методов конкуренции. Будучи правильно понята и целесообразно направлена, она послужит отличным стимулом к тому, чтобы заинтересовать наших красных промышленников и красных купцов в проведении режима экономии, чтобы несоблюдение этого режима грозило бы им реальным хозяйственным ущербом. Если не будет этого стимула, неизбежны застойность, почивание на лаврах, пренебрежение к элементарным основам коммерческого расчета,—словом, все явления монопольности в худшем смысле слова.

Но практически госпромышленность является в руках пролетариата почти безраздельной командной высотой. Частный промышленный капитал почти не воздействует на политику госпромышленности. Длительная же кон'юнктура товарного голода еще больше укрепляет монопольные позиции последней. Между тем, конкуренция со стороны частного промышленного капитала была бы весьма полезна для внедрения режима экономии в нашу госпромышленность: для достижения той высшей производительности труда, той экономии в использовании рабочей силы, о которой говорил Ленин в «Очередных задачах советской власти». Но здесь мы наталкиваемся на некое противоречие. Курс нашей экономической политики направлен как раз на уменьшение роли частного капитала в народном хозяйстве вообще, в промышленности в частности. Наша экономическая политика преследует цели социалистического протекционизма. Значит, отсюда, мы должны это противоречие преодолевать не методами открытой и беспощадной капиталистической конкуренции, а другими средствами. Какими? В первую очередь плановым регулированием нашей промышленности со стороны органов пролетарского государства, с другой стороны—укреплением и воспитанием дисциплины жесткой экономии со стороны хозяйственников.

III.

Сюда—и главным образом сюда, должен быть сделан нажим. Именно в государственном хозяйственном аппарате, во всех его разветвлениях и филиалах, скрываются те материальные фонды, одно сбережение коих могло бы дать огромные осязательные результаты. Особенно это относится к оперативным промышленным и торговым организациям. Главное ударение должно быть сделано на непроизводительных, необдуманных, случайных и систематических расходах и тратах. Основной огонь партия и вся советская общественность должна направить на головотяпство, бесплановость, бездействие и на отсутствие инициативы руководящих управленческих организаций. Все сложившиеся за период нэпа «обычаи» торгового, промышленного, планово-регулирующего быта; вся система связей, сношений, отчетности, контроля, субординации и координации—именно в ней кроется большое неблагополучие с точки зрения режима экономии. Жесткой рукой, постепенно, не спеша, но решительно мы должны взяться за пересмотр всей «технической ткани» нашей хозяйственной системы.

Отметим главнейшие отрицательные моменты этой ткани, вскрытые нашею печатью за последние месяцы.

В целом ряде областей, у нас до сих пор отсутствует единачалие в работе, в смысле полномочного, самостоятельного распорядительства. Для «согласования» и «увязки» пустяковых вопросов созываются громоздкие совещания. Все эти командировки, с'езды и раз'езды и дорого стоящие комиссии ложатся немалым расходом на бюджет пролетарского государства. Неудачное построение учреждений. Параллелизм функций. Зачастую создается учреждение, а потом ему придумываются функции. Это, главным образом, относится к той хаотической, до сих пор неупорядоченной многоступенчатой отчетности, которую у нас разрабатывают, используют (а чаще всего и вовсе не используют!) десятки различных инстанций.

Бесхозяйственность проявляется не только в форме ревизионно-уловимых и инкриминируемых действий, но и в форме неумения предвидеть расходы, сберегать их (неумелое исполь-

зование транспорта всех видов), отсутствие элементарной коммерческой предприимчивости: одно ускорение оборота капитала предприятий сберегло бы реально многие миллионы рублей, как это подсчитано было т. Пятаковым еще полтора года тому назад. Мы не говорим уже о том, что аппараты трестов, синдикатов, представительств, уполномоченных поглощают огромную долю прибавочного продукта, создаваемого предприятиями—фабриками и заводами.

Во всех этих областях наши возможности наведения режима экономии должны быть использованы полностью и до конца. Наш государственный, регулирующий и администрирующий, аппарат должен подвергнуться сокращению, сжатию, внутренней рационализации. Борьба за сокращение штатов об'явлена систематически с 1922 года. Тем не менее численные размеры нашего аппарата, особенно центрального, не уменьшаются, а даже растут.

Однако, надо отдать себе ясный отчет в том, что одним централизованным нажимом, путем одних только механически-административных мер наш разбухший аппарат мы не сократим и не упорядочим. И здесь мы подходим к об'ективному противоречивому затруднению, которое стоит на пути проведения режима экономии. Это затруднение—проблема ведомственности. К сожалению, эта проблема у нас мало исследована теоретически.

Наше государство и хозяйство руководятся одною партией. Государство и хозяйство преследуют одни и те же классовые цели, четко выраженные. Но сложная суть противоречивой обстановки, в которой совершается наше строительство, обусловливает то, что у нас существуют ведомства и противоречия ведомств. Нельзя легко отмахиваться от проблемы этих противоречий и от трудности ее разрешения. Нельзя говорить просто, что разные люди посажены на функционально-разные места, и противоречия интересов между ними являются только кажущимися или формальными. Нет, эти противоречия вызываются и воспроизводятся определенными социальными влияниями. Поскольку есть противоречия между крестьянством и рабочим классом, противоречия между «чистыми производителями» (госпромышленность) и «чистыми потребителями» (напр., наша потребительская кооперация), между государственным капиталом и частным капиталом,—постольку эти противоречия неизбежно давят на работу наших ведомств. Разумеется, мы ни на иоту не преувеличиваем остроты и значения этих противоречий в общей перспективе социалистического развития нашей страны. Но мы не должны забывать, что наш госаппарат делится на ведомства не просто ради технического удобства, связанного с разделением труда. Это деление не узко функционального характера, а имеет более глубокую социальную подоплеку. Можем ли мы отрицать наличие трений и несогласий между Наркомземом и Наркомфином по линии сельско-хозяйственного налога; между Наркомфином и промышленностью по вопросу об из'ятии прибылей в доход государства; между нашими банками, как держателями кредитных фондов, и трестами, как потребителями кредита; между ВСНХ и потребительской кооперацией и т. д.? Разумеется, было бы ошибкой думать, что эти несогласия имеют глубоко принципиальный политический характер, что они непримиримы в свете высших интересов советского рабоче-крестьянского государства, строящего социализм. Уже только плановый характер нашего хозяйственного строя обеспечивает безболезненное разрешение этих несогласий и противоречий в каждом данном случае.

Но пределы нашего планового воздействия на ведомства ограничены. Ведь наши ведомства и хозорганы имеют дело не только с пролетарской казной, интересы коей они призваны и обязаны блюсти, но и с частно-капиталистической стихией, где они часто бывают предоставлены самим себе. И вот в целях борьбы с этой мелко-буржуазной и буржуазной стихией, а также для использования сил этой стихии по социалистическому руслу,—оказываются неизбежными такие расходы, которые выходят за рамки чистой экономии. Использование буржуазных квалифицированных специалистов, применение рекламных методов, всякого рода комиссионерства и коммивояжерства, необходимость ради конкуренции быстрого охвата рынка сетью торговых отделений хозорганов, стоящих, конечно, дорого,—все это неизбежные накладные расходы нашего хозяйственного расчета. Можно и должно бороться за максимальное снижение, но устранить их полностью, или свести к какому-либо раз навсегда предустановленному, твердому, «бюджетному» минимуму—задача едва ли мыслимая в условиях нэпа. И здесь режим экономии наталкивается на препятствие, которое трудно предвидеть.

Обратимся далее к аппарату нашего государственного планирования и регулирования.

Мы гордимся нашими плановыми завоеваниями. И недаром. Пятилетие нэпа совпадает с пятилетием существования Государственной Плановой Комиссии при Совете Труда и Обороны (Госплана).

Мы смогли приостановить наше «отступление», закрепиться на твердых и выгодных позициях и продвинуться вперед на решающих участках против капиталистического врага—лишь благодаря действительно плановому характеру нашего хозяйства. Крайне показательно, что люди, политически отстоящие от нас далеко и не во всем согласные с хозяйственной политикой нашей партии, вынуждены, однако, признать, что лишь плановое хозяйство предохранило нас от превращения временных хозяйственных затруднений 1925—1926 г.г. в острый хозяйственный кризис с массовыми банкротствами и закрытиями предприятий, как это неминуемо случилось бы в капиталистической стране (проф. Л. Н. Юровский, в брошюре «Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики», Фин. Изд., Москва, 1926 г.).

Но мы опять-таки не должны переоценивать реальной эффективности методов планового хозяйственного воздействия. Гипертрофия плановости так же вредна и расточительна для народного хозяйства (опыт военного коммунизма), как и гипертрофия капиталистической конкуренции. Просчеты в нашем хозяйстве—если брать их со стороны суб'ективных факторов—являются не только результатом неудачных планов, но и плодом множественности, несогласованности, противоречивости планов, исходящих от разных ведомств. Не слишком ли много у нас планирующих аппаратов, явного и скрытого параллелизма в этой области? Если мы возьмем, для примера, только одну госу-

дарственную торговлю, то увидим, что ее регулируют и планируют: Народный Комиссариат внутренней и внешней торговли, Торговая Комиссия ВСНХ, Торговая Секция Госплана, торговая Секция НК РКИ, Совет Синдикатов; сюда надо присоединить банки, которые регулируют торговлю непосредственно методами кредитной политики. А если прибавить сюда планирующие и регулирующие органы Союзных республик, губерний и округов и нижестоящие соответственные инстанции, то получится такая внушительная организационная система воздействия, которой едва-ли соответствует действительная степень успехов госторговли. При всем том мы не приняли во внимание наличия еще одного органа, воздействующего на госторговлю: именно Наркомфина (налоги и акцизы).

А прохождение производственных программ геспромышленности? А рассмотрение государственного бюджета СССР в ряде предварительных регулирующих инстанций (статья М. Ветошкина в «Эк. Жизни», 1 и 2 апреля)? Мы можем не увеличивать числа примеров. Каковы же наши выводы? Необходимо рационализировать государственный планово-регулирующий аппарат в полной мере соответственно правильно понятому режиму экономии. Надо поставить дело так, чтобы организационная структура госаппарата полностью себя оправдывала в народнохозяйственном производительном эффекте.

Нужно отказаться от таких учреждений (и проектов таких учреждений), которые работают на холостом ходу и не могут выполнить тех широких и часто необ'ятных задач, которые они себе ставят. Сюда относятся бесчисленные «комитеты» и «комиссии», «секции» и «бюро», которые создаются сплошь и рядом в угоду красоте и стройной замкнутости организационных схем, висящих на стенах кабинетов. Несмотря на то, что нередко эти учреждения с самого начала являются мертворожденными, они усиленно поглощают средства по «утвержденной смете». Вот сюда-то и должен быть направлен беспощадный и очистительный огонь режима экономии.

Мы слишком много тратим на служащих—и недостаточно, нерационально скупо, например, на воспитание и развитие выдвиженчества из рабочих и крестьянских масс.

IV.

Обращая основное острие борьбы за режим экономии на непроизводительные расходы и вредные излишества нашего государственного планирующего, регулирующего, хозяйственного, оперативного аппарата и отмечая неизбежные трудности осуществления этого режима, мы должны сейчас коснуться другой, менее важной, но все же существенной стороны дела.

Это—режим экономии в промышленном производстве.

Бесспорно, наши госпредприятия последовательно-социалистического типа, дающие государству прибавочный продукт, менее, чем другие участки хозяйственного фронта заслуживают упрека по линии экономии. Именно на счет этого прибавочного продукта существует в значительной своей части хозяйственный аппарат. Следовательно, не здесь должно быть сделано главное ударение.

Но это вовсе не освобождает нас от постановки на очередь вопроса о производственной экономии. Достаточно сослаться на известное расхождение кривых производительности труда и заработной платы, которое начало наблюдаться с последней четверти 1924—1925 г. Режим экономии на производстве повелительно выдвигает задачу максимального повышения производительности рабочего труда, беспощадного изгнания всех нарушений внутренней трудовой дисциплины, изжития всех «бытовых явлений», мешающих производству: прогулов, пьянства, симуляций, хищений, хулиганства и пр. Режим экономии возлагает на хозяйственников, красных директоров, инженеров, мастеров личную ответственность за действительное удешевление издержек производства. Необходимо внедрить и усилить сознание необходимости экономии в гущу профессиональных союзов и непосредственно широкие рабочие массы.

Здесь мы подходим к новому противоречию, которое затрудняет проведение в жизнь режима производственной экономии так быстро, как этого нам бы хотелось. Это противоречие трактовалось до сих пор как противоречие между интересами хозяйственников и профсоюзов. Партия на своих с'ездах дала политическую директиву о том, что интересы народного хозяйства и промышленности и интересы рабочего класса не противоположны и не должны противопоставляться. Ибо это—интересы единого совокупного хозяйства, строящего социализм. Хозяйственники должны итти навстречу профсоюзам, фабзавкомам, низовой профсоюзной общественности. С своей стороны профсоюзы—непосредственный выразитель и выполнитель настроений и воли рабочего класса—должны итти навстречу хозяйственникам, помогая им в работе, исправляя их недочеты и увлечения своевременной и доброжелательной критикой. Тем не менее, на практике внутри знаменитого «треугольника» едва ли все обстоит благополучно. И это недаром. Никакие директивы сами по себе, никакие добрые желания сами по себе не смогут устранить возможности возникновения в каждом отдельном случае разногласий или даже прямых конфликтов между хозяйственниками и профсоюзами. И на почве лозунга режима экономии такие разногласия могут только расти. На это нельзя закрывать глаза.

Спросим себя: во всем ли и всегда ли профсоюзы идут рука об руку с хозяйственниками, выполняя огромную задачу удешевления и рационализации производства? Просмотрите нашу экономическую прессу—«Экономическую Жизнь» и особенно «Торгово-Промышленную Газету», где пишут и хозяйственники и рабкоры,—и вы увидите, что это далеко не так. Проведение действительного режима экономии наталкивается на такие препятствия, которые отчасти коренятся в психологии низовых рабочих масс,—психологии, перепаханной и перевоспитанной десятью годами пролетарской революции.

В самом деле. Революция внедрила в сознание самых отсталых слоев рабочих права на защиту труда, на гарантию жизненного минимума (в форме заработной платы), на охрану труда, на разнообразные льготы и привилегии. В каждом конкретном случае рабочий и работница умеют сознавать и практически отстаивать свои законные материальные интересы. Но мы не должны замазывать отрицательных явлений, выросших на этой почве. Здоровое сознание своих прав, это неот'емлемое завоевание революции, искривляется, уродуется. Именно: иногда в рабочей среде начинают смотреть на уровень своей заработной платы, как на нечто заранее за ними обеспеченное, как на нерушимый экзистенц-минимум, зависящий только от 8 часов их ежедневного

труда и мало связанный с качеством и производительностью этого труда. Некоторые рабочие стали привыкать к тому, что уровень их жизни защищен и законом и целым рядом пролетарских организаций, и они могут на этой почве позволять себе безнаказанно понижать и нарушать дисциплину труда. Они считают, что пролетарское государство обязано защищать рабочего во всех случаях, при любых обстоятельствах. Весьма любопытная корреспонденция на эту тему была помещена в «Торгово-Промышленной Газете» от 25 марта 1926 года (г. Степанов из Кинешмы, Ив.-Вознесенской губ.).

Такие настроения становятся понятны в свете приведенной выше тирады Ленина против тех «горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций, привычек капитализма» и рвачески смотрят на советское государство.

Нет сомнения, что многие проявления такой кривой психологии уже изжиты или парализуются усилиями профсоюзов, коммунистических фракций в них и т. д. Разумеется, если бы такой цехово-эгоистический взгляд укоренился сколько-нибудь прочно в рабочей массе, то широкая борьба за режим экономии была бы крайне затруднена. К счастью, этого нет.

Но, спрашивается, можем ли мы, с другой стороны, встать на путь капиталистических методов регулирования заработной платы, провозгласить у нас действие «железного закона» заработной платы? Нет, не можем. В этом и состоит то противоречие, то затруднение на пути к проведению режима экономии в труде, которое существует и должно быть преодолено иными, советскими методами. Социалистическая сознательность, ясное понимание рабочим своего места и роли в поднятии народного хозяйства,—таковы моменты, упорная пропаганда коих является главной задачей профсоюзов, производственных совещаний, беспартийных рабочих конференций и т. д.

Но мы не должны и не можем отказываться от применения таких способов воспитательного воздействия, которые связаны с теми или иными материальными неудобствами или лишениями для рабочих. Этими способами, конечно, мы должны пользоваться (и уже пользуемся) крайне осторожно и осмотрительно. Деликатнейшая, тактическая задача партии и профсоюзов—так поставить дело, чтобы в сознании рабочих хозяйственник не являлся скрытым «эксплоататором», за которым нужно держать ухо востро, и чтобы, с другой стороны, профсоюзы не потакали и не прикрывали групповых, нездоровых инстинктов и интересов рабочих, интересов, противоречащих всему рабочему классу и советскому государству в целом. Трудность этой задачи чрезвычайно велика. Здесь скрывается об'ективное противоречие переходного строя. Переходный строй должен сочетать социалистический дух и содержание с капиталистическими методами и формами работы. Переходный строй вынужден существовать с живучими остатками товарно-капиталистической эпохи.

Отметим еще одну трудность. Наша партия и пролетарское государство в целом взяли курс на индустриализацию страны. Это означает повышение удельного веса крупной промышленности в нашей экономике не только путем увеличения материальных затрат на форсирование роста геспромышленности. Это означает численный рост занятого в промышленности рабочего населения. Чем большее число населения будет «выварено» в советском фабричном «котле», тем прочнее станет база советской власти, база социалистического строительства и накопления.

Вот почему, осенью 1925 года, едва только наметились признаки бурного экономического под'ема, мы приняли в ряды рабочего класса тысячи и десятки тысяч новых членов. Мы справедливо гордимся тем, что процесс распада и деклассирования рабочего класса давно и бесповоротно закончился. Рабочий класс множится и возрастает на здоровой основе восстановления и реконструкции советской экономики. Но мы не можем отрицать, что, преследуя цель «индустриализации населения», борясь всеми мерами против безработицы, мы в целом ряде случаев идем дальше тех материальных рессурсов и возможностей, которыми располагаем. Правда, очень часто мы не можем позволить себе роскоши экономить на живой рабочей силе (не на труде!). Мы идем на дополнительные расходы, лишь бы сохранить в данном предприятии живые рабочие кадры. У нас есть целый ряд убыточных производств, которые, по соображениям социальным и политическим, а не только по узкокоммерческим, мы должны поддерживать за счет бюджета, за счет доходных отраслей госпромышленности. Всякое сокращение штатов для нас болезненно и не может быть иным. Вот почему, в области регулирования количественного (а также качественного) состава промышленного пролетариата лозунг режима экономии не может пониматься прямолинейно, формально, под углом зрения одностороннего коммерческого расчета. «Резервная рабочая армия»—этот спутник капиталистического строя,—для нас неприемлема. Мы должны с нею бороться всеми теми рессурсами, коими располагает наше плановое хозяйство. Но преуменьшать значение этого об'ективного противоречия было бы неправильно.

Мы считали своим долгом наметить бегло основные задачи и трудности проведения режима экономии.

Мы ни минуты не сомневаемся, что эти трудности, как бы велики они ни были, будут побеждены. Осуществление режима экономии—длительный процесс. Сейчас он стал боевым, острым лозунгом. Это лозунг Владимира Ильича о поднятии производительности нашего народного хозяйства на высшую ступень, чем в капиталистическом мире. Иначе,—если мы не добьемся его осуществления,—мы обречем нашу социалистическую промышленность, отвоеванную революцией у капиталистов, на прозябание.

Наша партия, как средоточие неисчерпаемой энергии, бодрости и оптимизма, правильною политикою должна преодолеть те об'ективные противоречия, которые заложены в переходном к социализму строе. Отрицательно-монопольные тенденции наших хозорганов будут побеждены. Госаппарат будет упрощен и удешевлен. Издержки обращения, планирования, регулирования будут сведены к минимуму. Социалистически-сознательная трудовая дисциплина рабочего класса восторжествует над шкурническими, расточительными уклонами отдельных групп и горсток рабочих. И, как писал Ц. О. нашей партии еще в начале кампании 23 марта 1926 года, «нет никаких сомнений, что наша партия, опираясь на широчайшую поддержку трудящихся масс, осуществляя борьбу за экономию как длительную актуальную работу месяцев и годов, сумеет добиться ликвидации всех источников расточительности и направления народно-хозяйственных накоплений в русло социалистического строительства».

От левой фразы к социал-фашизму.

(Начало статьи см. в № 11).

III. Куда растет «ультра-левая».

Самым сильным и влиятельным и, во всяком случае, самым последовательным из всех направлений германской «ультра-левой» до последнего времени было направление Шолема—Каца—Корша—Вебера. Еще в январе оно заняло резко-отрицательную позицию по отношению к XIV с'езду ВКП. Но после январской конференции этой фракции от нее отошла группа видных руководителей: Шолем, Розенберг, Конрад, а Кац очутился вне партии. Новая конференция этой фракции привела к новому расколу. На этот раз от фракции откололся Вебер, образовавший вместе со своими сторонниками новую «ультра-левую» группировку. Разногласия, послужившие причиной раскола между Коршем и Вебером, сосредоточились вокруг четырех вопросов: 1) о лозунге рабоче-крестьянского правительства: Вебер считает его принципиально правильным; Корш решительно его отвергает; 2) об особых пролетарских организациях (союз красных фронтовиков; пролетарская красная помощь, Красный Профинтэрн): Вебер отказался признать, что ЦК КПГ и ИККИ ведут курс на ликвидацию этих организаций; Корш на этом настаивал; 3) о ячейках: Вебер настаивал на принципиальном признании ячеечной системы, как основного типа партийной организации; Корш—решительно против и 4) о создании международной фракции «левых»: Вебер против об'единения с Бордигой, Гансеном, Домским; Корш настаивает на организации интернациональной «левой» фракции и солидаризуется во всех основных вопросах с Бордигой. Мартовская конференция приняла специальную резолюцию «О положении в ВКП и в Коминтерне». Эта резолюция была затем дополнена и расширена, третьей по счету, апрельской конференцией фракции Корша. Интересно отметить следующее обстоятельство. На апрельской фракционной конференции «ультра-левых» членов партии принимал активное участие Кац, исключенный из партии еще в январе. Доклады о положении в ВКП на обоих конференциях делал профессор Корш. На основе его доклада и была выработана упомянутая нами резолюция. Резолюция дает следующую оценку положения дел в нашей партии:

> Вся линия ВКП «начиная с 1921 года заключается в заострении всей внутренней и внешней государственной политики все в большей и большей мере в сторону удовлетворения запросов и интересов крестьянства, в частности крестьянства имущего (середняков и кулаков)... Лозунг союза с середняцким крестьянством фактически подменил собою лозунг союза пролетариата с деревенской беднотой—на пользу кулакам и соответствующим городским элементам»...
>
> «Под влиянием этого развития постепенно изменился весь характер советского государства—в экономическом, политическом и культурном положении. Нэп идеализируется, как мнимый путь к социализму, госпромышленность выдается за осуществление социализма, ленинское понимание госкапитализма подвергнуто ревизии... гегемония пролетариата в рабоче-крестьянском государстве постепенно ослабляется».

В комментариях к этой резолюции, составленных руководящим центром фракции Корша, дается исчерпывающее раз'яснение по вопросу о том, что значит ослабление гегемонии пролетариата в рабоче-крестьянском государстве.

> «Совершенно ясно,—говорится в этих комментариях, что даже наилучшее рабоче-крестьянское правительство из бывших до сих пор—русское,—в конечном счете сводится не к диктатуре пролетариата, а к диктатуре кулака».

В другой резолюции апрельской конференции «ультра-левых» («О политике и тактике КПГ и Коминтерна») дается и общая характеристика нынешнего этапа развития СССР.

> «Даже в странах подымающегося капитализма (С. Ш. С. А., Индия, Советский Союз) тенденции кризиса сильнее, чем тенденции благоприятной кон'юнктуры».

Итак, Советский Союз—страна подымающегося капитализма с диктатурой кулака! Какие отсюда следуют политические и практические выводы? Об этом мы узнаем от Каца, единомышленника Корша и активного участника его фракции. В издаваемом им «Информационном листке» Кац обрушивается градом упреков на оппозицию в ВКП и ее руководителей:

> «Почему допускают Зиновьев, Каменев, Сафаров, вдова Ленина—Крупская, Александра Коллонтай и другие применение к ним мер дисциплинарного воздействия? Почему они не наплюют на запрещение выступлений... и другие подобные меры?
>
> Почему они не говорят открыто? Почему они не призывают русский пролетариат к классовой борьбе?
>
> Разве они не знают, что Сталин об'ективно играет роль Носке? Что благодаря политике Сталина не только приближается капиталистическая крестьянская демократия, но и царская реакция?... Почему они не соединятся открыто с нами и с Гансеном, Домским и Бордигой?..
>
> Мы знаем, что открытое выступление будет для Зиновьева, Каменева и его друзей в конце концов гражданской войной и, может быть, бегством в Швейцарию. Но что еще может им дать капиталистическая Россия? Они должны решиться. В великой освободительной борьбе пролетариата имеется только одни или-или. Все средние группы распадаются...
>
> Германские революционные рабочие должны решиться: со Сталиным или против него; с контр-революцией или против нее».

Совершенно ясно, что никого из наших товарищей, имена которых Кац упоминает: одних с бешеной ненавистью, других с наглой фамильярностью отпетого провокатора, эти грустные выпады не могут не только оскорбить, но и затронуть, задеть в какой-либо мере. Слишком уж для этого Кац мелкий мерзавец, слишком уж откровенно и цинично продает он себя буржуазии и выслуживается перед нею, слишком уж к избитым провокаторским приемам прибегает он, чтоб это могло кого-нибудь обидеть: ни тех, кому Кац нагло навязывается в «союзники», ни тех, кому он об'являет войну. Но не в этом дело, а в том, что позиция Каца есть в то же время позиция германских «ультра-левых» направления Корша—Шварца. Корш и Шварц уже исключены из партии вслед за Кацом и, правда, совсем недавно, в мае 1926 года. Но их фракция еще сохранилась, хоть и в крайне ослабленном виде, в КПГ. А самое главное то, что направление Корша—Шварца—Каца пользуется прямой или косвенной поддержкой со стороны всех других оттенков и направлений германской—и не только германской!—«ультра-левой». Но мы еще вернемся к этому вопросу.

В резолюции «О политике и тактике КПГ и Коминтерна», принятой фракционной конференцией группы Корша, дана подробная оценка деятельности Коминтерна.

Мы приведем лишь самые короткие извлечения из этой резолюции:

> «В русской революции, начавшейся в 17—18 г.г.... пролетарский характер должен был оттесняться все более и более на задний план после того, как революционные восстания пролетариата в Центральной Европе были разбиты и изолированное русское государство должно было развиваться при условии относительного перевеса сил крестьянского класса над пролетариатом. Цитадель интернациональной пролетарской революции, советское государство превращается теперь все более и более—с точки зрения освободительного движения пролетарского класса—лишь в частичную организацию (?) пролетарской классовой борьбы, которая не должна больше рассматриваться как всеоб'емлющее целое революционного освободительного движения международного пролетариата. Делать из этой части самодовлеющее целое, ставить советское государство на место мировой партии, об'являть советское государство «осью интернациональной пролетарской революции», это теперь значит сдавать принципы революционного коммунизма Маркса, Ленина и Люксембург. Это значит в последнем счете: подготовлять 4 августа 1914 года для Коммунистического Интернационала».
>
> «XIV партийный с'езд ВКП раскрыл всему миру, что внутри нашей братской русской партии оппортунизм уже добился перевеса. Постановления и резолюции расширенного пленума Исполкома от марта 1926 г. показывают, что этот оппортунизм распространяется на весь Коминтерн».

Коминтерн подготовляет 4 августа 1914 года, в ВКП уже победил оппортунизм, распространяющийся теперь на весь Коммунистический Интернационал! Казалось бы, комментарии к этим решительным заявлениям излишни! Тем не менее профессор Корш находит нужным комментировать эти положения своей резолюции. В сопроводительном письме, с которым вместе рассылались резолюции конференции «ультра-левых», говорится прямо об «окулаченном Коминтерне» и о «контр-революционной политике ИККИ и ЦК КПГ». Сравнительно «осторожный» (?) тон резолюций об'ясняется тем, что Корш и К° остерегались в оффициальных своих решениях распоясываться слишком уж откровенно по примеру Каца. Они хотели во что бы то ни стало удержаться в партии с тем, чтоб иметь возможность взорвать ее изнутри, собрав предварительно для этого силы. Мы уже упоминали о том, что январская конференция «ультра-левых» отклонила тактику немедленного раскола именно потому, что раскол в настоящее время в КПГ невозможен. Слишком уж ничтожны для этого силы «ультра-левых». Характерно, между прочим, что Корш после того, как КПГ выкинула его из своих рядов, счел уместным апеллировать по поводу этого решения партии не к кому иному, как к... «окулаченному», «контр-революционному» Коминтерну.

Эволюция этого «ультра-левого» направления закончена. Закончена, поскольку речь идет об эволюции в рамках партийности, в границах коммунистического движения. Направление Корша—Каца—Шварца выродилось в явно фашистское течение. Но «его пример другим наука». Оно было самым последовательным из всех направлений «ультра-левой». И если оно последовательно пришло от революционной фразы к махровому социал-фашизму, то отнюдь не потому, что оно в чем-нибудь изменило «ультра-левым» принципам. Как раз наоборот! Фракция Корша—Каца смело делает все выводы, содержавшиеся в принципах теории и тактики «ультра-левой». И если последовательность анти-большевистской политической линии привела Корша и Каца в лагерь самых непримиримых, самых от'явленных врагов пролетариата, то тут уж ничего не поделаешь. Такова логика развития «ультра-левой» и как бы неприятно ни было это признать—«факты упрямая вещь», они неопровержимо это доказывают. Эволюция группы Корша—Каца дает готовый ответ на вопрос: куда растет «ультра-левая»? И это—один из важнейших уроков для современного коммунистического движения.

Неуместно и даже неприлично было бы вступать с Коршем и Кацом в полемику по существу поставленных ими проблем. Иди и доказывай человеку, явно продавшемуся буржуазии, как Кац, что Коминтерн не «окулачен», что он проводит революционную политику, что он отнюдь не подготовляет 4 августа 1914 года и т. п. Слишком много чести для ренегатов Корша и Каца! Мы хотим, тем не менее, остановиться на одном вопросе, который затрагивает Корш. Верно ли, что СССР перестал быть цитаделью и осью международной пролетарской революции? Факты доказывают как раз обратное тому, что утверждает г-н Корш. Достаточно указать хотя бы на то, что все международное, в особенности европейское, рабочее движение проделывает теперь решающий поворот влево, к коммунизму под непосредственным влиянием успехов социалистического строительства в СССР.

Об этом свидетельствует могучий рост симпатий к СССР в массах не только беспартийных, но и социал-демократических рабочих. Об этом говорят бесчисленные де-

легации, избираемые рабочими Европы и приезжающие в СССР для непосредственного изучения опыта победоносной рабочей революции. Широчайшие массы пролетариата растут к коммунизму через симпатии к Советскому Социалистическому Союзу. Этого стихийного процесса полевения рабочего класса не в силах задержать даже международная социал-демократия, несмотря на все ее старания и усилия. Движение масс, непосредственно вызванное первыми пока еще очень скромными достижениями социалистического строительства в нашей стране, уже перекатывается через головы вождей социал-демократии; они вынуждены плестись в хвосте масс, чтоб не потерять связи с движением. Разве не об этом говорит хотя бы последнее «полевение» Отто Бауэра, вынужденного признать пролетарский и социалистический характер диктатуры в Советском Союзе? Уже одних этих фактов достаточно, чтоб признать, что международное революционное значение Советского Союза поднялось и неслыханно выросло как раз в последние годы. А национально-революционное движение в Китае и вообще на Востоке? Разве одним из основных его факторов не является СССР? А международная политика нашей партии, как бы ни сплетничали Рут Фишер, Корш и Кац о том, будто ликвидация Красного Профинтерна и вступление в Лигу Наций дело предрешенное, разве она не является крупнейшим революционным фактором мирового значения? А наша Красная армия? Нет! СССР сегодня больше, чем когда бы то ни было раньше, является плацдармом и цитаделью мировой революции. И центральная ось международной классовой борьбы пролегает по линии непримиримых противоречий между капиталистическим миром и первым рабочим государством. По этой линии происходит сегодня генеральное межевание классов и группировок различных политических направлений; здесь получает свое наиболее острое выражение противоположность общественных интересов. И как раз в Германии, на родине Корша, дифференциация общественных сил на основе и по признаку различного отношения к Советскому Союзу принимают в последнее время наиболее отчетливо и ясно выраженный классовый характер. В то время, как германская буржуазия совершенно определенно держит курс на сближение и союз с империалистами Западной Европы и Америки (Локарно, вступление Германии в Лигу Наций, не приходится доказывать, что это сближение направлено в первую очередь против СССР), в рабочем движении Германии окончательно берет верх ориентация «на Восток», на установление тесной и братской связи, классового союза с победоносным пролетариатом Советской Республики. Западная или восточная ориентация—вот две основные, противоречивые, потому что за ними стоят два антагонистических класса, линии, которые определяют сегодня все общественное движение в Германии. Ни одно политическое направление в Германии не может сегодня обойти «русской проблемы»; оно вынуждено всем ходом событий ясно определить к ней свое отношение.

Это обстоятельство, несомненно, ускорило процесс самоопределения германской «ультра-левой». В основе всей политической концепции «ультра-левой» всегда лежало недоверие к русской революции, ее недооценка и отрицательное отношение к советскому государству. Эта черта являлась общей для всех

оттенков «левой» и «ультра-левой» оппозиции в Коминтерне. Но до последнего времени она была как бы «секретной болезнью» оппозиции. Она проявлялась во всех решающих вопросах, по которым «ультра-левая» расходилась с Коминтерном (см. напр., выступления Бордиги на пленуме ИККИ), но ее все же стыдливо утаивали, не решались открыто выдать. И если теперь германские «ультра-левые» (Корш, Кац, Шварц) до конца обнажили свою позицию в «русском вопросе», то причины этого следует искать в характере современного общественного движения Германии, вынуждающего всякое политическое направление дать ясный ответ на вопрос об отношении к Советскому Союзу.

Марксизм и ленинизм требуют обязательного учета того, какой класс стоит за тем или иным политическим направлением, какие общественные интересы оно выражает. Анализ политической линии Корша и К° не оставляет ни малейшего сомнения в том, что это направление является прямой агентурой буржуазии в пролетарском движении. В своей необузданной ненависти к СССР в своей враждебности к ВКП и Коминтерну Корш и Кац перещеголяли даже реакционнейшую Американскую Федерацию Труда. Но вожди Американской Федерации Труда верой и правдой служат капиталу и отнюдь не прикрывают своей преданности буржуазии революционной фразой. А Корш и Кац делают свое предательское дело под маской «левого коммунизма». Что может быть выгоднее для буржуазии, чем антибольшевистская, антисоветская пропаганда, проводимая «левыми коммунистами» внутри революционного авангарда рабочего класса? Эта пропаганда ведется под видом «левой критики». Тем больше пользы для буржуазии! Это может оттолкнуть рабочих от коммунистической партии, от Коминтерна, от союза с российским пролетариатом? Социал-демократическая пропаганда в стиле Каутского или хотя бы Отто Бауэра? До известной степени, да! Но это средство действует все слабее и хуже. Оно часто приводит к обратным результатам: оппортунист социал-демократ вопит против терроризма большевиков, а рабочим, испытывающим на своей шкуре террор буржуазии, красный террор большевиков все более приходится по вкусу. Но если революционно-настроенному рабочему внушать, что в СССР диктатура не пролетариата, а кулака, что Коминтерн окулачен и проводит контр-революционную политику, что Советский Союз—страна подымающегося капитализма и т. д., и т. п.—это действительно может породить недоверие и к коммунизму и к первому пролетарскому государству. Только этого и надо буржуазии. И вот эту-то работу на буржуазию и проделывают г-да Корш, Кац, Шварц и те из «ультра-левых», кто их покрывает и поддерживает. Когда Советскому Союзу непосредственно угрожала военная интервенция со стороны империалистических государств, профессор Корш усиленно доказывал, что наша партия проводит политику «красного империализма» и что опасность войны провоцируется советским правительством. Это была лучшая помощь, какую только можно было оказать империалистической буржуазии. Теперь, когда непосредственной опасности войны нет, «ультра-левые» в официальной резолюции своей конференции говорят о политике мира, проводимой нашей партией, следующее:

«Имущее крестьянство может следовать брошенному Бухариным весной 1925 года и лишь формально взятому обратно лозунгу «обогащайтесь» лишь при условии обеспечения мира внешнего и мира внутреннего. Крестьяне вынуждают советское правительство и ВКП проводить серьезную и честную политику мира в отношении мировых капиталистических держав, политику, которая неизбежно завершится и формальным вступлением СССР в Лигу Наций».

В 1924 году Корш обвинял нашу партию в политике «красного империализма», в 1926 году нам ставится в вину политика мира, проводимая «в интересах кулаков». Едва ли ученый профессор видит сам противоречие между своими утверждениями в 1924 и 1926 гг. Да и какое значение может иметь это противоречие? Для Корша важно скомпрометировать ВКП в глазах рабочих Германии, а как это сделать, это зависит уж от обстоятельств времени и места. Такова нехитрая «диалектика» профессора Корша. В основе ее всегда лежит классовый интерес буржуазии.

Было бы в корне неправильно противопоставлять направление Корша другим направлениям «ультра-левой». Недавно руководитель норвежских «ульрта-левых» Гансен выступил (в «Инпрекоре») с резкой и очень хорошей статьей против Корша и Каца. Выступление т. Гансена можно лишь приветствовать. Но если Гансен, решительно отвергая контр-революционные выводы Корша, думает в то же время остаться верным принципам «ультра-левого» течения, это ему не удастся. Выводы, к которым пришли Корш и Кац, являются вполне последовательным развитием принципов «ультра-левой». Их можно отвергнуть лишь вместе с принципами, из которых они неизбежно вытекают. А это значит, признать полное и безоговорочное банкротство всей «ультра-левой» оппозиции. Решится ли на это т. Гансен? Посмотрим. Пока что, его выступление делает честь его искренней революционности, но не делает чести его последовательности.

Что вся «ультра-левая» растет к Коршу, об этом наглядно свидетельствует позиция группы Маслова—Урбанса — Рут Фишер. Недавно «Rote Fahne» поместила две программного характера статьи Урбанса. Урбанс протестует против отождествления его политической линии с линией Корша. Но как отмежевывается Урбанс от Корша?

> «Наше кардинальное преступление состоит в том,—пишет Урбанс,—что мы не одобряем организационных мер против Корша и его группы... Мы решительно выступаем против всякой попытки перенести политические разногласия с оппозиционной группой в организационную область, если даже мы не покрываем политических взглядов этой группы».

Германская партия потребовала от Корша сложения его депутатского мандата в рейхстаге. Корш не подчинился решению партии. Тогда его исключили из партии. Вот против этого-то и протестует Урбанс. Если в чем и можно упрекнуть германскую партию, то лишь в том, что она затянула дело с исключением Корша, что она не выкинула его из своих рядов немедленно после его контр-революционных выступлений. А Урбанс протестует даже против требования сложения депутатского мандата Коршем. Он спорит против перенесения в организационную область борьбы против предателя и буржуазного агента Корша. Это чудовищное покровительство можно об'яснить лишь тем, что Урбанс близко стоит к Коршу, что Корш является его почти полным единомышленником и союзником. Впрочем, сам Урбанс не оставляет на этот счет сомнений.

«Политически неправильными,—пишет Урбанс, в намерениях Корша являются преувеличения в вопросе о Советской России и Коминтерне. Корш делает из тенденций факты и потому его утверждения об'ективно являются антибольшевизмом». Этим все сказано! Корш заявляет, что Коминтерн подготовлять 4 августа 1914 года. Урбанс его исправляет: в Коминтерне имеется тенденция подготовить 4 августа 1914 года. Корш говорит о диктатуре кулака в СССР, как о факте. По Урбансу — диктатура кулака — тенденция развития советской власти. По Коршу Коминтерн уже «окулачен». По Урбансу он стоит на пути к «окулачиванию». По Коршу ИККИ и ЦК КПГ проводят, по Урбансу—будут проводить контр-революционную политику. По Коршу и Кацу революционерам ничего не остается в капиталистической России, кроме гражданской войны против большевистской власти, по Урбансу это правильно в тенденции. По Коршу оппортунизм уже победил в ВКП и распространяется во всем Коммунистическом Интернационале. По Урбансу дело обстоит так:

> «Мы во всяком случае не сомневаемся, что обсуждение по существу всех вопросов (русской дискуссии. *В. Л.*) откроет в Коминтерне сильное ликвидаторское крыло, преодоление которого возможно лишь вместе с Ленинградом и с немецкой оппозицией».

В кого метит здесь Урбанс? Даже ребенку ясно, что в нашу партию, в ее большинстве во всяком случае. Что же касается «немецкой оппозиции», то под нею понимаются, кроме группы Урбанса—Рут Фишер, направления Вебера и Корша во всяком случае, а по всей вероятности, и Кац. Недаром призывает Урбанс к об'единению всех «левых» элементов. Так складывается блок всех «ультра-левых» от Рут Фишер до Каца против ВКП, против германской партии и против Коминтерна.

Но из этого блока ничего серьезного и опасного получиться не может. Рабочее движение Европы проделывает сейчас исторический поворот в сторону сближения с пролетариатом СССР и тем самым—в сторону коммунизма. Коммунистические партии становятся во главе этого движения масс влево. Всякая попытка задержать этот исторический процесс со стороны мелко-буржуазных попутчиков пролетариата, служащих сегодня прямым орудием капитала, неизбежно потерпит жестокое крушение. Сколько бы ни кричали «ультра-левые» о кризисе в Коминтерне, кризис, разложение, распад царят в их собственных рядах. Ликвидация «ультра-левой» в ближайшее время совершенно неизбежна. Рабочие не идут и не могут итти за Коршем, Кацом и К°. В худшем случае по пути этих ренегатов пойдут еще десятки сочувствующих им мелко-буржуазных революционеров, которых не сумело переварить пролетарское движение. Коммунистический Интернационал от этого только выиграет.

М. Альский.

Крестьянское движение в Гуандуне.

Теперь во время изобилия смут, когда банды разбойников собираются подобно тучам, мы знаем, что небеса подымут толпы храбрых освободить угнетенных и спасти нашу родину. Китай был некогда порабощен, но этому больше не бывать.

(Из оды Хун-Син-Чина—вождя тайпинов).

Китай—по преимуществу страна земледельческая, страна крестьянская. 80—85% его населения занимается сельским хозяйством. Земельные отношения в Китае являются основной социально-экономической причиной недовольства крестьян, толкающей их на путь борьбы с их эксплоататорами.

По данным китайского министерства земледелия и торговли, число крестьянских семейств, занимающихся земледелием, в силу ряда политико-экономических причин, из года в год уменьшается, а число пустующих земель увеличивается. Об этом можно судить по следующим сводным данным [1]), не включающим данных, касающихся провинций: Сычуани, Хекани, Гуандуни, Гуанси, Юннани и Гуйчжоу:

Данные о числе крест. семейств и о площади обрабатываемой и пустующей земли по годам	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Число крестьянских семейств в миллионах	54,9	46,8	59,3	48,9	43,3
Площадь обрабат. земли в миллионах мау [2])	1.578	1.447	1.503	1.365	1.314
Площадь земли под садами в миллион. мау	184	123	125	107	97
Площадь пустующей государственной земли в миллион. мау	191	229	196	149	144
Площадь пустующей общинной земли в миллионах мау	—	—	—	23	18
Площадь пустующей частновладельческой земли в миллионах мау	167	175	195	733	687

Таким образом, число крестьянских семейств, занимающихся сельским хозяйством, уменьшилось за четыре года, с 1914 по 1918 г., с 59,4 до 43,9 или на 15,3 миллион., а площадь обрабатываемой ими земли с 1.578 до 1.314 или на 264 миллион. мау.

[1]) „Das kämpfende China. Zum 14 Iahrestage des Chinesischen Revolution". Herausgeber Hauptverband Chinesischer Studenten in Deutschland. Berlin, 10 Oktober 1925.

[2]) Одно мау равняется 667,12 кв. метра или что-то около 1/16 десятины.

По данным того же министерства, не включающим данных, касающихся провинций: Сычуани (50 милл. жит.), Гуанси (12 милл. жит.), Юннани (10 милл. жит.) и Гуйчжоу (11 милл. жит.), общая площадь земли распределилась между отдельными хозяйствами следующим образом:

	Менее 10 мау		От 10 до 30 мау		От 30 до 50 мау		От 50 до 100 мау		100 и более мау		Всего владений	
		в %		в %		в %		в %		в %		в %
Число владений (в миллионах).	17,8	36	13,2	27	10,1	20	5,3	10	3	7	49,4	100

По признаку собственности, владения эти распределялись в тех же провинциях [1]):

	Обрабатывающих собствен. участки земли.		Имеющих собствен. участки и приарендов. землю.		Не имеющих собствен. земли и арендующих землю		Всего.
		в %		в %		в %	
Число владений (в миллионах)	24,6	50	10,5	22	13,8	28	48,9

Те же данные в отношении одной лишь Гуандунской провинции дают следующую картину:

	Обрабатывающих собствен. участки земли	Имеющих собств. участки и приарендован. землю	Не имеющих собствен. земли и арендующ. землю	Всего
Число владений (в миллионах)	1,5	1,1	1,3	3,9

Таким образом, арендаторы и полуарендаторы в Гуандунской деревне составляли в 1917 году 2/3 населения, занятого в земледелии.

По количеству обрабатываемой ими земли они делились:

	Менее 10 мау	От 10 до 30 мау	От 30 до 50 мау	От 50 до 100 мау	100 и свыше мау	Всего владений
Число владений (в миллион.)	2,08	0,96	0,55	0,24	0,08	3,9

Как бы критически ни подходить к китайской статистике, (а к ней иначе подходить никак нельзя), и как ни устарели все эти данные, относящиеся к 1917 году, надо все же признать, что все эти цифры крайне показательны.

По данным Гу, профессора сельско-хозяйственного института в Нанкине, прожиточный минимум одной китайской семьи, состоящей в среднем из 5 человек, составлял для 1912 года—274 мексиканских доллара [2]) в год.

[1]) Данные, касающиеся Хубейской и Хунаньской провинции, охватывают лишь часть этих провинций.

[2]) Один мексиканский доллар равен 1 р.—1 р. 05 к.

Указанный экзистенц-минимум составлялся из следующих бюджетно-потребительских статей:

(В мексиканских долларах).

Пища	Одежда	Наем и ремонт жилища	Налоги	Обучение детей	Расходы на случай болезни	Особые расходы, связанные с праздниками и торжествами	Карманные деньги	Все прочие расходы	Итого
180	20	12	6	6	10	10	10	20	274

Ежедневный общий расход на пищу, в свою очередь, составлялся из следующих статей: на муку и рис—30 центов[1]), на мясо и зелень—10 центов, топливо и всякие мелочи—10 центов.

В то же время доход рядового крестьянского хозяйства, пользующегося участком земли в 30 мау, равнялся—234 мексиканских долларов в год.

Доход этот складывался из следующих статей:

(В мексиканских долларах).

От посева риса и хлеба	Скотоводство или садоводство	Разведение шелковичных червей	Отхожие заработки	Итого
140	30	24	40	234

Таким образом, крестьянской семье, эксплоатирующей сравнительно большой, в китайских условиях, участок земли в 30 мау даже и в нормальных условиях нехватало 40 мексиканских долларов в год для удовлетворения своего нищенского, по существу, экзистенц-минимума существования. Что уж говорить про годы, когда их районы поражались стихийными бедствиями, как-то: наводнением, засухой и войной?.. Между тем, все эти катастрофы, как известно, вовсе не являются в Китае исключением. Там они обыкновенное явление. Ведь большие и малые войны многочисленных китайских милитаристов, вот уже в течение 14—15 лет, почти не прекращаются в стране. Наводнения, засухи и эпидемии доделывают там свое ужасное смертоносное дело... В эти годы крестьяне или вовсе погибают, или покидают массами землю...

Значительные массы крестьянского населения в Китае или вовсе не имеют собственной земли, или имеют ее в совершенно недостаточном количестве. Как мы видели, 54% всех крестьянских хозяйств в Гуандунской провинции обрабатывают совершенно незначительные участки или арендуемой ими земли, или собственные карликовые участки менее 10 мау.

За арендуемые участки им приходится уплачивать от 50 до 70% урожая. На основании даже этих данных, нетрудно составить себе представление об условиях их существования.

Международная комиссия помощи жертвам голода, имевшая подкомиссию кредита и экономического развития, предприняла в 1922 году массовое обследование экономического положения ки-

[1]) Один цент равен примерно одной копейке.

тайского населения. Часть этих материалов была обработана и опубликована в 1924 году. Результаты этого обследования дают следующую картину:

ПРОВИНЦИИ	Семьи без земли		Семьи с участк. меньше 3-х мау		Семьи с участк. от 3 до 5 мау		Семьи с участк. от 6 до 10 мау		Семьи с участк. от 11 до 25 мау		Семьи с участк. от 26 до 50 мау		Семьи с участк. более 50 мау	
	Число семейств	Средняя сумма дохода в год в мекс. долларах	Число семейств	Средняя сумма дохода в год в мекс. долларах	Число семейств	Средняя сумма дохода в год в мекс. долларах	Число семейств	Средняя сумма дохода в год в мекс. долларах	Число семейств	Средняя сумма дохода в год в мекс. долларах	Число семейств	Средняя сумма дохода в год в мекс. долларах	Число семейств	Средняя сумма дохода в год в мекс. долларах
Чжецзян — Чингснен	105	63	42	96	35	110	54	151	75	219	43	383	14	924
Цзянсу — дер. в 3-х округ.	51	28	157	40	382	81	418	141	303	241	80	539	38	1.535
Анхуй — Сушоу	111	111	46	60	76	73	87	90	107	131	61	160	127	800
Чжили — дер. в 4-х округ.	664	18	424	14	646	24	697	38	685	71	380	185	476	831

Таким образом, средний заработок 931 семьи, не имеющих вовсе земли, колеблется между 18 и 111 мекс. долларами в год,—669 семейств, имеющих участки меньше 3 мау, колеблется между 14 и 96 мекс. дол.,—1089 семейств, имеющих участки от 3 до 5 мау, колеблется между 24 и 110 мекс. дол.,—1238 семейств, имеющих участки от 6 до 10 мау, колеблется между 38 и 151 мекс. дол.,—1170 семейств, имеющих участки от 11 до 25 мау, колеблется между 71 и 241 мекс. дол.,—564 семейств, имеющих участки от 26 до 50 мау, колеблется между 160 и 539 мекс. дол. и 655 семейств, имеющих участки более 50 мау, колеблется между 800 и 1535 мекс. долларами. Иначе говоря, 5097 из общего числа 6316 обследованных семейств имеют годовой доход, колеблющийся между 14 и 241 мекс. дол., т.-е. такой доход, который не удовлетворяет вышеуказанному экзистенц-минимуму существования.

Если распределить все обследованные семейства по группам дохода, то окажется, что в Чингснене 64,3%, в Цзянсу—52,4%, в Сушоу—52,1% и в Чжили—даже 82,5% всех семейств получают доход менее 150 мекс. долларов, а 2621 семейство, или 41% общего числа обследованных семейств, получают совершенно незначительный доход, меньше 40 мекс. долларов в год.

Председатель комиссии по кредиту и экономическому развитию, Тейлор, сделал подсчет относительно «линии нищеты для Северного Китая». Линией нищеты он определяет тот полуголодный минимум, дальше которого уровень жизни человека опускаться, казалось бы, не может. Тейлор пользуется данной ему

профессором физиологии, Ридом, схемой нормального питания бедной крестьянской семьи, состоящей из 5 душ. Продовольственный паек рассчитан на получение всей семьей—13.683 калорий. Паек этот не включает в себя ни мяса, ни рыбы, ни яиц. По подсчетам Тейлора, он должен обходиться в 150—160 мекс. долларов в год. Все прочие расходы семьи по подсчетам того же Тейлора должны составить 37 мекс. дол. в год. Таким образом, «линия нищеты» определяется потребительским бюджетом в 187 мекс. долларов в год. Но принимая во внимание, что средний состав семьи может быть, однако, и несколько меньше 5 человек и ряд других поправок, Тейлор устанавливает «линию нищеты» для Северного Китая при потребительском бюджете в 150 мекс. долларов.

Мы видели, однако, что 41% обследованных семейств имеет годовой доход, составляющий сумму менее 40 мекс. долларов, а некоторые семьи получают доход, равный лишь—14—18 долларам в год. Неудивительно, если Диттмер, обработавший материалы обследования 195 семейств в одном из крестьянских селений, в 5 милях от Пекина, произведенного Тсин-Хау, колледжем в Пекине, спрашивает [1]): «Что за картина борьбы за существование? Население, правда, еще продолжает существовать. Семьи могут чувствовать себя счастливыми и быть вполне довольными тем, что они живут в столь хороших условиях [2]). Какова, однако, уплачиваемая ими за это цена? Жизнь людей этого класса требует такого напряжения всех сил, что борьба за существование калечит зачатки интеллектуального и вообще духовного роста и вместе с ними даже и физического развития. Здесь, к сожалению, нет развлечений, которые известны западноевропейскому человеку. Физическая трудоспособность и смышленность являются здесь минимальными, а нервные реакции очень медленными. Здесь нет избытка энергии, потому что она целиком уходит на борьбу с тяжелыми условиями существования, ставящими постоянно трудный вопрос, как выжить. Перенаселение, невежество, приниженное положение женщины, отсутствие санитарии, эпидемии и ужасающая потеря потенциальных способностей—такова та цена, которую они платят за жизнь».

Значение этого ужасного свидетельства Диттмера, станет еще более понятным, если учесть еще и то нарастание дороговизны жизни, которое все время происходит в Китае. «Едва ли можно найти хотя бы один предмет из числа продуктов продовольствия, говорит Нельсон [3]), который в последнее десятилетие значительно не повысился бы в цене. Во многих случаях цены удвоились. В качестве примера укажем, что десять лет тому назад цена риса выражалась в 3,40 мекс. долл. за один пикуль, ныне она достигла 4 мекс. долл.; топливо, которое стоило в 1911 году 20 центов за пикуль, обходится ныне в 1 мекс. долл.; зелень повысилась в цене с 2 до 4 центов за кэтти, растительное масло с 20 до 30 центов, одежда также показывает соответствующий рост цен, а плата за наем квартиры и цены на землю почти что удвоились».

[1]) Dittmer «Readings in economics for China», стр. 262—263.

[2]) Большинство обследованных здесь семейств показывает свой расходный годовой бюджет в 70—110 мекс. долларов.

[3]) I. Nelson. Changing factors in the economic life of China, supplement to commerce reports, publ. by the Bureau of foreign and domestic. commerce. Jan. 1925.

В таких условиях живут, о ужас, живут громадные массы крестьянского населения Китая.

Угрожающие размеры аграрного перенаселения в Китае приводят к тому, что деревня «выплевывает» из года в год громадные массы избыточного населения, которые заполняют собой негостеприимные города, порты и поселения в поисках работы.

Отсутствие в стране сколько-нибудь развитой промышленности, которая поглощала бы это избыточное, прибывающее из деревень население, обрекает его на голод, холод и нищету.

Перемещаясь с места на место в поисках работы, оно, с одной стороны, все более и более деклассируется, превращаясь в конце концов в поставщика «пушечного мяса» для многочисленных наемных армий милитаристов и бандитских и пиратских шаек, а с другой—часто выделяет из себя элементы организации тайных крестьянских обществ и элементы организации крестьянских восстаний.

По некоторым подсчетам, всевозможные маршалы и генералы «мирного поднебесного Китая» имеют что-то около 1,5—2 милл. наемных солдат. Они продают себя за тарелку риса или за 3—5 мекс. долларов в месяц—не всегда к тому же аккуратно получаемых—китайскому милитаристу,—генералу или маршалу,—рыцарю первоначального капиталистического накопления, который смотрит на свою «армию», как на выгодное коммерческое предприятие, которое должно дать ему кое-что в фонд собственного накопления за счет «налогового» обложения, грабежа, поборов и контрибуций, взимаемых с населения.

Кроме «установленных» налогов, отдельные воинские части, «крестьянские дружины» и сильные бандитские шайки тоже взимают многочисленные «специальные налоги» в свою пользу. В Тунквоне крестьяне платят, например, сверх «установленных налогов» по 50 центов за каждую проданную свинью, 4 цента—с фунта свинины, 2 цента с каждой домашней птицы, 20 центов за каждый мау земли и т. д., и т. п.

Кроме наемных армий, в стране имеется еще, по тем же подсчетам, около 12—15 милл. человек, организованных в бандитские отряды и шайки, занимающиеся грабежом, разбоем и пиратством мирного, главным образом, крестьянского населения...

Кроме помещиков и джентри, бандитские шайки являются истинными хозяевами запуганной, неорганизованной и в большинстве безоружной китайской деревни. С бандитами вынуждены считаться не только отдельные группы населения, но и вся китайская деревня в целом.

В Китае нельзя пройти мимо бандитизма. Он вырос на почве экономических отношений в стране. Он требует к себе того или иного, но в равной мере, внимательного отношения. Бандитские шайки—это сила, которая имеет определенное влияние на ход жизни в современной китайской деревне. В Китае до сих пор не было сделано никаких попыток к ликвидации или, по крайней мере, ослаблению бандитизма. Если бы, однако, такие попытки и были сделаны, то они едва ли дали бы какие-нибудь результаты...

Бандитские шайки предпочитают грабить купцов и богатые джонки [1]). Но так как не всюду и не всегда можно грабить купцов и джонки, они не брезгуют обращаться и к постоянному и безотказному источнику получения «доходов»—к грабежу крестьянства.

От бандитизма страдают, конечно, и помещики. Но более крупные из них содержат или собственную охрану, или нанимают к себе на службу одну или несколько сильных бандитских шаек, которые в этом случае помогают им укреплять их экономическое положение... Мелкие помещики вынуждены постоянно откупаться от бандитов.

Грабеж крестьян носит здесь довольно организованный характер. Деревни, большей частью, облагаются в пользу той или иной шайки бандитов денежным или натуральным «налогом», который должен вноситься ими единовременно или регулярно специально уполномоченному на то бандитами лицу. На некоторые деревни бандиты производят налеты. Они уводят с собой женщин и детей, скот и другое имущество крестьян. Впоследствие они требуют за них выкупа. Все эти бесчинства производятся, обыкновенно, на глазах квартирующих в деревнях воинских частей, которые или недостаточно сильны для того, чтобы защитить население, или предпочитают не портить отношений с многочисленными бандитскими шайками, тем более, что последние не мешают и им обирать население.

«Рука руку моет»...

* * *

85 процентов всей земли в Гуандунской провинции, по долине рек: Западной, Восточной, Северной, а также реки Хань, впадающей в море около Сватоу, принадлежат крупным землевладельцам. Большей частью, земли эти сдаются в аренду или малоземельным или безземельным крестьянам. Пользуясь тяжелым экономическим положением последних и почти полным отсутствием у них средств защиты, землевладельцы сдают им в аренду эти земли на неслыханно кабальных условиях. По общему правилу крестьяне-арендаторы должны уплачивать помещику не менее 60—70% урожая, собираемого с арендуемого участка земли. В момент заключения договора об аренде они обязаны вносить ему наличными, в качестве залога, определенную сумму денег, и, кроме того, устраивать, согласно установившегося здесь обычая, маленькое пиршество, а в дальнейшем, время от времени, делать ему и некоторые подношения натурой сверх обусловленной в договоре арендной платы. Обыкновенно подношения эти определяются некоторым количеством кур и уток, риса и вина, фруктов и всякой всячины.

В годы неурожая помещики вынуждают крестьян уплачивать им полностью обусловленную в договоре арендную плату. Они не допускают при этом никаких сбавок. В то же время, во избежание каких бы то ни было недоразумений, помещики, обычно, выговаривают себе право досрочного получения арендной платы, при чем это право, большей частью, реализуется ими

[1]) Джонка—это небольшая парусная лодка, служащая для перевозки грузов, рыбной ловли в море или на реке, а также для переезда с места на место по многочисленным в Китае каналам и рекам.

сполна. Помимо того, помещики выговаривают себе право, если какой-нибудь из сданных ими в аренду участков земли станет более плодородным или, в случае, если разведение других сельскохозяйственных культур может дать больше дохода—повышать арендную плату, не дожидаясь истечения срока договора. Но сверх всего он может также в любое время заменить участок сданной им земли на худший по качеству.

Так называемые землевладельцы второй степени являются еще большими эксплоататорами крестьян-арендаторов. Представляя собой крупных арендаторов-предпринимателей, которые выступают за собственный счет и риск, или компании мелких капиталистов-спекулянтов,—землевладельцы второй степени снимают в аренду у помещиков большие площади земли, которые они сдают от себя в суб'аренду крестьянам мелкими участками, по значительно более высокой цене, нежели они сами платят за нее помещикам. В этом случае на шею крестьянина-арендатора сразу же садятся два паука—помещик и так называемый землевладелец второй степени.

При установившихся и доныне существующих в Гуандунской провинции земельных отношениях, каждый крестьянин поневоле вынужден обращаться в промежутках времени между сборами урожаев к ростовщикам и помещикам.

Между первым и вторым месяцем сельско-хозяйственного года и между восьмым и девятым месяцем того же года, крестьянину-арендатору приходится прибегать к кредиту или в форме пищи и семян, или в виде денег.. Условия кредита, оказываемого помещиками или ростовщиками крестьянскому населению, крайне тяжелы. Ссуды приходится, большей частью, возвращать натурой, главным образом, рисом. За каждые два мексиканских доллара кредитор вынужден уплачивать ростовщику один теч рису, что составляет от 30 до 50% в месяц на ссуженный капитал. Но, обычно, средний процент колеблется здесь между 3 и 5% в месяц.

В поисках кредита, арендатору нередко приходится закладывать все свое скудное имущество. В этом случае он платит не менее 3—5% в месяц, если кредит получен на срок не свыше 6 месяцев. Процент этот считается здесь нормальным. Даже в общественных ломбардах он составляет 3% в месяц, при закладах на срок от 6 месяцев до одного года.

Не меньшей, а пожалуй, большей тяжестью падает на крестьянское хозяйство бесчисленное количество существующих в этой провинции налогов и сборов. Они падают, главным образом, на сельское население и продукты его потребления.

В марте 1924 года Кантонское правительство послало в Общую Торговую Палату Китая список установленных им налогов. Список этот заключал 200 отдельных налоговых статей, которые охватывали почти все виды человеческой деятельности и потребления. Число одних только добавочных налогов, сборов и платежей, падавших на деревню в некоторых округах Гуандунской провинции, составляло, по некоторым данным, никак не меньше 30.

В виду неустойчивости, вследствие гражданской войны, власти на местах, налоги, как, впрочем, и арендная плата, взимались за последние годы на много времени вперед. В некото-

рых округах Гуандунской провинции земельный налог был, например, взыскан и за последующие годы, кончая 1928 годом.

В провинции бывали случаи, когда власти, сменяя друг друга, положительно «с'едали землю». Они взимали один и тот же налог дважды и трижды, чем вызывали стон и возмущение со стороны населения.

Анархия в деле обложения и «налоговый» грабеж населения затрагивал, конечно, не одну только деревню. Он затрагивал также и город. Но поскольку купечество довольно хорошо здесь организовано и поскольку, с другой стороны, оно имеет здесь свои особые методы борьбы (бойкот власти, сокрытие капиталов и т. п.) оно могло, конечно, переложить всю или почти всю тяжесть падавших на них налогов и поборов на потребителя, который в главной своей массе представляет то же крестьянство. Таким образом, город, в известной мере, освобождался от бремени налоговой анархии и перекладывал всю тяжесть ее на плечи того же обездоленного крестьянства.

Помимо «налоговых» поборов, крестьянское население Гуандунской провинции страдает также и от ничем не прикрытого грабежа и вымогательства всевозможных местных властей, «крестьянских дружин», отрядов, бандитских шаек, мародеров и пиратов.

Под предлогом содержания «союза крестьянских дружин», помещики и чиновники выколачивали, например, из крестьян одного только округа По-оп не менее 100.000 мексиканских долларов в год. Каждый крестьянин, независимо от состояния и возраста, должен был ежегодно уплачивать известную сумму на содержание этих «дружин». В деревне Ван-Тан это привело, например, к установлению особых чрезвычайных налогов, которые взимались не только с каждой земельной единицы, но и с известного количества риса, свиней, картофеля и домашней птицы. Помимо того, помещики расхищали еще и общественные фонды крестьян и общественную собственность деревни.

«Крестьянские дружины»—это организации туземной знати, земельных собственников и верхушечных слоев крестьянства. Организуя отряды вооруженных крестьян под флагом охраны их интересов, они фактически использовывали их для притеснения, вымогательства и грабежа местного населения. Все эти «дружины» не только не охраняли интересов крестьян, но, наоборот, они превращались в орудия эксплоатации, угнетения и порабощения туземного крестьянства. «Дружины» разрушали крестьянские организации и советы. Они грабили и сжигали дома членов всех этих организаций. Они убивали отдельных крестьян, насиловали женщин, и, пользуясь отсутствием власти в провинции и опираясь на материальную силу своего штыка, терроризировали вообще всех и вся. Путем об'единения или слияния они образовывали даже целые армии, которые доставляли нередко населению и правительству не мало хлопот. Однако, чаще всего они превращались или в милитаристические организации или же нанимались к какому-нибудь «генералу», ставшему «знаменитостью» в их районе, округе или даже провинции...

Только боязнь голодной смерти удерживает крестьянина на его ничтожном клочке арендуемой или собственной земли. Его удерживает на ней также и то обстоятельство, что здешняя природа дарит ему, при благоприятных условиях, три урожая,

а на наносных и новых землях, образовавшихся в дельте рек, куда воды нанесли слой илу,—три обильных урожая. Однако, и три этих урожая недостаточны для того, чтобы обеспечить ему его нищенское существование. Крестьянин из года в год попадает во все большую кабальную зависимость от помещика и ростовщика.

* * *

Как и во всем Китае, аграрное перенаселение в Гуандунской провинции очень велико. Если не считать Кантона и Сватоу, в этой провинции почти нет крупных городов, которые могли бы, хотя отчасти, поглотить избыточное население деревни. Но и Кантон, не говоря уже о Сватоу, не имеет почти никакой промышленности. Несколько более или менее крупных предприятий, пара десятков мелких заводов и механических мастерских, обслуживающих главным образом порт и город, масса карликовых, полудомашних, полукустарных, полумануфактурных мастерских, по обработке слоновой и черепаховой кости, волоса, серебра и других,—вот вся промышленность провинции. При таких условиях, города не могут, конечно, не только поглотить всего избыточного крестьянского населения провинции, но и разгрузить сколько-нибудь в этом отношении гуандунскую деревню. Выбрасываемое из деревни избыточное население вынуждено массами перекочевывать на ближайшие острова—Гонгконг, Макао, Филиппины и др. Поставляя туда массовый дешевый труд, оно подвергается там, как, впрочем, и в городах и в деревнях родного Китая, нечеловеческой эксплоатации. Но часть избыточного населения деревни, и притом довольно значительная часть его, все же остается в провинции. Оно бросает родные деревни и занимается здесь или бандитизмом, грабежом и разбоем на дорогах, или пиратством в водах дельты реки Жемчужной, образующейся от слияния рек Восточной, Северной и Западной.

Аграрное перенаселение Гуандуна, описанные условия землепользования, отсутствие мало-мальски развитой промышленности и каких бы то ни было заработков в городе приводит к ужасно тяжелым условиям наемного труда в южно-китайских городе и деревне. Заработная плата кули редко превышает в южно-китайском городе 100 мексиканских долларов в год. Что уж говорить про деревню?

На почве указанных земельных отношений в гуандунской деревне постоянно возникают конфликты между крестьянами и арендаторами, с одной стороны, и земельными собственниками и всякого рода эксплоататорами, с другой.

До образования в Кантоне национального правительства, крестьянское движение в Гуандунской провинции не могло, конечно, не только развиваться, но и организоваться как следует. Представляя довольно мощную, в социальном отношении группу населения, которая опирается на вооруженную силу «дружин» и военных отрядов, мобилизованных из деклассированных элементов города и деревни, не останавливаясь перед разгромом даже легальных общественных организаций деревни, терроризируя и закабаляя крестьян, расхищая общественную собственность и фонды, помещики, естественно, толкали крестьянство даже в деле организации самозащиты к нелегальным формам борьбы.

В Гуандуне, впрочем не в одном только Гуандуне, но и в других провинциях Китая, издавна существует масса тайных крестьянских организаций, союзов, обществ и дружин. Деятельность их принимала нередко крайне своеобразную и подчас довольно уродливую форму.

Местом наибольшего распространения тайных крестьянских организаций в Гуандунской провинции является Хай-Фын. Девизом одной из таких организаций, об'единяющей до 1500 человек, является: «кто не работает, тот не ест».

На ряду с этой организацией здесь имеется еще несколько крестьянских отрядов, об'единяющих что-то около 3000 человек, вооруженных 660 современными и 770 китайскими ружьями.

Один из этих отрядов возник следующим образом. Его вождь Шио-Тхе-Сиен был в свое время богатым человеком. Его дом был разграблен солдатами. Не ограничившись этим, милитаристы заставили его платить крайне тяжелый военный налог. Он об'явил себя смертельным врагом армии и огранизовал шайку бандитов. Около 5% об'единяемых им людей составляют ушедшие из армии солдаты. Остальные принадлежат к группе «трех точек», которые не признают никакой власти. Лозунгом их борьбы является: «отнимайте у богатых, чтобы помочь бедным». Шио-Тхе-Сиен и его люди не трогают бедных, они нападают только на богатых. Деревенские мироеды и ростовщики очень боятся этого отряда.

В том же Хай-Фыне существует еще «партия длинноволосых». Она присвоила себе это название потому, что вожди их носят длинные волосы. Эта «партия» об'единяет несколько тысяч человек. Все члены этой организации—вегетарианцы. Они борются под лозунгом: «делай добро во имя всемогущего». Они против всякого насильнического правительства и оказывают помощь беднякам.

Кроме этих организаций, в Хай-Фыне существует еще «партия бедноты». Если судить по положению об исполнительном комитете этой партии, то задачей ее является—«стать авангардом социальной революции во имя защиты интересов трудящегося населения». Партия эта имеет свой секретный знак, который не может быть открываем ни одним из ее членов, даже в случае угрозы смерти. Знак этот показывается всякому новому члену лишь после произнесения им следующей клятвы: «Я, такой-то, настоящим хочу присоединиться к партии бедноты. Я хочу помогать освобождению бедных и их борьбе за счастье всего человечества. Я буду повиноваться уставу партии. Я не открою ее секретов никому. Я не остановлюсь на полпути. Если я не буду верен партии, то пусть меня накажут смертью». Каждый новый член должен написать эту клятву на бумаге, которая тут же сжигается.

В состав комитета этой партии могут входить только такие лица, которые обладают способностью самопожертвования. В настоящее время в состав ее исполнительного комитета входят в качестве председателя какой-то интеллигент, вице-председателя—местный крестьянин, секретаря комитета и заведующего его организационным отделом—двое молодых китайцев и членов комитета—два крестьянина.

В каком направлении развертывается иной раз деятельность этих организаций, нетрудно усмотреть из следующих имевших место случаев. С 1919 года в Хоун-Сене существует две сельско-хозяйственных компании с капиталом в 160.000 мекс. долларов. Они эксплоатируют около 100 рабочих. Они имеют свои сельско-хозяйственные склады, свою вооруженную силу, 120 винтовок и даже собственную крепость. Сельско-хозяйственная компания силой отняла некоторые земли у крестьян окрестных деревень. Она в то же время стала платить землевладельцам пониженную арендную плату. Своим самоуправством компания восстановила против себя все окрестное население.

Крестьянская организация деревни Лун-Ко сделала попытку вступить в союз с крестьянскими организациями и крестьянской милицией некоторых близлежащих деревень для совместной борьбы против названной компании. Крестьянская организация Лун-Ко ставила перед ним вопрос о пересечении канала, о лишении, таким образом, имения воды и путей сообщения, о поджоге складов и об общей вооруженной атаке крепости.

Судя по некоторым данным, план этот не был осуществлен. Крестьянские организации других деревень, связанные уже с Кантоном, посоветовали крестьянам деревни Лун-Ко использовать вначале все мирные средства: принести жалобу губернатору, развернуть широкую агитацию среди крестьян окрестных деревень, обратиться к Гоминдану с просьбой о вмешательстве. Лишь в том случае, если бы все эти шаги не дали бы нужных результатов, они обещали им свою помощь.

В том же Хоун-Сене был еще и такой случай. Крестьян близлежащего района, приезжавших на базар, облагали каким-то «особым местным налогом». Крестьяне не пожелали платить этого налога. Они перенесли базар на другое место, под защиту собственной крестьянской организации, которой они и стали платить этот налог. Это «самоуправство» было встречено в штыки всеми заинтересованными местными чиновниками, помещиками и милитаристами. Поскольку, однако, крестьяне твердо отстаивали свое решение и поскольку они опирались на собственную свою организацию, местным «властям» пришлось посчитаться и примириться с этим неприятным для них фактом.

В другом месте помещик, некто Чу, пользуясь тем, что сын его служит кем-то в кантонской армии, стал притеснять крестьян. Организовавшись, крестьяне ответили на это стачкой-бойкотом; они отказались арендовывать у этого помещика землю. Испугавшись этой формы борьбы, помещики, как бы в ответ на это, в свою очередь сорганизовались под руководством Чу. Они добились у местного судьи ареста 6 крестьян. Узнав об этом, все местные крестьянские организации устроили демонстрацию протеста и в числе около 4.000 человек направились, несмотря на проливной дождь, в суд. Судья вынужден был освободить арестованных крестьян. Таким образом, на почве конфликта местного значения выросла крестьянская демонстрация против местной власти.

(Окончание в следующем номере).

М. Танин.

Методы американской политической интервенции в Европе.

(Соед. Штаты и трибунал при Лиге Наций).

27 января с. г. американский сенат большинством 76 голосов против 17 принял резолюцию за вступление в Гаагский трибунал при Лиге Наций с рядом оговорок к этой резолюции.

Совершенно независимо от его конкретных последствий этот акт имеет огромное симптоматическое значение. И в самом деле, 5 лет вопрос о трибунале горячо дебатировался, 5 лет он занимал центральное место как issue (основной лозунг) в избирательных платформах, 5 лет тому назад лозунг «Долой Лигу Наций!» был на выборах боевым кличем республиканской партии, лозунгом, принесшим ей победу огромным большинством в 7 миллионов голосов,—и после всего этого—вступление в трибунал, как-никак органически связанный с Лигой, и за вступление голосует большинство республиканцев, присоединяющихся к демократам. Потребовались, очевидно, глубокие сдвиги в Штатах, чтобы сделать возможным это решение сената.

Разбор этого вопроса представляет значительный интерес, так как ознакомит нас с политическими настроениями в Америке и с дальнейшими перспективами развития методов американской дипломатии и, в частности, методов американской политической интервенции в Европе.

Но раньше всего—несколько слов о том, что представляет собой этот Трибунал. «Постоянный трибунал международной справедливости», как себя гордо именует сей почтенный орган, является детищем Лиги Наций, устав которой (§ 14) предусматривает его создание в «миротворческих» целях. Окончательно оформлен Трибунал протоколом сессии Лиги Наций в Женеве 13 декабря 1920 г. Хотя Соединенные Штаты в Лигу не входят, известный американский «авторитет» по вопросам т. н. международного права (и не менее известный реакционер и ярый враг СССР) Элиу Рут принимал участие в разработке устава суда, а другой американский адвокат и одно время товарищ министра иностранных дел Мор в качестве неофициального американского эксперта был избран советом и пленумом Лиги Наций в число 15 «независимых судей, избираемых независимо от национальной принадлежности из лиц возвышенного морального характера» (§ 2 протокола). За свой великий труд по охранению мира на земле и благоволения в человецех эти старцы, фигурирующие на снимках в черных длинных судейских мантиях, получают мзду от 6 до 14 тысяч долларов в год...

Сам по себе т. н. «Постоянный трибунал международной справедливости»—учреждение столь же дохлое и никому ненужное, как созданная по инициативе Николая Последнего на основании конвенций 1907 г. Гаагская постоянная палата третейского суда. Впрочем, случается, что этот монопольный трест справедливости кой-кому оказывается нужным. Как на примеры укажем лишь на домогательства Финляндии в Трибунале по вопросу о Карелии и возмутительное постановление по вопросу о Моссуле.

Решение американского сената о вступлении Штатов в Трибунал большого **практического** значения не имеет, тем более, что принятые 5 оговорок по существу сводят этот акт на-нет. Важнейшие оговорки эти следующие: «Присоединение не может быть истолковано в том духе, что оно влечет за собой юридические (legal) отношения Соед. Штатов к Лиге Наций или же взятие на себя Соед. Штатами обязательств согласно Версальского договора».

«Соединенные Штаты могут в любое время взять обратно свое присоединение к протоколу» (о Трибунале).

«Трибунал не должен без согласия Соед. Штатов обсуждать просьбу о вынесении своего мнения и совета касательно спора или вопроса, в которых Соед. Штаты заинтересованы».

Таким образом, весь акт присоединения носит довольно условный и проблематичный характер. Но при всем этом сделанное выше утверждение, что он носит характер серьезного переломного момента в истории американской дипломатии, отнюдь не является преувеличением. **В данном случае важно не решение сената само по себе, а те глубокие изменения в политической мысли американского «общественного» (буржуазного) мнения, сделавшие возможным принятие этого решения.**

Чтобы уяснить себе те политические сдвиги и настроения, в результате которых явилось решение сената, следует отметить те особые струи, из которых сложилось победившее течение:

1) **Демократическая партия.** Эта буржуазная партия ведет за собой значительные слои мелкой буржуазии и политически-отсталых рабочих. Этих избирателей по демагогическим соображениям полезно усыплять различными миротворческими затеями. Присоединение к Трибуналу демократы расценивают как первый шаг по пути к Лиге Наций и как торжество идей их «пророка» Вильсона, которым в свое время был нанесен сокрушительный удар республиканцам.

2) Вместе с демократами в этом вопросе идут различные **пацифистские общества**—женские, квакерские, церковные, интеллигентские и прочие богоугодные организации, состоящие из прожженных обманщиков и обманутых юродивых пацифистов. Эту публику в значительной степени воодушевляет своими субсидиями пресловутый Эдуард Бок, тот самый миллионер, который назначил премию в 100 тысяч долларов за лучшее патентованное средство по предотвращению войны.

3) **Большинство республиканской партии.** Выступление республиканцев, этих носителей американского империализма, за вхождение в Трибунал, имеет особое значение. **Оно означает дальнейшее развитие политики отказа от об'ективно изжившей себя традиции изо-**

ляции и усиление политики вмешательства в европейские и вообще мировые дела.

Эту позицию большинства республиканцев ярче всего выразил докладчик большинства и автор принятой резолюции, сенатор Свонсон, сам не республиканец, а лидер демократической фракции:

«Мы стали великим кредитором; нам должны огромные суммы; наши инвестиции рассеяны по всем странам мира. Мы имеем величайшую в мире внешнюю торговлю. 20% нашей многообразной продукции должны найти выход на внешний рынок, в противном случае нас ждет депрессия, убытки и банкротство. Как бы многие из нас ни желали национальной изоляции, эти времена уже прошли. Наше развитие пошло по такой линии, что все, задевающее остальной мир, задевает и нас. Это неизбежное следствие нашего выдвижения в передние ряды».

Исходя из всего этого, сенатор Свонсон делает тот вывод, что при таком переплете взаимоотношений Штаты могут больше всех пострадать в случае новой войны, а потому должны вступить в Трибунал, чтобы воспрепятствовать ее возникновению. Но дело, конечно, не в этом притворно-наивном пацифизме, а в стремлении использовать рычаги механизма Трибунала для оказывания давления на мировую политику.

Эта тенденция выступает еще более рельефно в речах тех сенаторов, которые требовали предоставления в распоряжение Трибунала международной вооруженной силы. Так, например, «эксперт» по вопросам Лиги сенатор Брюс (демократ), не скрывая, что Трибунал тесно связан с Лигой, заявил в сенате:

«Так же, как в интересах охраны порядка город должен иметь свою полицию, а государство свое войско, так и Лига Наций, чтобы оправдать свое существование, должна иметь свою международную полицейскую силу или армию. Без командования не может быть мира в мире».

Что кроется за этим «пацифизмом»? Устами Брюса здесь говорит та часть американской буржуазии, которая, стремясь стать мировым полисменом, расценивает Лигу с ее Трибуналом, как подручную дубинку.

Вот сущность новой политики большинства правящей республиканской партии. Но эта политика имеет против себя весьма сильную оппозицию. И по иронии судьбы оппозиция получила в руки сильнейший козырь как раз через несколько недель после победы об'единенного республиканско-демократического большинства—мы говорим о позорном провале сессии Лиги Наций, разбиравшей вопрос о приеме Германии и о последовавших событиях—«плане Хоутона» и пренеприятнейшей семейной сцене между новобрачными—Америкой и Трибуналом.

Что представляет собой оппозиция, и каковы мотивы ее выступления против Трибунала? Оппозиция также разнородна. Она включает не только пацифистов-«изоляционистов» старой школы, но и махрово-реакционные элементы. Последние не хотят присоединиться к Трибуналу не потому, что вступление в него связано с усилением американского империализма—этого они сами жаждут,—а потому, что считают Трибунал непригод-

ным инструментом империалистической политики. Так, например, воинственно-империалистическая «Чикаго Трибюн» (27/I) называет сторонников Трибунала интернационалистами (!), подчиняющими американские интересы интриге и фальшивому альтруизму». Та же газета писала (17/XII—25 г.):

«В легкие Америки накачивают газы морали и, одурманивая ее, хотят втянуть, как легковерного кролика, в псарню».

И выявляя далее свою позицию этот реакционный орган говорит: «Если мы хотим счастливого сочетания собственных интересов с моральными обязательствами, то оно уже дано нам в форме доктрины Монро».

Эту магическую формулу нужно расшифровать. Как известно, доктрина президента Монро, формулированная свыше столетия тому назад, сводилась к тому, что Соед. Штаты будут расценивать всякое вмешательство Европы в дела американских континентов, как угрозу своим жизненным интересам. По мере развития империализма Штатов эта доктрина наполнялась все более агрессивным содержанием, вылившись, наконец, в явное стремление подчинить себе всю Латинскую Америку и Канаду. Именно «Чикаго Трибюн» является ярким выразителем этих вожделений, и напоминая в цитируемой статье о доктрине Монро, она в скрытой форме указывает на то, что вступление Штатов в Трибунал может повлечь за собой вмешательство его европейских участников в возможные конфликты между Соед. Штатами и странами Латинской Америки (сторонники Трибунала из лагеря империалистов, учитывая перевес Штатов в соотношении сил с Европой, не боятся такого вмешательства).

Аналогичную позицию занимает широко разветвленная печать могущественного синдиката Херста. Социальную подоплеку этой позиции можно, пожалуй, выразить так: печать Херста отражает настроения американской мелкой буржуазии, шовинистический аппетит и кругозор которой пока ограничивается рамками американского континента в отличие от финансового капитала, мыслящего в мировом масштабе.

Для этого кругозора американского обывателя весьма показателен следующий любопытный факт: выступая в сенате против присоединения к Трибуналу, сенатор Блис из южного штата Южной Каролины упрекал большинство в том, что оно голосует за Трибунал, где американцу «придется сидеть рядом с чистокровным негром» из Гаити (маленькая негритянская республика к югу от Штатов в Караибском море, находящаяся под «протекторатом» Америки, но входящая в Лигу Наций). «Судьбы женщин и мужчин юга,—возмущался этот благородный стопроцентный янки,—будут брошены в руки черных людей!»

Вот из каких элементов составлена первая группа противников Трибунала. Вторую группу возглавляют прогрессивные сенаторы Бора, Брукгардт, Фрезир, Лафолетт (сын покойного вождя прогрессивного течения), Шипстед, лидер «рабоче-фермерской партии штата Минесота и др. Социальная основа этой группы—либеральная мелкая буржуазия в городе и на фермах. Она, конечно, тоже патриотична и готова грудью стать на защиту отечества в случае нужды, но она по старой традиции против всяких запутывающих соглашений» (entangling alliances), к чему, по ее мнению, ведет присоединение к Трибуналу, а тем более—дальнейший шаг—вступление в Лигу. Она боится,

что такой шаг лишь ограничит независимость внешней политики Штатов и подчинит их влиянию Англии.

В своем выступлении в сенате 18 декабря Бора на конкретных примерах доказывал, как тесно Трибунал связан с Лигой и задал представителям большинства республиканской партии вопрос: «Как мы можем сдержать включенное в нашу платформу обещание оставаться в стороне от европейской политики, если примем во внимание все те многочисленные сложные политические вопросы, по которым Трибуналу придется выносить свое суждение?»

В этих словах сказывается весь анахронизм позиции Бора с точки зрения об'ективных интересов той партии, с которой он, как типичный мелкий буржуа, никак не решается порвать. Республиканская партия уже освободилась от мелко-буржуазных влияний и стала плотью от плоти и костью от кости Big Buisness—крупного капитала. И разве может она оставаться в стороне от европейских дел после плана Дауэса, после всех тех старых и новых займов европейским правительствам и огромных частных инвестиций в Европе—после всего того, о чем с таким жаром говорил автор принятой резолюции сенатор Свонсон?

А потому и все дальнейшие аргументы Бора о неуважении прав малых народов в Лиге и в Трибунале, о несправедливостях последнего и т. д. чужды большинству республиканской фракции. И когда даже он вносит поправку в том духе, чтобы в будущем при выборах судей Трибунала Великобритания имела лишь один голос—теперь правом голоса пользуются и доминионы,—большинство эту поправку проваливает: настолько оно уверено в своем реальном перевесе над старой империей.

Такова печальная история последних могикан изоляции. Так же, как экспансия Соед. Штатов на заре их истории удалила со сцены старых могикан-индейцев, так и бешеная экспансия нынешнего империалистического периода Штатов фатально предопределяет судьбу могикан-«изоляционистов».

Чтобы покончить с вопросом о борьбе течений вокруг вопроса о Трибунале и Лиге, следует еще отметить позицию социалистов. Американская социалистическая партия, влачащая, кстати сказать, весьма жалкое существование, в этом отношении не единодушна: в то время как Хилквит, в полном согласии с его коллегами по II Интернационалу, горой стоит за Лигу, старик Дебс, в котором еще тлеют искры революционности, выступает против Лиги.

Что же касается коммунистической Воркерс Парти, то она заняла единственно правильную позицию, разоблачая как империалистические замыслы сторонников Трибунала, так и реакционные, а также беспринципно-пацифистские мотивы различных группировок в лагере буржуазных и мелко-буржуазных противников Трибунала.

Итак, кончился бой в сенате. Сторонники Трибунала, конечно, одержали решительную победу. Остается только в переговорах с Трибуналом оформить присоединение к этому великому международному судилищу такого почтенного авторитетного нового члена как Америка. 2 марта американский государственный департамент извещает Лигу о последовавшем, наконец, счастливом решении сената, о чем как бы явочным порядком должны быть оповещены отдельные государства, входящие в Трибунал. Но на заседании Совета Лиги от 18 марта в Женеве Чемберлен, выражая свое удовлетворение по поводу шага Америки, с невинным видом предлагает вопрос о ее вступлении в Трибунал и связанных с этим оговорках обсудить на пленуме Лиги 1 сентября, в присутствии представителя Штатов. И как бы по случайному совпадению в тот же день, 18 марта, в Вашингтоне представителям печати передают из Белого Дома содержание доклада прибывшего в Вашингтон американского посла в Лондоне Хоутона, в котором Лига Наций сравнивается со «Священным Союзом» и характеризуется как учреждение с возвышенными идеями мира и братства народов... Колоссальная сенсация в Штатах—шум и смятение во всем мире. Какой неожиданный и пренеприятнейший пассаж! А в довершение в начале апреля из кругов близких к государственному департаменту сообщают, что Штаты отказываются от посылки представителя на сессию Лиги Наций согласно предложению Чемберлена. Час от часу не легче!

Какой же смысл имеет все это пикантное запутанное и столь богатое сюрпризами политическое «ревью»?

Раньше всего то, что провал Женевы американский империализм расценивает как угрозу тому замирению в Европе, которое ему нужно для эксплоатации всей Европы в целом и для спокойного регулярного взимания с нее дани в виде взносов по займам и прибыли по частным инвестициям, как нежелание Европы разоружаться по приказу Штатов. (Эти пацифистские требования по отношению к Европе, конечно, ни в коей мере не говорят о желании разоружиться со стороны самой Америки: quod licet Jovi, non licet bovi, или в переводе на язык Уолл-стрит—что разрешается кредитору, то не разрешается должнику...). Далее, выступление Хоутона без сомнения означает новый сдвиг американской дипломатии. Но в какую сторону? Не в сторону изоляции и невмешательства в европейские дела, как пишут в некоторых буржуазных газетах. Это—чепуха. При тех миллиардах, которые Штаты вложили в предприятие называемое Европой, о невмешательстве американских кредиторов в европейские дела никакой речи быть не может. План Хоутона означает сдвиг в сторону применения в целях политической интервенции метода завинчивания экономического пресса на Уолл-стрит, метода регулирования финансирования Европы в зависимости от ее покорности, а не кропотливого, чреватого этими одиозными «запутывающими соглашениями» метода вступления в Трибунал и в Лигу Наций. И действительно, устами Хоутона американская дипломатия говорит: «Выявление того факта, что Европа все еще находится во власти вражды, явившейся причиной мировой войны, и на ряду с этим—отсрочка конференции по разоружению и глубокое неверие в возможности разоружения в результате этой конференции, задуманной Лигой,—все это вызвало (в официальных кругах Соед. Штатов) глубокий пессимизм относительно политических перспектив в Европе. Та Европа, с которой Соед. Штаты должны договариваться по вопросу о разоружении, не управляется государственными людьми, способными учесть урок мировой войны, и готовыми предупредить другую. Чем скорее мы откажемся от этой иллюзии, тем лучше. Народы Европы,

быть может, желают мира, но их правительства думают о национальном престиже и империалистических амбициях и готовят комбинации и союзы, которые могли бы быть противопоставлены комбинациям и союзам враждебной группы... Логическим завершением такой политики может быть только война» («Вашингтон Пост» 18 марта).

Исходя из всего этого, правительство Соед. Штатов, согласно все тем же ссылкам на доклад Хоутона, пришло к выводу, что «Штаты должны выжидать до тех пор, пока экономические факторы не вынудят Европу отказаться от нынешнего милитаризма; отсутствие финансовых возможностей сохранить вооружения принудит Европу изменить свою политику; тогда Соед. Штаты сумеют с успехом настоять на своей политической линии».

Итак—либо смиритесь, либо прощайтесь с займами—таков «план Хоутона».

Неудивительно, что после этой истории с «планом Хоутона» противники Трибунала в Штатах подняли головы и на заседании сената 21 марта Бора опять разоблачал интриги Лиги и бесплодность Трибунала. Сторонникам последнего из правительственного лагеря осталось только одно—как-нибудь замазать и «раз'яснить» этот новый план. Но все эти запоздавшие маневры никого не могли ввести в заблуждение, так как одновременно с ними последовало вышеупомянутое заявление, что правительство Штатов отказывается послать своего представителя на сессию Лиги 1 сентября для обсуждения американских оговорок, и конфуз, таким образом, получился полный.

Такой поворот об'ясняется, помимо доклада Хоутона, стремлением дать понять Чемберлену, инициатору предложения о необходимости подвергнуть обсуждению американские оговорки, что Штаты не нуждаются в признании поставленных ими условий и что они не хотят иметь против себя блок государств, членов Трибунала. В известном смысле этот шаг направлен не только против Англии, но и против Европы в целом.

После всего этого естественно возникает вопрос: что же это за дипломатия такая, которая годами колеблется, пока решается на определенный шаг, и не успев еще шагнуть уже тянется назад? На это можно дать только один ответ, ответ который многим быть может покажется парадоксальным: послевоенная американская дипломатия не имеет единой определенной политической линии. Она еще не успела войти в новую историческую роль. А потому ее линия—неуверенная, неустойчивая и зигзагообразная. И прав по своему сенатор Гаррисон, демократ, который, реагируя в сенате на «инцидент» с Хоутоном, воскликнул:

— «Как мы «тащимся» в международной политике! Какое мы выявили руководство? Где те способные выдающиеся люди, которые управляли бы делами нашей страны в международном масштабе? «Осторожный Кал», «нервная Нелли», «меланхоличный Гос»... [1]). Давайте же, наконец, карты на стол!».

Но карты в не особенно ловкой игре американской дипломатии смешались, и она пока не знает, чем именно козырнуть. И такой период колебаний, очевидно, будет продолжаться еще

[1]) Клички Кулиджа, Келлога и Хоутона.

не мало времени. Но как бы то ни было, можно установить, что в силу общеизвестных экономических факторов американская политическая интервенция в Европе все усиливается. Что же касается форм этой интервенции, то резолюция сената в пользу Трибунала при Лиге Наций, последовавшая после стольких лет упорной внутренней борьбы, свидетельствует о том, что американский финансовый капитал постепенно склоняется к сотрудничеству с Лигой Наций, с целью использовать ее как рычаг давления в различных областях внешней политики Штатов. Выступление Хоутона в связи с провалом последней женевской сессии Лиги Наций несколько усилило позицию противников Трибунала. Но было бы неправильно утверждать, что оно радикально изменило соотношение сил в борьбе вокруг Лиги. Во всяком случае европейские державы в Лиге Наций, Трибунале и различных международных конференциях все больше и больше будут сталкиваться с «наблюдателями» и оффициальными представителями американского империализма. Это неизбежно приведет к умножению и усилению противоречий между империалистическими державами и в частности между Штатами и Англией, претендующей на первую скрипку в т. н. «европейском концерте» или, скажем лучше, в европейском «джазбанде».

От этой роли старая Англия, как это показал маневр Чемберлена по поводу американских «оговорок», отказываться не намерена. Но и американский империализм, так тесно связавшийся с Европой узами миллиардных займов и инвестиций, с такой ролью Англии мириться не может, а потому обострение англо-американской борьбы в Европе неизбежно.

Е. Смиттен.

К итогам регулирования роста партии.

(*По материалам Статистического Отдела ЦК ВКП*).

Задача регулирования роста партийных организаций, как первоочередная и важнейшая задача партийного строительства, стояла и продолжает стоять в центре внимания и партии в целом и каждого партийного комитета в отдельности.

В настоящем обзоре сделана попытка подвести некоторые итоги работ парторганизаций над улучшением их состава, ответить на вопрос, куда росла и продолжает расти партия.

Прежде всего, однако, необходимо оговориться насчет качества использованных в обзоре статистических данных. Они не претендуют на 100%-ую достоверность и полноту. Весьма возможно, что приведенные ниже цифры по тому или иному вопросу не совсем точны. Но соотношения между ними и относительные величины, думается, правильно выявляют рассматриваемое явление и изучаемый процесс. А этого только и можно требовать от данных, получаемых в порядке текущей статистики, к тому же из весьма неокрепших еще статистических органов парткомов.

Социальный состав партии к началу 1926 г.

Среди трех основных категорий трудящихся имеет ВКП своих членов: среди рабочих, крестьян и интеллигентов, а также лиц конторско-канцелярского труда. Ядро партии составляют рабочие, числом около 582.300 человек. Крестьяне-коммунисты насчитываются в количестве 246.800. Группа служащих, интеллигентов и проч. самая малочисленная—173.400.

В миллионной армии коммунистов (точнее—1.002.500 без военных коммунистов, учитываемых ПУР'ом, и партийцев, работающих в советских учреждениях за границей) названные группы трудящихся на 1 января 1926 г. составляли: рабочие—58,1%, крестьяне—24,6%, служащие и проч. (кустари, ремесленники)—17,3%.

Однако, далеко не все партийцы-рабочие находятся в данное время на производственной работе так же, как не все коммунисты-крестьяне заняты сельским хозяйством.

В рабоче-крестьянской стране государственный аппарат, профессиональные и партийные организации, торговые, хозяйственные и проч. органы обслуживаются снизу доверху, в большей или меньшей степени, выходцами из рабочего класса и крестьянства. Ушла с фабрик и заводов, оторвалась от сельского хо-

зяйства и часть коммунистов рабочих и крестьян и ныне работает на административной, профессиональной, партийной и иной работе. Вместе с интеллигентами и служащими по основной своей профессии, эти бывшие рабочие и крестьяне составляют довольно большую группу так называемых советских служащих и общественных работников 361.500 или 36,1% общего числа коммунистов). В распоряжении партстатистики нет точных данных о том, из каких социальных элементов слагается группа партийцев-служащих, как велик в ней процент рабочих, крестьян и интеллигентов. По приблизительному исчислению в общей массе коммунистов, обслуживающих госаппарат, проф. и парторганы, хоз. и пр. учреждения, должно быть около 50% крестьян и рабочих.

Удельный вес коммунистов-землепашцев и батраков, независимо от его роста за последний год, пока еще очень невелик. Сравнительно большая сеть деревенских коммунистических ячеек (16.000—53,4% всего числа ком'ячеек) охватывает около 114.600 (11,4%) коммунистов, исключительно занятых сельским хозяйством, и 11.700 (1,2%) батраков и с.-х. рабочих. Промежуточную группу между партийцами-землепашцами и служилым элементом в деревне составляют те коммунисты, которые, занимаясь индивидуальным—реже коллективным—сельским хозяйством, вместе с тем выполняют по выборам общественную работу в качестве председателей сельсоветов, виков и т. д. или работают по найму. Примерная численность таких коммунистов—32.000.

Что касается рабочих, то из общего числа их в партии (582.300) рабочие, непосредственно занятые в добывающей и обрабатывающей промышленности, транспорте и в учреждениях (чернорабочие, ремонтные рабочие), сохранившие в массе живую связь с широкими кругами беспартийных рабочих, составляли к началу 1926 г. 409.400 человек, т.-е. 40,8% всего состава партии. В это число вошло 264.700 фабрично-заводских рабочих, около 100.300 транспортных и 44.400 прочих наемных рабочих в нецензовой промышленности, госаппарате и т. д. В дальнейшем, для сокращения, эти три категории коммунистов—наемных рабочих—будем условно называть производственными рабочими.

Так как главным источником, из которого до сих пор шли основные пополнения партии и откуда и впредь мы будем черпать свои силы, является фабрично-заводская промышленность, интересно проследить, во-первых, как распределяются коммунисты между отдельными отраслями промышленности и во-вторых, какова коммунистическая прослойка в промышленных предприятиях различных размеров.

По первому вопросу имеем такие данные:

Наибольший процент коммунистов, именно 28,0%, падает на металлообрабатывающую промышленность, пятая часть—на текстильную, 11,5% на пищевую и десятая часть на горную и горнозаводскую. Всего, следовательно, в четырех названных отраслях промышленности работает 69,4% общего числа коммунистов на производстве. Остальные 30,6% рассеяны между всеми другими отраслями промышленности таким образом, что на каждую из них в среднем приходится от 2 до 6 процентов всего числа коммунистов в индустрии.

Однако, из того обстоятельства, что в металлической, текстильной, пищевой и горнозаводской промышленности сосредоточено более двух третей всех коммунистов фабрично-заводских рабочих, вовсе не следует, что в этих отраслях промышленности коммунисты составляют высокий процент в общей массе рабочих. Следующая таблица дает сравнительные данные о плотности коммунистов в отдельных отраслях промышленности различной степени концентрации.

Наименование отраслей промышленности.	Число рабочих в среднем на одно предприят.	Число коммунистов в % к итогу.	Число коммунистов на 1000 рабоч.
Обработка металлов и машиностроен.	333	28,0	178
Горная и горнозаводская	850	10,0	156
Текстильная	1.024	19,9	87
Произв. пищевых продуктов, напитков и наркотиков	62	11,5	193
Химическая.	289	6,9	137
Полиграфическая	116	5,6	234
Кожевенная.	106	4,2	220
Обработка дерева	100	4,6	165
» бумаги	255	1,6	159
Швейная промышл.	193	2,1	221
Проч. отрасли промышл.	171	5,6	131
По всем отраслям промышл. .	257	100,0	144

Есть определенная зависимость между плотностью коммунистов и степенью концентрации промышленности. В менее концентрированных отраслях промышленности, т.-е. там, где в среднем на одно предприятие приходится меньше рабочих, насыщенность коммунистами фаб.-зав. пролетариата большая, чем в высоко-концентрированных отраслях промышленности.

Весьма интересны цифры (на 1 июня 1925 года) о число коммунистов в промышленных предприятиях и жел.-дор. мастерских и депо с неодинаковым количеством занятых в них рабочих.

Размеры ф.-з. предприятия и ж.-д. депо (мастерск.).	До 200 рабоч.	201—500 рабоч.	501—2000 рабоч.	2001—5000 рабоч.	Свыше 5000 р.
Процент коммунистов в составе ф.-з. рабочих . . .	27,2	19,4	13,1	8,8	8,7
Процент коммунистов в составе ж.-д. рабочих . . .	39,7	27,3	19,5	13,9	

Чем меньше предприятие по числу занятых в нем рабочих, тем бо́льший процент коммунистов имеется в общезаводской массе. И обратно—с ростом размера предприятия уменьшается коммунистическая ячейка.

В чем причина этого явления?

Возможно, что в крупных предприятиях парт'ячейкам труднее держать в поле своего зрения большую массу беспартийных рабочих, она недостаточно обслуживается школами политграмоты, не вся вовлекается в общественную работу и т. д. Ячейкам на небольших предприятиях, повидимому, легче удается охватить своим влиянием рабочих и в бо́льшем числе вовлечь их в партию. Несомненно и то, что в партию идут преимущественно квалифицированные рабочие (подтверждение этому дал Ленинский призыв 1924 г.), чем об'ясняется высокий процент коммунистов в полиграфической промышленности, где преобладает высоко-квалифицированный труд, и низкий проценг—в текстильной промышленности, обслуживаемой рабочими более низкой квалификации. На малой насыщенности коммунистами рабочих текстильной промышленности сказывается преобладание женского труда в ней над мужским (на 100 мужчин, занятых в текстильной промышленности, приходится 144 женщины), приток в 1925 г. в текстильную промышленность рабочей силы из деревни, отдаленность многих текстильных фабрик, от культурных центров и т. д. Предстоящая партийная перепись должна дать достаточный материал для суждения о том, рабочие каких отраслей промышленности и какой квалификации обнаруживают наибольшее тяготение к коммунистической партии. Здесь же отметим только, что ставя себе задачу усилить рабочее ядро, парторганизации должны обратить особенно пристальное внимание на недостаточную прослойку коммунистов в средних и крупных предприятиях и в таких отраслях промышленности, как текстильная, горная и даже металлическая.

Прием в партию.

Основным фактором, определяющим изменения социального состава партии, является прием новых членов, их численность и состав.

Но самый прием, в свою очередь, в значительной мере определяется тягой в партию, т.-е. численностью и составом тех лиц, которые заявили о желании стать членами партии, хотя бы и не были приняты в кандидаты по тем или иным мотивам. К сожалению, далеко не все организации наладили регистрацию подаваемых заявлений о приеме в партию, и мы имеем данные по этому вопросу только по 70% всего числа ячеек. Согласно этому, как сказано, далеко не полному учету, в течение 1925 г. было около 529.000 заявлений о приеме в партию. В действительности же их было больше. В частности, от производственных рабочих поступило 46,6% всех заявлений, от крестьян-землепашцев и батраков—28,5% и, наконец, от остальных категорий трудящихся—24,9%. Принято же в кандидаты было 321.860 человек, т.-е. немногим больше (на 1,8%) числа принятых в 1924 г. Социальный состав вновь завербованных характеризует след. таблица:

Принято в кандидаты.	Всего.	В том числе:		
		Рабочих.	Крестьян.	Служ. и пр.
В I полугодии 1925 г. . .	190.200	62,4	22,5	15,1
Во II » 1925 г. . .	131.660	43,8	39,6	16,6
Итого в 1925 г. . .	321.860	54,8	29,5	15,7

Итак, больше половины (54,8%) всех принятых в партию в течение года составили рабочие, сравнительно большой процент—крестьяне. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что во II полугодии, т.-е. примерно, после XIV партийной конференции, процент принятых крестьян увеличился сравнительно с процентом I полугодия, а рабочих—снизился.

Однако, поскольку постановления высших партийных органов, говоря о необходимости увеличения рабочего ядра в партии и бо̀льшего вовлечения крестьян (бедняков и середняков), имеют в виду не вообще рабочих и крестьян, а в частности индустриальных рабочих, непосредственно занятых в производстве, и крестьян, непосредственно занятых в сельском хозяйстве (землепашцев), интересно проследить, как шел прием в партию именно этих категорий трудящихся.

Прием производственных рабочих характеризуется следующими цифрами. Всего в партию было принято 176.400 рабочих, из них производственных рабочих—162.700. Следовательно, около 14.000 рабочих в момент приема работали в качестве служащих в советских и проч. учреждениях, состояли студентами высших школ и т. д. Прием рабочих во второй половине 1925 г. был слабее приема в первой половине. В то время, как в I полугодии было принято около 110.000 фабрично-заводских, транспортных и проч. наемных рабочих, во II полугодии — около 53.000, т.-е. на 51—52% меньше. В I полугодии производственные рабочие составили больше половины—57,8%—всего числа принятых, во II полугодии—их было только 40,1%.

Этот процент колеблется в больших пределах в организациях крупных промышленных центров и земледельческих губерний. В первых—рабочие составляли, как правило, больше половины общего числа принятых. Так, в организациях промышленных губ. центрального района, промышленных округов Урала и Сев. Кавказа—рабочих было принято: в I полугодии 1925 г.—70,3%, во II—53,1% всего числа принятых в кандидаты. В организациях земледельческих губ. и земледельческих округов Урала и Сев. Кавказа соответствующий для рабочих процент был: 41,0% и 25,1%.

Не означает ли это снижение абсолютного числа вовлеченных в партию рабочих и падение процента их в общей массе принятых в кандидаты того, что ставка на рабочих не была основной ставкой парторганизаций после XIV партконференции?

Судя по всем имеющимся материалам о регулировании роста организаций (директивным указаниям губкомов нижестоящим организациям, циркулярным письмам, постановлениям и т. п.), все или по крайней мере подавляющее большинство организаций всеми силами стремились увеличить число производственных рабочих в своем составе. И тем не менее достижения в этом отношении не было.

В чем же причина?

Есть некоторое основание предполагать, что Ленинский призыв 1924 г. в некоторой мере исчерпал кадры подготовленных ко вступлению в партию рабочих. Ленинский призыв, как указывал на XIII с'езде тов. Молотов, был подготовлен работой партии в течение ряда лет. Прошлый год, и II его полугодие в особенности, был годом, во-первых, усиленного воспитания в школах и на практической работе партийного молодняка, во-вторых—годом постепенного накапливания и подготовки новых сил из числа пока беспартийных рабочих активистов. В этих условиях могло ослабеть внимание парторганизаций к задаче массового вовлечения в партию рабочих.

Возможно и то, что ослабленный приток рабочих в партию есть результат не всюду хорошо налаженной массовой работы. Есть указания на то, что известную часть беспартийных рабочих до поры, до времени удерживает от вступления в партию боязнь партдисциплины, нагрузки общественной работой и учебой.

Не могла, наконец, не сказаться на общем составе партии и усиленная тяга к ней крестьян.

Если во II полугодии 1924 г. в общем числе принятых в кандидаты крестьяне, непосредственно и исключительно занятые сельским хозяйством, составляли 11,2%, и в I половине 1925 г.—11,5%, то в период с июля по декабрь процент крестьян-землепашцев в составе принятых повысился до 22,1%. Общее число принятых в партию во II полугодии крестьян-землепашцев—29.000 было на 33% больше числа принятых в I полугодии.

К сожалению, текущая статистика не может установить, какие, собственно, группы крестьянства (бедняк, середняк) пополняют деревенскую партийную организацию. Выявление этого чрезвычайно интересного и важного момента, установление процента бедняков и середняков среди деревенских коммунистов—следует поставить в задачу предстоящей партийной переписи. Что касается батраков и сельско-хозяйственных рабочих, численность которых в партии очень ничтожна, то и их приток понемногу усиливается. Так, в составе принятых в кандидаты в январе—июне 1925 г. батраков и сельско-хозяйственных рабочих было 1,3%, а в июле—декабре—2,0%.

Таков был прием в партию крестьян-землепашцев и батраков. Кроме крестьян, исключительно занятых сельским хозяйством, в партию вербовались и те крестьяне-активисты, которые совмещают сельское хозяйство с выборной и наемной работой в вик'ах, сельсоветах, комитетах крестьянской взаимопомощи и т. д. Партстатистика не располагает сведениями по вопросу о том, как шел прием в партию этих элементов крестьянства. Но общее представление о приросте их будет дано ниже.

Само собой разумеется, что в абсолютных цифрах приток в партию крестьян и батраков не мог иметь и не имел массового

характера. Но тенденция усиления его роста выявляется, как выше показано, совершенно отчетливо.

Остается рассмотреть прием в партию служащих. Прежде всего напомним, что мы будем иметь в виду прием всех категорий служащих, т.-е. как интеллигентов, лиц конторско-канцелярского труда и младших служащих, так и тех выходцев из рабочего класса и крестьянства, которые в настоящее время являются советскими служащими и общественными работниками. Общая численность принятых в 1925 г. служащих—72.000. Это—меньше числа принятых за тот же период рабочих, но больше числа вовлеченных в партию крестьян. Во II полугодии служащих было принято несколько меньше—на 11,4%—чем в первом, но так как общий прием в партию сократился, то удельный вес служащих повысился с 20% в составе принятых в I полугодии до 25,6% в составе принятых во II полугодии.

В приеме служащих чрезвычайно важно и еще одно обстоятельство. Именно, та большая легкость, с какой служащие проходят в партию сравнительно с другими категориями трудящихся.

Из общего числа служащих, подавших заявления о приеме в партию, было принято 78,3%. А из числа рабочих—66%. К заявлениям крестьян и батраков было проявлено еще больше осторожности: из всего числа крестьян и батраков вместе с с.-х. рабочими, обратившихся в ячейки с заявлениями о приеме их в партию, было принято: первых—39,5%, вторых—только 23,6%.

Эти данные свидетельствуют о том, как односторонне была воспринята и проведена в жизнь директива «улучшение качественного состава партии, повышение соответствующих требований ко всем вновь вступающим членам партии», формулированная в постановлении XIV партконференции.

Вторым, после приема, фактором, определяющим, конечно, в гораздо меньшей степени, динамику социального состава коммунистов, является убыль из партии.

Что касается рабочих, непосредственно занятых в производстве, то коэффициент исключений и выходов их из партии обнаруживает тенденцию к некоторому повышению. Для 1924 г. коэффициент выбытий (из среднего годового числа партийцев-рабочих) был равен 1,4%, а исключений—0,1%. Для 1925 г. соответствующие коэффициенты были: 2,2 и 1,2. По отношению к крестьянам-землепашцам у нас нет сравнительных погодных данных о числе случаев их выходов и исключений из партии. Установлено только, что во II полугодии 1925 г. убыль крестьян из партии была меньше убыли рабочих. Коэффициенты выбытий крестьян—1,0%, исключений—1,5%.

Но в общем убыль из партии настолько незначительна, что сколько-нибудь серьезных изменений в соотношениях между социальными прослойками партийцев она произвести не могла.

Динамика социального состава партии.

Общее представление об этом дает нижеследующая таблица (табл. на стр. 67).

Как видно из таблицы, все социальные группы коммунистов выросли в своей абсолютной величине, но рост этот шел неодинаковым для всех темпом. В то время, как группа крестьян выросла максимально—на 13,7%—рабочие и служащие отставали в своем росте от роста крестьян, и в результате удельный вес как рабочих, так и служащих снизился.

Даты.	Социальный состав партии:					
	Рабочих.		Крестьян.		Служащих и пр.	
	Абс. ч.	%.	Абс. ч.	%.	Абс. ч.	%.
На 1 июля 1925 г.	534.400	58,6	217.000	23,8	160.400	17,6
На 1 янв. 1926 г.	582.300	58,1	246.800	24,6	173.400	17,3
Рост (+) в абс. ч.	+ 47.900	—	+ 29.800	—	+ 13.000	—
Рост (+) в %	+ 9,0	—	+ 13,7		+ 8,1	—

Но интереснее те изменения, которые в итоге приема в кандидаты произошли в численности партийцев-рабочих «у станка», крестьян «у плуга» и служащих государственных и других учреждений.

Вот эти показатели (табл. на стр. 68).

Необходимо пояснить, что в этой таблице, в гр. служащих и общественных работников, включены и те крестьяне, которые совмещают работу в сельском хозяйстве с работой по выборам или по найму в госаппарате, кооперации и т. д. в деревне. Относительно снижения абсолютного и относительного числа группы «прочих» надо сказать, что оно об'ясняется, главным образом, снятием с учета парткомов коммунистов в Красной армии и флоте.

Что касается цифр по существу, то они показывают большой прирост в численности и в удельном весе крестьян, меньший—батраков и, наконец, служащих.

Темп же роста производственных рабочих отстал от темпа роста всех других категорий партийцев и, кроме того, удельный вес их снизился за полгода с 42,0% до 40,8%. Таким образом, к XIV партийному с'езду не только не удалось добиться увеличения процента производственных (и транспортных) рабочих в составе партии, но не удалось удержать, несмотря на абсолютный рост—рабочее ядро на ранее достигнутом уровне. Директива с'ездов о 50% коммунистов-рабочих, непосредственно занятых в производстве, не могла быть выполненной подавляющим большинством партийных организаций. Ибо в отдельных организациях, работающих в условиях, благоприятствующих вовлечению в партию рабочих, в организациях крупных промышленных центров процент партийцев-рабочих «у станка» перешагнул за установленный минимум. В группе организаций 10 промышленных губерний рабочие «у станка» составляют

больше половины всей организации и процент их вырос за второе полугодие 1925 г. с 51,6% до 53,6%. Во всех остальных организациях, за очень редким исключением, удельный вес партийцев-рабочих «у станка», при незначительном их абсолютном росте, снизился. Так, например, в 23 организациях земледельческих губерний с 33,4 до 31,4%, на Украине—с 49,2 до 46,1% и т. д.

Состав коммунистов по роду их занятий.

Даты.		Рабочие, непосредств. занятые в производ. и транспорте.	Крестьяне-землепашцы.	Батраки и с.-х. рабочие.	Служащие и общ. работники.	Прочие (кустари, ремеслен., учащиеся и др.).
На 1 июля 1925 г.						
В абс. ч.		383.300	85.400	10.100	319.300	113.700
В процентах		42,0	9,4	1,1	35,0	12,5
На 1 янв. 1926 г.						
В абс. ч.		409.400	114.600	11.700	361.500	105.300
В процентах		40,8	11,4	1,2	36,1	10,5
Рост (+) или убыль (—)	в абс.	+ 26.100	+29.200	+ 1.600	+42.200	— 8.400
	ч. в %	+ 6,8	+ 34,2	+ 15,8	+ 13,2	— 7,4

Еще более резкое снижение числа рабочих «у станка» наблюдается в кандидатском составе, как результат, с одной стороны, пониженного притока в партию, с другой—той линии, которой держались парткомы в отношении переводов кандидатов в действительные члены партии.

Переводились в первую очередь рабочие «у станка», их было около 70% от всего числа переведенных во втором полугодии 1925 г., в то время как служащие и крестьяне задерживались на положении кандидатов: процент служащих в общем числе переведенных в члены равнялся 18,9%, а процент крестьян-землепашцев—всего только 4,7%. Замедленный темп притока рабочих в партию, усиленный перевод рабочих из кандидатов в действительные члены и удержание большинства партийцев крестьян и служащих на положении кандидатов привело к снижению удельного веса производственных рабочих в кандидатском составе с 51,2% на 1 июля 1925 года до 41,6% на 1 января 1926 года и увеличению процента рабочих «у станка» в общем числе членов партии с 34,6% до 40,8%.

Что касается крестьян, исключительно занятых с. х., то небольшое число их, принятое в июле—декабре—29.000—легло на сравнительно небольшое же число ранее состоявших в партии—приблизительно 85.400 крестьян-землепашцев и в результате дало увеличение всей группы партийцев—крестьян-землепашцев на 34,2%. Рост этой группы наблюдается во всех, без

исключения, организациях. Меньший—там, где крестьяне и раньше составляли весьма компактную группу в организации. Больший—в тех организациях, где их раньше было мало.

Прирост крестьян-землепашцев в партийных организациях (в %%).

Название организаций.	Число крестьян-землепаш. коммун.			Число крестьян-землепашцев-кандидатов.		
	На 1/VII 1925 г.	На 1/I 1926 г.	Прирост.	На 1/VII 1925 г.	На 1/I 1926 г.	Прирост.
ВКП (б).	9,4	11,4	34,1	10,7	16,5	54,8
В том числе в организациях:						
1. Промышлен. губ.	2,0	2,5	29,0	2,8	5,0	43,5
2. Промышлен. окр. Урала	5,1	5,4	10,7	5,6	8,2	29,5
3. Промышлен. окр. Сев. Кавказ.	3,5	4,4	39,6	4,8	7,6	47,5
4. Земл. губ. (23-х)	11,0	13,4	35,7	12,9	18,8	56,5
5. Земл. окр. Урала.	26,3	27,0	14,3	30,8	32,4	48,0
6. Земл. окр. Сев. Кавказа	21,6	21,9	12,1	26,2	31,0	32,8
7. Сибири.	24,2	26,5	18,8	25,1	31,0	31,0
8. Украины	4,2	6,9	101,4	6,5	12,8	121,4
9. Белоруссии.	3,8	8,2	180,1	6,4	15,3	252,2

Если учесть прирост не только группы крестьян-землепашцев в партии, но и тех коммунистов, которые являются одновременно и землепашцами и служилым элементом в деревне, то общий для всех коммунистов-землепашцев прирост выразится в 31,9%, а удельный вес всей группы повысится с 12,2% в середине 1925 г. до 14,6% в конце его.

Переходя к группе партийцев-служащих (по роду занятий в данное время), отметим, что ее рост отставал от роста крестьян в партии, но опередил, как это видно из вышеприведенной таблицы, рост рабочих, занятых в индустрии и на транспорте. Повысился несколько и процент служащих в общем числе коммунистов: с 32,2% до 32,9%.

В кандидатском составе, в виду того, что в числе принятых во II половине 1925 г. служащих было—и абсолютно, и относительно—больше, чем в числе принятых в I полугодии, мы имеем еще более резкое повышение процента служащих, именно с 22,1% до 24,4%.

Итоги и выводы.

Все сказанное выше, вместе с данными статистических материалов, в настоящем обзоре не затронутыми из-за недостатка места, позволяет подвести некоторые общие итоги.

1. Наиболее характерным в росте партии в рассматриваемый нами период нужно признать абсолютное и относительное увеличение, в результате растущей тяги и усиленного вовлечения в партию, группы крестьян-землепашцев и—в меньшей мере—

батраков. Та «зацепка в деревне», о необходимости которой говорил на XIV с'езде тов. Сталин, повсеместно росла и крепла.

2. Абсолютное число служащих, принятых в партию в июле—декабре 1925 г., было меньше числа принятых в январе—июне того же года, но удельный вес их в составе принятых повысился во II полугодии так же, как повысился, хотя и на весьма малую величину, процент служащих в общем числе коммунистов.

3. Попрежнему максимальное тяготение к коммунистической партии проявляют рабочие вообще и производственные в частности. Абсолютное число принятых в партию рабочих превышает число вступивших в партию служащих и крестьян. Но на фоне усиленного прилива в партию крестьян-землепашцев замечается относительное ослабление притока рабочих в партию и в итоге—снижение, правда, весьма незначительное, процента производственных рабочих в составе партии вообще и, в частности во всех организациях, исключая самые крупные в промышленных центрах.

Ни партия в целом, ни большинство ее губернских организаций, и, конечно, ни одна нац. коммунистическая партия, из числа входящих в ВКП, не имеют в своем составе того минимального числа (50%) рабочих, непосредственно занятых в производстве, о котором говорят наши с'езды и конференции.

Первый квартал 1926 г. дал несколько иное, более благоприятное, соотношение отдельных категорий трудящихся в составе принятых в кандидаты. Повысился сравнительно с II полугодием 1925 г. процент рабочих (до 41,8%), снизился процент служащих (до 20,9%). Крестьяне и батраки продолжают вовлекаться в возрастающем количестве, удельный вес их поднялся до 28,2% в составе всех принятых в январе—марте т. г. Однако, и этот набор не гарантирует основного: приближения к намеченному партией проценту производственных рабочих в партии в ближайшие годы. Более того, непрерывный рост крестьян-землепашцев угрожает снизить в ближайшие полгода—год процент рабочих в партии.

Спрашивается: каким же должен быть темп и состав приема, чтобы рабочие, непосредственно занятые в производстве, составляли не менее 50% всего числа коммунистов?

Если прием в партию в дальнейшем будет итти так же, как в 1925 г., т.-е. организации будут принимать ежегодно по 300.000 новых членов, в числе которых рабочие будут составлять 51,0%. а нерабочие—49,0%, то разница между абсолютным числом партийцев-рабочих и нерабочих—примерно в 184.000—будет покрыта в течение трех десятков лет. Очевидно, что рост партии должен итти иным темпом и с другим соотношением социальных групп в составе принимаемых в кандидаты. Допустим, что ежегодный прием останется по количеству тем же, но процент рабочих в составе принятых поднимется до 60% за счет снижения процента служащих и крестьян. Тогда равновесие между числом производственных рабочих в партии и всеми прочими будет достигнуто приблизительно через 3,5 года.

Само собой разумеется, что процент рабочих в составе принимаемых в партию должен быть выше указанной нормы в организациях крупных промышленных центров и неизбежно будет спускаться ниже нормы в районах земледельческих. Во всяком случае в обстановке развития промышленности и роста

численности рабочего класса вполне мыслимо усиление притока рабочих.

Нам кажется, что самая большая трудность в деле регулирования роста партии лежит не там, где ее ищут враги коммунистической партии, не в отходе трудящихся от революции. Мы имеем достаточно выражений доверия трудящихся советской власти и коммунистической партии. В частности, свыше полумиллиона заявлений о желании стать членами партии говорят о неослабевающей тяге широких кругов трудящихся к коммунистической партии.

Трудности регулирования роста партии заключаются прежде всего в том, что СССР — страна аграрная, с громадным преобладанием крестьянства, что в целом ряде губерний и областей Союза нет развитой промышленности, а, следовательно, нет или очень мало фаб.-зав. рабочих, за счет которых должны в первую очередь расти партийные организации. Активность трудящихся—не только рабочих и крестьян, но и служащих—растет. Работа партийных организаций среди беспартийного актива дает результаты: вокруг ячеек появляются коммунистически-воспитанные, проверенные на общественной работе группы как рабочих, так и крестьян и служащих. Они стремятся организационно закрепить свою связь с партийной организацией, воспитавшей их в коммунистическом духе, а последняя заинтересована в том, чтобы «иметь зацепку в деревне» в лице крестьян и привлечь в свои ряды лучших из служащих и интеллигентов. Но в условиях устремления в организацию всех элементов трудящихся не всегда устанавливается необходимая пропорция между отдельными социальными группами принимаемых в кандидаты, а в итоге нарушается правильное соотношение их в общем составе организаций. Однако, вопросы планирования и организации дела регулирования роста партии выходят уже из пределов темы настоящего обзора.

М. Покровский.

Новая книга по новейшей истории.

(Н. Рожков.—«Русская история в сравнительно-историческом освещении. (Основы социальной динамики). Том двенадцатый. Финансовый капитализм в Европе и революция в России»).

Разбираемая книга является последним томом большой работы, «составляющей венец и цель научных исканий» автора, продолжающихся «уже больше тридцати лет» (стр. 350---351). Было бы постыдно для критика отнестись к подобному труду с кондачка и, усвоив манеру, грешным делом не совсем чуждую автору разбираемой книги, раздавать направо и налево безапелляционные отзывы: «это не верно», «это неправильно», «с этим нельзя согласиться» и тому подобное. Какое дело читателю, кто с кем согласен или несогласен и что автор, суб'ективно, считает правильным или неправильным? Надо показать, что на самом деле об'ективно было.

Вот почему я намерен следовать другому правилу Н. А. Рожкова, с которым (правилом) я согласен вполне: «вести борьбу положительным методом: на основании источников и литературы, засвидетельствованных, проверенных и установленных в них фактов». При чем первым источником является здесь, конечно, сама лежащая перед нами книга.

К какому лагерю принадлежит она и ее автор? Казалось бы, на стр. 350 дается категорический и исчерпывающий ответ: «автор настоящего труда... считает себя марксистом». Но эта фраза является заключительным звеном изложения марксистской теории, как понимает ее наш автор (на месте нашего многоточия в оригинале стоят слова: «признает эту теорию»—изложенную выше), а, прочтя это изложение, я боюсь, всякий читатель начнет обуреваться теми же сомнениями, что и пишущий эти строки. Н. А. Рожков находит у теории Маркса три основные признака, из которых *первым* является *классовая борьба*, а *последним*—*диалектика*. Во-первых, как наш автор ухитряется отделить диалектику истории от классовой борьбы, когда последняя есть основное из противоречий, двигающих историческое развитие,—а наш автор правильно определяет диалектику, как «развитие путем противоречий». Во-вторых, почему диалектика—«еще третья черта» («наконец, есть еще третья черта...»), тогда как от Ленина нам приходилось слышать, что революционная диалектика—«решающее в марксизме», т.-е. как-будто не «еще третье», а самое первое. И, в-третьих, что же такое диалектика? Автор пишет: «Наконец, есть еще третья черта—то, что называется *диалектическим методом*,—развитие путем противоречий, борьбы, скачков, общественных бурь,

революцией» (разр. моя. *М. П.*). Так, вот, что же это: метод исследования или об'ективная особенность самого процесса? Возьмите, например, естественные науки: там есть экспериментальный метод, но эксперименты делает исследователь, а сама природа их не делает, разве случайно. А тут-то кто же «делает диалектику» (прошу не думать, что кавычки обозначают цитату из Рожкова—слова мои), исследователь или сам исторический процесс?

Такая нечеткость, спутанность в изложении учения, которым клянется автор, внушает сильнейшие опасения, что для самого автора «теория Маркса» недостаточно ясна. В самом деле, подумайте: сидел человек тридцать лет и с огромным популяризаторским талантом Н. А. Рожкова, чего у него никто не отнимет, с его уменьем изложить самый трудный вопрос так, что само в голову ложится, в самую простецкую голову,—не нашел четкой, ясной формулы для изложения своего credo. Невольно является сомнение: подлинно ли это credo, «исповедание веры»? Не заблуждается ли Н. А. Рожков, когда он, с глубочайшей, вне всякого сомнения, искренностью, об'являет себя марксистом? Не был ли он более прав в прошлом, когда он—по меткому наблюдению одного из его критиков—неохотно прибегал к этому термину? И не правы ли, в свою очередь, были те его критики, которые утверждали, что Рожков—вовсе не марксист, а нечто вроде «биологического материалиста», более близкого к Щапову и Боклю, чем к Марксу и Ленину?

Для сейчас изложенной точки зрения новая книжка Н. А. Рожкова дает массу иллюстраций. Возьмем ли мы крестьянское движение 1905 г. Наш автор решительно отвергает попытки классового анализа этого движения, которые давались другими авторами (при чем делает это по *старым изданиям* книжек этих авторов, не замечая или не зная, что в новые издания внесены существенные поправки). «Голод — вот побудительная причина» (стр. 80). И, совершенно, естественно, как только голод был утолен, движение прекратилось. «Голодному был дан кусок хлеба, и он так этому обрадовался, что притих надолго» (стр. 82). Просто и ясно.

Возьмем теперь рабочее движение. Московские рабочие устроили торжественные похороны Бауману, петербургские не решились торжественно похоронить своих убитых товарищей. Вы думаете, почему это? «Петербург, руководивший движением до тех пор, обнаружил первый, пока легкий, признак революционной *усталости*, тогда как Москва только начинала раскачиваться» (стр. 84). Вы скажете: это просто образ, литературная метафора. Нет, это метод об'яснения. На стр. 86 обнаруживаются «в высшей степени опасные признаки *утомления* петербургских рабочих». И далее, на стр. 91, подводится итог: «Нет, конечно, сомнения, что неудачи борьбы в ноябре 1905 г. создали *упадок настроения* и активности». На стр. 139: «*Утомление пролетариата* и упадок его революционной энергии, выразившиеся, как мы видели, еще в конце 1905 года в разрозненности действий, сказались с особенной силой в неудачной всеобщей политической забастовке» (летом 1906 г.: стр. 139—140). Страницей дальше опять раз'ясняется, что «*голодному* крестьянству брошена была сухая корка хлеба, и этого оказалось достаточным для значительного его успокоения»

(стр. 141). Тень Леонида Андреева может утешиться: то, за что его так ругали в те дни большевики, повторяется теперь авторами, считающими себя чрезвычайно близкими к большевикам. «...Октябрьский переворот естественно вытекал из того положения дел, какое сложилось к осени 1917 года, он был *совершенно назревшей необходимостью вследствие справедливого раздражения* широких рабочих, крестьянских и солдатских масс против временного правительства и партий, руководивших до того времени рулем государственного корабля» (стр. 300). Наконец, психологизм становится из метода об'яснения исторического процесса методом руководства этим процессом. Оттяжка созыва учредительного собрания кадетами—Керенским в 1917 г. об'ясняется так: «Понятны мотивы такой тактики: надеялись путем оттяжки народного волеиз'явления достигнуть больших результатов для буржуазии *в расчете на утомление масс*» (стр. 275), (разрядка везде моя. *М. П.*).

Казалось бы, уже одной, на опыте доказанной, ошибочности этого расчета было достаточно, чтобы показать автору, как неосновательно строить в истории что бы то ни было на нервной системе участников исторического процесса. Слов нет, перемены настроения, как *симптом*, чрезвычайно характерны для поворотов истории—и в этом смысле всегда должны быть отмечаемы. Но когда, кроме этих перемен настроения, читатель *ничего* не находит в качестве об'яснения, когда эти перемены настроения оказываются ultima ratio (последней причиной), то получается тот самый «биологический материализм», в котором неоднократно упрекали Н. А. Рожкова и, кажется, не безосновательно. Придирчивые люди по этому случаю, пожалуй, заговорили бы об историческом идеализме; но мы, основываясь на том, что писал вообще Н. А. Рожков—и что написано на других страницах этой его книжки,—готовы в кредит принять, что самые-то настроения он об'ясняет материалистически, как результат воздействия материальных условий через нервную систему. «Голод» служит этому лишней порукой. Но все же марксист не остановился бы на настроениях, а стал бы искать об'яснения и им самим в об'ективной действительности.

Окончательно сомнения укрепляются у читателя, когда он переходит к последней, заключительной главе, претендующей всю историю человечества, от антропопитека до Ленина, разделить на пятнадцать периодов, по признакам, совершенно неопределимым. Отличительной чертой периода является то *техническое изобретение* (гарпун—отличие второго периода от первого), то *пол* суб'екта хозяйствования, мужчина или женщина (пятый и восьмой периоды), то, наконец, совсем ничего («ранний неолитический период», «который в социальном отношении ничем не отличался от предыдущего»—«не было существенных новшеств и в социальной организации и в разных отраслях духовной культуры», стр. 354), так что никак нельзя понять, почему же это все-таки новый «период». И вот тут-то, в этой главе, вы найдете и поповский термин «двоеверие»—по отношению к средневековому христианству: решительно всякий совпартшколец теперь знает, что это последнее было стопроцентным анимизмом, что «христианизация» свелась к замене одних имен другими,—и чрезвычайно материалистические раз'яснения, что в «период феодальной революции» существовало лишь «грубое понятие о преступлении, как о вреде исключительно лишь материальном»,

но не всюду: в капитуляриях Карла В. «уже встречается понятие о преступлении, как зле не только материальном, но и нравственном, чего в «Русской Правде» еще нет» (стр. 362), и такую, например, тираду: «Психологическая, идеологическая, вообще духовно-культурная подготовка революции носит в самых передовых странах религиозную окраску (Англия), в нормальных (Франция) вольнодумную, рационалистическую, только отчасти религиозную, но не вероисповедную (Руссо), в отсталых странах совершенно светскую—научную и философскую, с редкой и поверхностной примесью религиозности, а иногда и совершенно без этой примеси» (стр. 375). Бедные классы и классовая борьба, куда вы девались? И, совершенно естественно, русская революция стала социалистической не в силу чудовищно быстрого развития крупной промышленности, пролетаризации крестьянства и т. д., а «по запоздалости революции в России и по культурному преемству от Запада» (!) (стр. 379).

Все это не может посчитаться с Марксом даже самым отдаленным родством. Я очень боюсь, что одновременно не в близком родстве к этой главе окажется и буржуазная наука. Такая, например, тирада, как та, которую мы встречаем на стр. 355: «Те хронологические даты, которые выше приводились, относятся, собственно, к индо-европейской расе, отчасти также к семитической; но были еще расы тюркско-татарская, желтая, черная, красная. Их первобытная история шла, надо думать, теми же этапами, хотя, может быть, каждый из них имел иную продолжительность», способна повергнуть в панику любого студента 1 курса этнологического факультета,—ибо ему наверное поставили бы единицу за смешение «расы» по лингвистическому признаку, *по языку*, и по признаку физическому, по *цвету* кожи. Или взять стр. 364, где делается попытка исчерпать все *типы феодализма* по трем образчикам: Англия, Франция и Россия. А Япония, с вашего позволения? А мусульманские страны? Невольно вспомнишь фразу Ленина об одном авторе, который был «скоропалителен... до умилительности». Это качество оказывается одним из самых прочных.

И вот эта, тридцать лет не устающая, «скоропалительность» наводит на сомнения в другом порядке, не методологическом. Последняя сторона дела после приведенных цитат (их количество можно увеличить в 10 раз) достаточно ясна. Но и немарксистская книжка может быть ценна по своему фактическому содержанию, по разработке детальных вопросов. Кто бросил бы под стол Соловьева и Ключевского на том основании, что они не марксисты, тот обнаружил бы только, что он чрезвычайный дурак. Оставим в покое последнюю главу—она никаких фактов сообщить и не претендует, это своего рода «философия истории», высоко суб'ективная, но которую автор, конечно, имел все право опубликовать, раз он считает свои пятнадцать периодов важным открытием. Займемся предшествующими главами, где дается очерк развития России и Западной Европы, примерно, в промежутке 1905—1925 г.г. Очерк интересен уже потому, что ничего подобного в литературе пока нет,—Рожков выступает первым. Что же он здесь дает?

Прежде всего, нечто очень неполное и неровное. Некоторые моменты разработаны, как в большом курсе (Гапоновщина и 9 января, например); другие даны конспективно (социально-экономическая история Западной Европы, где стиль местами на-

поминает заметку энциклопедического словаря, см., напр., на стр. 256: «В 1917 году в Клермон-Ферране с'езд Всеобщей Конфедерации Труда высказался за мир без аннексий и контрибуций. Когда Мерргейм перешел на сторону Жуо,—видную роль в оппозиции стал играть Монмуссо»); третьи совсем отсутствуют (экономика войны и керенщины, без которых нельзя понять ни февральской, ни октябрьской революций 1917 г.). Полного, хотя бы и очень сжатого, изложения читатель не получает. Написано все это, не во гнев будь сказано автору тридцатилетнего труда, чрезвычайно спешно. Я уже не говорю о прямых описках (комбеды были, будто бы, уничтожены 20 декабря 1920 г.—вм. 1918, стр. 312.—Колчак оказывается членом эсэровской директории, которую он арестовал,—стр. 309 и т. п.)—в виду возможности, что книга будет использована, как руководство, не безразличны и они. Но встречаются утверждения, которые трудно принять, как простую описку. Так, на стр. 228 категорически утверждается, что немцам «подводной войной удалось потопить самое большее одну восьмую всего английского тоннажа». На основании очень почитаемого Н. А. Рожковым источника, Гранатовского словаря (т. 46, стр. 300), сообщаем ему, что германскими подводными лодками только за 1917 и 1918 г.г. было утоплено у англичан и их союзников 9.624.000 тонн. Весь же флот последних поставлял около 30 милл. тонн (в т. ч. Англия с колониями имела приблизительно 20 миллионов). Это дает не «одну восьмую», а, примерно, одну треть. Не даром главнокомандующий английским флотом, адм. Джеллико, признавал, что Англия никогда не бывала в большей опасности, чем в 1917 году.

Это неразборчивое пользование литературой оборончеcкого периода совершенно испортило автору чрезвычайно важную главу, об империалистской войне (стр. 221 и сл.). Основываясь на данных, почерпнутых из оборонческих брошюр, автор все время ведет читателя к мысли, что Германия должна была воевать, что она готовила «превентивную», предупредительную войну. А затем—так как новейшую литературу автор все-таки немножко знает—на стр. 225 оказывается, что летом 1914 г. «в Германии почти вполне были уверены в мирном разрешении конфликта, не были готовы к войне». Вот те и здравствуй! Готовились, готовились,—а в нужную минуту не были готовы. Это почище Николая II, который к короткой войне все-таки был готов, как следует, его подшибла только длительная кампания, которой не предвидел никто, кроме англичан. На самом деле, всякому теперь известно, что война летом 1914 г. была спровоцирована Антантой, именно потому, что последняя знала, что Германия еще не готова. Но если война была начата Антантой, надо было привести цифры и факты, освещающие причины таких действий Антанты,—а не выписывать, по оборончеcкому трафарету, почему должна была воевать Германия.

Это пользование устаревшими или тенденциозно подобранными данными у нашего автора не всегда, к сожалению, случайно, как в данной главе. Иногда тенденциозно подобранные цифры пускаются в ход сознательно, чтобы доказать ту или другую любимую мысль автора. Одной из таких любимых мыслей является та, что столыпинщина была реакцией, так сказать, на все сто процентов,—реакцией не только по отношению к рабочему движению, не только по отношению к «буржуазной

демократии», но вообще беспросветной реакцией во всех отношениях, утверждением господства «хищнического капитализма» (капитализм у Н. А. Рожкова делится на «грубохищнический», «полухищнический» и «культурный»—последний термин опытному читателю кое-что напоминает...). Но этому, как будто, противоречит бурный промышленный под'ем, наступивший с конца 1909 года. Нашего автора, однако, этим не смутишь. Он берет «для сравнения два десятилетия, с одной стороны, с 1891 по 1901 год, с другой—с 1905 по 1914» и получает, что нужно: «русская промышленность между первой революцией и войной развивалась несравненно медленнее, чем прежде» (стр. 160—161, разр. моя. *М. П.*).

Прием, нужно сказать, так наивен (кто его автор—сам Н. А. Рожков или цитируемый им проф. Ден, нам безразлично), что его можно ставить, как «задачу», на рабфаках. Конечно, если сравнивать годы под'ема и годы депрессии, то окажется, что в последние развитие шло «несравненно медленнее»: на то и депрессия. В первом периоде, 1891—1901 г. — почти сплошной под'ем, лишь последние два года суть годы, начинающие годы кризиса (1899 год по выплавке чугуна был рекордным для всего XIX столетия): тогда как во втором десятилетии пять первых лет являются годами депрессии (1905, 1906, 1907, 1908 и 1909). Сравнивать такие несравнимые вещи нельзя. А если взять то, что поддается сравнению, скажем, два шестилетия 1897—1902 и 1907—1912, где в обоих по три года кризиса и по три года под'ема, то мы получим, что в первое шестилетие выплавка чугуна, например, увеличилась на 39%, а во второе на 48%, т.-е. темп развития промышленности после революции был быстрее, чем до нее, а отнюдь не «несравненно медленнее».

Но вопрос о размерах промышленного под'ема после революции 1905—1907 г.г. подводит нас к более общему, и более интересному вопросу: чем была сама эта революция? Чистым ли разгромом, или, при всей своей формальной неудаче, по существу все же огромным «прыжком» вперед (Россия, по Н. А. Рожкову, всегда двигалась вперед «прыжками»—см. особ. стр. 372: автору настоящих строк не приходило в голову, что его теория—исключительно резкой революционности русского исторического процесса—может быть так удачно окарикатурена...) Н. А. Рожков, по всему судя, склоняется к первой версии: «русский капитализм и после революции 1905—07 годов остался некультурным, грубохищническим»... «Как всегда и везде, и в России после первого бурного момента буржуазно-демократической революции началась реакция» (стр. 152). «Со всем, что отличало русскую реакцию в экономическом и социальном отношениях, гармонировала политика правительства: в ней преобладало не новое творчество по пути создания основ культурного капитализма, а беспомощное топтание на месте, штопанье дыр, постановка заплат, преследование всего, что сколько-нибудь отражало потребности культурного капитализма» (стр. 191).

Нисколько не думая становиться апологетом правительства Столыпина—а тем паче Коковцова и Горемыкина: никто усерднее меня не доказывал, что самодержавие и после 1905 года осталось самодержавием—я не могу, однако, разделить иллюзий Н. А. Рожкова относительно «культурного капитализма». Я не могу забыть, что беспримерную в истории человечества

бойню 1914—1918 г.г.—ее Н. А. Рожков смело мог бы поставить шестнадцатым периодом в своей схеме — устроил именно «культурнейший капитализм Англии и Франции. При чем во время этой бойни не было той гнусности и жестокости, на которую не пошли бы «культурные капиталисты» [1]). Неудача революции состояла в том, что не осуществилась диктатура рабочих и крестьян, а не в том, что власть не перешла в руки «культурных капиталистов». Капиталисты вообще от революции, несомненно, выиграли—столыпинщина была крупным шагом им навстречу.

Между тем, для Н. А. Рожкова именно отпадение от революции «культурных капиталистов» и означало ее неудачу. Кульминационным пунктом движения для нашего автора является октябрьская забастовка,—и именно потому, что «забастовке сочувствовали все: даже предприниматели, фабриканты и заводчики нередко оказывали ей содействие» (стр. 72). Вследствие, повидимому, этой поддержки «фабрикантов и заводчиков» правительство было «бессильно»: как это «бессильное» правительство на другой день после своего поражения организовало 110 погромов, на этом вопросе автор не останавливается. Но с октябрьской забастовкой бессилие правительства и кончилось: «Широкая социальная база, на которой происходила революция, несомненно, исчезла. За революцию продолжали стоять только (!) пролетариат и буржуазная демократия (?) в городах и крестьянство в деревнях» (стр. 75). Продолжали стоять только 99% всего населения—не больше: даже, если не считать «буржуазную демократию», классовый смысл которой не ясен. Отпали «фабриканты и заводчики»—и «широкая социальная база, несомненно, исчезла».

Гони природу в дверь...

Само собою разумеется, что для автора, у которого на одной чашке весов сидят «фабриканты и заводчики», а на другой—«пролетариат и крестьянство», при чем первая чашка,—в отношении шансов революции,—перетягивает, для такого автора массовая борьба должна рисоваться иначе, нежели она рисуется нам, грешным большевикам. Мы считаем, что массовая вооруженная борьба—это высшее достижение революции, и потому думаем, что с октября по декабрь 1905 г. революция шла по восходящей, несмотря на отпадение «фабрикантов и заводчиков». Причину неуспеха мы видим в том, что массы были недостаточно проникнуты сознанием неизбежности вооруженной борьбы—эту неизбежность отчетливо понимали только передовые слои масс и особенно молодежь [2]). Рабочие старших возрастов, воспитанные в «страхе божием», туго брались за оружие,—а рабочие полукрестьяне московских текстильных фабрик и просто раз'ехались, в начале декабрьской забастовки 1905 г., по деревням. На прохоровской мануфактуре дралось ядро ее постоянных рабочих, а не пришлое крестьянство: кому-кому, а уж присяжному историку прохоровской мануфактуры это следовало бы знать. Но для Н. А. Рожкова пресненское восстание вообще является за-

[1]) Примером может служить провокаторское потопление «Лузитании»—она лишь механически была потоплена германской миной, а фактически английским адмиралтейством, которому нужна была гибель тысячи американских граждан от немецкой подводной лодки для «агитационных» целей.

[2]) Средний возраст тогдашнего московского совета рабочих депутатов был 22—23 года.

гадкой. Поколебавшись сначала и попытавшись об'яснить загадку влиянием... зубатовцев (я не шучу, прочтите сами на стр. 96), он, наконец, принимает твердое решение: «Во всяком случае, восстание на Пресне показало, что к повстанческим [(!) терминология-то какова] настроению и тактике наиболее способными оказываются именно отсталые рабочие, как только в них пробуждается политическое сознание. Это, конечно, понятно: им поистине нечего терять, кроме цепей».

Известно, голытьба: она отчаянная... Бедный Бакунин, наш теперешний юбиляр: мог ли он думать, что его теория «революции голытьбы» будет использована подобным образом?

Это, разумеется, не случайная обмолвка—не будем скрывать от себя неприятной истины. Это коренное расхождение мировоззрений. Оно провожает нас через всю книжку и становится, понятное дело, тем острее, чем ближе к нашим дням. Страницы, посвященные в книжке 1905 году, в общем и целом все-таки наиболее приемлемы. Глава об империализме, резко косящая на Гильфердинга, где почти не чувствуется Ленин, приемлема уже менее. Глава об империалистской войне неприемлема вовсе—и то же приходится сказать о заключительных страницах, посвященных советской России, несмотря на трогательнейшие усилия автора говорить «совсем по-большевистски». «Новая экономическая политика» для него, конечно, «представляет собою государственный капитализм с некоторой примесью капитализма частного» (стр. 317—стр. 394: «это означало переход к новой экономической политике—к государственному капитализму при сохранении отчасти и капитализма частного», ср. еще стр. 345). А военный коммунизм для него равносилен «раздроблению страны на экономически изолированные области» (стр. 393). Все это вполне гармонирует с надеждами на «распространение избирательных прав и на ту новую буржуазию, которая на деле, при развитии практики концессионного права, явится силой, содействующей социалистическому строительству», и достойно завершается тирадой: «Перед социализмом рисуется в виду всего этого великая общественно-психологическая и культурная задача конечного синтеза, согласования, вернее органического слияния моральных, этических начал и общественной солидарности с индивидуализмом» (стр. 395).

Что перед социализмом, раньше всех этих лучезарных перспектив, рисуется суровая задача—отбиться от буржуазных хищников и построить свое хозяйство, а для разрешения этой задачи необходима столь мало совместимая с «индивидуализмом» вещь, как диктатура пролетариата, об этом наш добрый автор предпочитает не вспоминать. Чего доброго, опять «широкую социальную базу» потеряешь...

Подведем итог. Какое же значение имеет разбираемая книга? Разумеется, каким-либо шагом вперед в области научного исследования она никоим образом не является. С этим, вероятно, по зрелом размышлении согласится и сам автор. Даже в тех своих частях, где автор пытается произвести что-то в роде научного анализа фактического материала (почерпнутого, к сожалению, большею частью не из первоисточников, а из вторых и даже третьих рук), этот анализ страдает недочетами, лишающими его почти всякой цены. Нельзя, например, пускаться в 1926 году в какие бы то ни было домыслы о происхождении гапоновской петиции, не учитывая единственной документальной работы по

этому вопросу А. Шилова («Красная Летопись», № 2/13 за 1925 г.). Нельзя, далее, трактовать крестьянское движение 1905—06 годов, не считаясь с работами С. М. Дубровского и особенно с изданным Дубровским и Б. Граве сборником материалов, впервые дающих документальную картину крестьянского движения на местах. В результате, приходится сказать, что маленькая заметка Дубровского об этом сюжете (в Б. Сов. Энциклопедии) дает читателю больше, чем довольно длинные рассуждения Н. А. Рожкова. Словом, теперь нельзя уже писать о революции 1905 г., не считаясь с «литературой предмета»: ибо такая литература ныне уже существует.

Что касается дальнейших глав, то они уже ни на какой исторический анализ и не претендуют. Это отчасти конспект, отчасти общие рассуждения, отчасти, наконец, нечто вроде воспоминаний. Последние—они относятся к эпохе Керенского, когда автор входил некоторое время в состав временного правительства—представляют большой самостоятельный интерес, хотя, нужно сказать, автор не был посвящен в «последние секреты» Керенского и К°, почему Н. А. Рожкову и кажется, например, что наступление 18 июня было чуть ли не личной авантюрой двух-трех членов временного правительства: тогда как на самом деле правительство Керенского именно и создано было с тою целью, чтобы организовать это наступление; воспоминания Бьюкенена и Палеолога, письмо Керенского к Ллойд-Джорджу не оставляют на этот счет никакого сомнения. О последних главах, посвященных характеристике советской России и знаменитым 15-ти периодам, мы говорили выше достаточно. К исторической науке и эти главы имеют весьма мало отношения.

Но, может быть, книга годится в качестве р у к о в о д с т в а? С оговорками можно было бы признать эту цену за первой частью, посвященной революции 1905—07 г.г. Тут особенно ценно, что автор отводит много места нашей п а р т и й н о й истории,—хотя делает это, к сожалению, довольно трафаретно, ограничиваясь историей с'ездов и конференций: но это общая беда. Тем не менее, иметь историю партии хотя бы под одной обложкой с остальными отделами новейшей русской истории все-же некоторый выигрыш. Но для того, чтобы и эта первая часть была приемлема, как руководство, автору необходимо не только освежить свою эрудицию, но и отказаться от некоторых застоявшихся точек зрения, относящихся к последнему перед Октябрьской революцией периоду его политической биографии.

Вторую часть, об империализме и империалистской войне, никоим образом нельзя принять, как руководство, в ее теперешнем виде: тут придется многое переделывать, кое-что написать заново. Третью же часть, о советском периоде, Н. А. Рожков, несомненно, сам всю перепишет заново, когда он к нам окончательно придет. Он двигается в этом направлении, это не подлежит никакому сомнению,—но каждый шаг вперед достается ему с большим трудом,—с большим трудом, чем это казалось многим до появления его книжки. Но его желание дойти до конца, мне кажется, не подлежит сомнению, и я не теряю надежды, что он еще даст нам работу, которая будет, действительно, настоящим «увенчанием» его тридцатилетнего труда.

П. Ионов.

Еще раз о напостовской путанице и „большевиках в приложении к культуре“.

(Ответ на два ответа).

> «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».
>
> Л е н и н.

4. Вардинский сапог или о вреде ноздревских приемов полемики.

Тов. Бухарин как-то раз в споре с напостовцами напоминал об обязанности каждого марксиста научиться ходить по острию бритвы. Подобное уменье, нужное всегда и везде, становится прямо-таки необходимым при разрешении таких больших и сложных вопросов, как вопрос о формах классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата. Нелеп рубящий с плеча колуном там, где требуется тонкий диалектический инструмент. Однако, вдвойне нелеп тот, кто хитроумно балансирует на гладком полу так, как если бы он двигался по натянутой проволоке. Авербах—и в своей брошюре и в своем ответе на нашу статью—повидимому, искренне воображает себя владеющим в совершенстве трудным бухаринским искусством. Вся беда, однако заключается в том, что острие, на котором самодовольно балансирует наш храбрый оппонент, на поверку оказывается горной и широкой дорожкой, в свое время протоптанной ленинградскими делегатами XIV парт-с'езда в сторону от марксизма и ленинизма.

«Нас обвиняют,—патетически восклицает Авербах,—в непонимании форм классовой борьбы на данной стадии пролетарской революции. Нас обвиняют в непонимании политики гражданского мира и ленинских реформистских методов. «Да здравствует разжигание классовой борьбы»,—так несколько раз формулирует нашу точку зрения П. Ионов. Он цитирует мою фразу: «У нас не ослабляется, а обостряется классовая борьба в области идеологии» и комментирует: «Вот уж поистине, как любили говорить некоторые товарищи ленинградцы—мимо Сидора—в стенку! Ведь вот именно это-то и плохо, тов. Авербах!» Плохо или хорошо—это другой вопрос, это вопрос, на который ответ может дать только анализ современной действительности. Нами дается к о н с т а т и р о в а н и е ф а к т а. Опровергните его, докажите, что положение иное! Никогда и нигде мы не предлагали н а р о ч и т о разжигать классовую борьбу—в частности по линии этого вопроса прошла линия нашего размежевания с группой Вардина-Лелевича».

Таким образом, у Авербаха получается, что он в своей брошюре просто констатировал факт обострения классовой борьбы, а Ионов, приписав Авербаху несуществующее желание разжигать классовую борьбу, по-мещански похныкал над этим фактом—ах, как, мол, это нехорошо!

Для того, чтобы убедиться, о чем в действительности писал Авербах, мы предлагаем читателю просмотреть 11 и 12 стран. его брошюры. «Излишне говорить,—читаем мы там,—каково объективно политическое значение всех этих прилагательных—мертвый, постный, нежизненный (речь идет об «эпитетах», высказанных тов. Слепковым по адресу напостовских «аксиом». *П. И.*). когда у нас не ослабляется, а обостряется классовая борьба в области идеологии». Каждый грамотный человек поймет эту неграмотную фразу только лишь в одном смысле—напостовские аксиомы называют мертвыми и нежизненными, но это неверно, так как мы, напостовцы, требуем обострения классовой борьбы! Вот почему, когда мы указывали Авербаху, что это плохо, то наша оценка относилась не к факту обострения классовой борьбы, («в отдельные периоды при диктатуре пролетариата классовая борьба достигает наивысшего обострения» [1]),—писали мы в нашей статье, имея в виду как раз современную эпоху), а к напостовскому требованию разжигать классовую борьбу. «Ведь вот именно это-то и плохо, тов. Авербах!» Авербах ставит здесь точку и поднимает шум, не погрудившись процитировать две строчки дальше. А дальше у нас написано: «Ведь вот именно за это-то требование разжигать классовую борьбу ваши формулы и были ославлены, как мертвые абстракции». И вот теперь в своем ответе Авербах представляет наш спор таким образом, что будто бы он, Авербах, указал на факт обострения, а Ионов поскулил над фактом!

Нам остается только поздравить Авербаха с тем, что он не носит ноздревских бакенбард, и что к его счастью на Руси давно вывелись штаб-ротмистры Поцелуевы!

Однако, если мы даже сложим оружие перед подобными полемическими фокусами и уступим вышеприведенное место нашему оппоненту, как спорное, то ведь остаются еще другие авербаховские высказывания, приводимые нами в нашей статье, но, к сожалению, стыдливо обойденные Авербахом в его ответе. Да, впрочем, что здесь говорить об Авербахе! Ведь существует еще так наз. «вардиновские тезисы», услужливо приложенные Авербахом к своей брошюре и представляющие из себя резолюцию 1-й Всесоюзной конференции пролетписателей, т.-е., другими словами, по признанию самого же Авербаха, чрезвычайно «ответственный напостовский документ». Вся брошюра Авербаха, в сущности говоря, является расширенным комментарием к этому «ответственному документу». Авербах никогда нигде ни одним звуком не оговаривал своего несогласия с вардиновскими тезисами [2]), ибо это было бы равносильно отречению от своей собственной бро-

---

[1]) «Большевик» № 4, стр. 41.

[2]) В своем ответе Авербах, правда, указывает на свое несогласие с тезисами в том пункте, где дается характеристика попутчиков. «Именно в этом пункте,—заявляет Авербах,—моя брошюра разительно отличается от вардиновских тезисов». Различие впрочем и в этом пункте настолько «разительное», что мы его даже и не заметили! См. по этому поводу чрезвычайно поучительные размышления Лелевича.

шюры, которая, по авторитетному свидетельству коварного Лелевича, была в рукописи «прочтена и вполне одобрена Вардиным и Лелевичем, повинными, если верить нынешнему Авербаху во всех смертных грехах», и в которой, согласно горделивому уверению Авербаха, ему «абсолютно нечего менять».

И вот в этих самых знаменитых вардиновских тезисах объявляются, во-первых, реакционной утопией всякие разговоры о возможности «мирного соревнования разных литературных идеологических направлений», и, во-вторых, во имя большевистской нетерпимости и непримиримости, формулируется категорическое требование — произвести в идеологии такую же революцию, как и в области экономической и политической на предмет «поглощения всех видов и оттенков буржуазной и мелко-буржуазной литературы».

«Да,—пишет Авербах,—те ультра-левые теории, которые развивались Вардиным после отхода Вардина от всей основной массы напостовцев—они были порождены политическими теориями оппозиции». Но вот с этими вардиновскими высказываниями, зафиксированными в ВАПП'овской резолюции,—согласны вы с ними, тов. Авербах, или нет? Если не согласны, то заявите об этом прямо и открыто, назвав свою брошюру ошибкой и на деле разорвав с вардиновскими благоглупостями. Если же согласны,—тогда ваша размежовка с литературной вардиновщиной—сплошное недоразумение, которое никого не обманет, за исключением разве вас самих.

Я думала лебедь плывет,
А это милого сапог.

Неужели вы не видите, тов. Авербах, что сапог оказался самый настоящий вардиновский, и даже без фигового листа?!

5. О советских Митрофанушках.

После подобных полемических ухищрений, Авербах на всякий случай меняет фронт и пытается перейти от обороны к нападению. «Мы бы очень хотели посмотреть, как это можно разжигать классовую борьбу в области идеологии, не разжигая ее в экономике и политике—и наоборот,—тем более, что понятие «идеология» включает в себя не только науку и искусство и прочие безобидные штуки, но и политическую идеологию».

Приведя эту выдержку из нашей статьи и выбив барабанную дробь, Авербах мужественно бросается в контр-атаку.

«Эта цитата дает существо вопроса. Перед нами стопроцентная меньшевистская логика, на которую так яростно обрушивался Ленин. Такая постановка вопроса представляет собой лейтмотив всех рассуждений «Социал. Вестника» за годы после нэпа. У вас свобода торговли, у вас сотрудничество в области экономической—сделайте политические выводы отсюда». Вспомнив далее Мартова, XI партс'езд, «путаницу» Варейкиса, и напугав самого себя пушками и пулеметами, Авербах «наворачивает» кучи самых страшных слов, с заметным удовольствием расписывая «крупнейшую политическую ошибку» Ионова. «Нужно сказать прямо: эта «путаница» (путаница Варейкиса. *П. И.*). Ионовым

формулирована не как путаница, а как крупнейшая политическая ошибка. Мы хотим ставить вопрос по-большевистски, памятуя, что говорил Ленин о пулеметах на XI с'езде. Припомните, тов. Ионов!» С авербаховским исступленным визгом сливается в едином дуэте и мрачное гявканье Лелевича, дружно поддерживающего своего экс-друга во всех наступательных операциях. «Ионов из факта условного экономического сотрудничества с буржуазией делает вывод о необходимости идеологического сотрудничества с ней». «Совершенно верно—воинствующий эклектизм в лице П. Ионова обнажил свою капитулянтскую сущность».

Контр-атака закончена. Неустрашимые бойцы лихо гарцуют на чернильных перьях, обтирая с чела градом катящийся пот. Воспользовавшись минутной передышкой, посмотрим, однако, что на деле «обнажили» наши храбрые рыцари, столь трогательно об'единившиеся на почве общей борьбы с ионовским «капитулянтством». Прежде всего, во избежание дальнейшего демагогического шума заявляем прямо, что данную нами формулировку о разжигании мы считаем не совсем удачной. Однако, сражаясь с «крупнейшей политической ошибкой» Ионова, Авербах вслед за Лелевичем протаскивает старую, абсолютно неправильную вардиновскую мысль.

Возьмем следующее положение Авербаха: «Непримиримая классовая борьба—это единственное, что имманентно присуще взаимоотношениям пролетариата с буржуазной идеологией». И Лелевич и Авербах считают это положение абсолютно бесспорным, называя наши возражения против него «чудовищными».

В самом деле, разве мыслимо, чтобы пролетариат «сотрудничал» и «соглашательствовал» ну, хотя бы, со сменоховской идеологией? Вопрос более, чем ясен, и Ионов, возражая против напостовского положения, ратует тем самым за идеологическое сотрудничество с господами Устряловыми и Лежневыми, скатываясь в меньшевистское болото.

Все дело, однако, заключается в том, какое содержание вкладывают наши прыткие «мыслители» в понятие буржуазной идеологии. Как мы уже видели, для Авербаха и Лелевича термин—«буржуазная идеология» покрывает собой не только сменовехизм, поповщину и проч., но и те «элементы» буржуазной мысли, которые войдут в «контекст» социалистического сознания. Но если это так, то «бесспорное положение Авербаха—Вардина—Лелевича «обнажает» лишь идеологическое «озорство» советских Митрофанушек, предпочитающих серьезной работе и учебе перманентное ковыряние в своем идеологическом носу.

Само собой разумеется, не может быть ни малейшего сомнения в том, что еще в течение очень долгого времени в связи с относительным ростом и консолидацией нэпмановских и кулацких элементов, напирающих на советскую власть по линии экономической, политической и идеологической, пролетариату придется вести самую ожесточенную классовую борьбу с буржуазией, не на живот, а на смерть,—переходя в наступление по всем фронтовым участкам.

Не даром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот—у пера.

И в этой борьбе, как мы это и подчеркивали в нашей статье, пушка временами будет снова выдвигаться на первый план и занимать подобающее ей место.

Но разве, во-первых, факт обостренной классовой борьбы и партийное руководство борьбой равносильны намеренному разжиганию классовой борьбы со стороны пролетариата?

Что означает лозунг разжигания классовой борьбы? «Разжигание борьбы означает не только организацию и руководство борьбой. Оно означает вместе с тем искусственное взвинчивание и намеренное раздувание классовой борьбы» [1]).

«Либо разжигание классовой борьбы,—рассуждают Авербах и Лелевич,—либо налаживание политического и идеологического сотрудничества с буржуазией». Ионов против разжигания, следовательно, за предоставление политических прав нэпманам, меньшевикам и эсерам. И нашим великолепным Авербахам никак невдомек, что лишение новой буржуазии политических прав, пулеметы, ГПУ, цензура, вся наша карательная политика вообще, означая факт ожесточенной классовой борьбы, преследует лишь одну задачу—не допустить разжигание классовой борьбы п р о т и в рабочей власти со стороны внешней и внутренней эмиграции. Ибо советская власть карает не за отказ разжигать классовую борьбу, а за попытку ее разжигать. Это, во-первых. А, во-вторых, ожесточенная классовая борьба, в том числе и по линии идеологической, вопреки Авербаху и Лелевичу, далеко не покрывает наших взаимоотношений с буржуазной идеологией. Борясь и т о л ь к о борясь со сменовехизмом, мы не только боремся, но и сотрудничаем на таких, например, участках идеологического фронта, как фронт буржуазной науки. Возьмем хотя бы наши взаимоотношения с такими столпами буржуазной научной мысли, как академики Павлов и Бехтерев. Борясь с «энергетическим» идеализмом Бехтерева и физиологическими иллюзиями Павлова, чающего на путях исследования слюнного рефлекса разрешить проблему «истинного, полного и прочного человеческого счастья» [2])—разоблачая и критикуя их непоследовательность и эклектизм, вообще, мы ни на минуту не можем забыть о том, что на ряду с этим нам нужно учиться у них, сотрудничать с ними, унаследовать их колоссальный научный опыт.

То же самое нужно сказать и относительно буржуазной литературы. К великому несчастью Авербаха, художественная форма (тоже ведь идеология, тов. Авербах! Ни к технике, ни к экономике ее никак не причислишь!) никогда не существовала и не будет существовать вне и независимо от содержания, а последнее в классовом обществе всегда выражает мысли определенного класса. Другими словами, борясь с Пильняком, Авербах обязан учиться у Пильняка в области художественной формы и стиля [3]).

Шумом и криками о сменовеховской опасности Авербахи и Лелевичи сознательно или бессознательно смазывают задачи учебы и усвоения «элементов» буржуазной идеологии, покрывая ком-

---

[1]) С т а л и н, «Вопросы ленинизма», стр. 298.

[2]) Акад. П а в л о в, «20-летний опыт», 23 г. стр. 10.

[3]) Это, конечно, не значит, что художественная форма является «надклассовой» категорией. Все дело в том, что «распознавая безошибочно общественно-классовое содержание литературных течений партия в целом отнюдь не может связать себя приверженностью к какому-либо направлению в о б л а с т и л и т е р а т у р н о й ф о р м ы».

чванство и надутую самоуверенность невежд. Для того, чтобы раз'яснить напостовским «теоретикам», к каким практическим результатам может привести их лозунг разжигания классовой борьбы на культурном фронте, мы приведем следующий популярный пример.

— Я нарочно иду нечесанным,
С головой, как керосиновая лампа на плечах.

Человек весь обовшивел и вдобавок еще хвастает тем, что у него не волосы, а пакля. Хорошо это или плохо, тов. Авербах? Конечно, плохо! Нужно этого человека, предположим, комсомольца, учить ходить в баню, причесываться и обращаться с носовым платком? Конечно, нужно! Что же это будет—борьба с буржуазной культурой? Нет, это будет борьба за буржуазную культуру на данном участке культурного фронта. И эта борьба за буржуазную культуру будет своеобразной формой классовой борьбы. И вот предположим теперь, что на этом самом основании Авербах выбрасывает лозунг обострения классовой борьбы. К чему это приведет? К «обострению» усвоения элементов буржуазной культуры? Но ведь это же сумасшедшие пустяки! Об'ективно ваш призыв может означать лишь одно—ломайте гребешки, громите бани, осуществляйте вшивую интервенцию!

— «Tu l'as voulu, Georges Dandin?»
Если же не хотел—то тем хуже для тебя!

6. О Сорочинской ярмарке, антирелигиозной пропаганде и «морской тигре».

Мы уже видели, что вопреки сегодняшним попыткам стыдливо замести следы, Авербах, следуя постановлениям Всесоюзной конференции пролетписателей («вардиновские тезисы») выдвигал в своей брошюре лозунг разжигания классовой борьбы «с другими идеологическими течениями по отношению к пролетариату» (формулировка Авербаха) в целях поглощения всех непролетарских идеологий—«всех видов и оттенков буржуазной и мелко-буржуазной литературы» (формулировка Вардина). Мы еще раз категорически заявляем, что все эти вардиновские теории как в их авторском (ясном и отчетливом, свойственном опытному журналисту), так и авербаховском (путанном и сбивчивом) изложении, лежат в стороне от большой дороги ленинизма, являясь, по сути дела, не чем иным, как меньшевизмом на изнанку. Ибо, если понятие борьбы далеко не покрывает взаимоотношений пролетариата с буржуазной идеологией, то лозунг разжигания классовой борьбы, будучи перенесен в область идеологических взаимоотношений пролетариата и крестьянства, знаменует собой полный разрыв с одним из коренных пунктов ленинской теории. Авербах, правда, чрезвычайно возмущается нашим указанием на напостовское непонимание задач партии по отношению к крестьянскому писателю.

«При желании он (Ионов. *П. И.*) мог бы подобрать из нее (брошюры—*П. И.*) не одну цитату, дающую выразительный ответ на его обвинения». В том, что в брошюре Авербаха можно найти самые разнообразные высказывания, мы в этом никогда не сомневались и не сомневаемся.

«Що боже, ты мій господе! Чого нема на тій ярмарці—колеса, скло, деготь, тютюн, ремінь, цыбуля, крамарі всякі!..».

Но ведь дело вовсе не в том, что в авербаховской брошюре на ряду с цыбулей имеется деготь и скло—дело в том, куда течет напостовское направление, какие выводы следуют из напостовских положений. А эти выводы могут быть только одни: Авербах собирается скушать не только буржуазного, но и крестьянского писателя, проводя вместо политики постепенной и тактической переработки, политику разжигания классовой борьбы на предмет немедленного поглощения крестьянской идеологии.

Самое лучшее, что мог бы вообще пожелать Авербах нашей литературе—это полное и немедленное исчезновение всех непролетарских писателей и безраздельное господство напостовцев, пишущих о заводских котлах и трубах. Авербах не понимает, и не хочет понять, что глубочайший смысл реформистских методов социалистического строительства в том и заключается, чтобы не только в экономике, но и в идеологии постепенно переработать мужика, ухватившись за родное, понятное и близкое ему.

Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

Однако, вопреки поэту, эта возможность петь новые песни на бабушкин и дедушкин лад, правда, лишь при условии сознания нового «лада» «питомцами», сплошь да рядом является единственным путем усвоения новой песни старой замшелой жизнью, завязшей в прошлом на прадедовских полатях.

Плохо же понятная большевистская «нетерпимость» и «непримиримость» и вытекающее отсюда неумеренное стремление внедрить в современную деревню пролетарскую идеологию сплошь да рядом ведет за собой чрезвычайно печальные последствия, совершенно неожиданные для неумеренного «идеолога». «Наша задача,—писал В. И. Ленин,—сделать из городского рабочего проводника коммунистических идей в среду сельского пролетариата. Я сказал «коммунистических» и спешу оговориться, боясь вызвать недоразумения или быть слишком прямолинейно понятым. Никоим образом нельзя понимать это так, будто мы должны нести сразу чисто и узко коммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма» [1]).

С этими словами Владимира Ильича любопытно сравнить циркулярное письмо ЦК, за подписью тов. Коссиора, помещенное в «Правде» от 18 апреля 1926 г.

«В связи с совпадением первомайского праздника с кануном пасхи,—читаем мы там,—ЦК ВКП(б) предлагает обеспечить первомайским демонстрациям выдержанный политический характер, не заостряя антирелигиозных моментов. Должны быть приняты все меры к тому, чтобы совершенно избежать (что особенно важно в деревне) антирелигиозных эксцессов и всякого рода выступлений, способных обострить религиозный фанатизм верующих слоев населения».

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 108.

Таким образом, с точки зрения Авербаха, в силу нашей большевистской непримиримости, мы должны беспощадно «заострять» борьбу не только с буржуазной, но и мелко-буржуазной идеологией. А письмо ЦК даже по отношению к такой махровой идеологии, как религия, требует осторожного и умелого подхода, дабы не заострить борьбу и не подогреть религиозный фанатизм.

И вот представим теперь себе, что Авербах и Лелевич, к величайшему несчастью партии, попадают по мобилизации в деревенскую ячейку и, горя нетерпением немедленно же реализовать свою идеологическую непримиримость, начинают разжигать классовую борьбу с мелко-буржуазной идеологией, обмазывая дегтем поповские ворота и понося по Демьяну на всех перекрестках «гулящую девку» Марию. Какие бы последствия повлекли за собой столь воинственные и непримиримые действия наших друзей? Не может быть ни малейшего сомнения в том, что авербаховская «антирелигиозная пропаганда» поставила бы на дыбы всю округу—от кликушествующих старух до «центральной фигуры» нашей деревни—середняка—включительно. А этот религиозный фанатизм, разожженный пылкой агитацией ретивого Авербаха, был бы в свою очередь немедленно использован враждебными советской власти группировками п р о т и в советской власти, в целях посильного разрушения рабоче-крестьянской смычки. Другими словами, такое «обострение» классовой борьбы на фронте крестьянской идеологии, немедленно бы отразилось, на радость наших врагов, в экономической и политической областях.

Но в таком случае, воскликнет читатель, в чем же меньшевизм Ионова? Ведь меньшевиками оказываются как раз именно его противники?! Увы! Повидимому, ответ на этот вопрос читателю вслед за Гамсуном и Бухариным придется искать «у ветра в поле»...

У Ионова, продолжает цицеронствовать Авербах, «иное чем у нас (иное, иное, тов. Авербах! И мы этому очень рады!) понимание гражданского мира. С нашей точки зрения гражданский мир есть не что иное, как одна из форм классовой борьбы пролетариата. У Ионова же строительный период, очевидно, (?!) исключает классовую борьбу. И это вовсе не комично». Да, да, тов. Авербах! Это вовсе не комично, а трагично, а то, пожалуй, и хуже! Но только зачем догадываться (очевидно!) исключает или не исключает Ионов классовую борьбу, когда в нашей статье мы именно и доказывали в о п р е к и Авербаху, что гражданский мир и классовое сотрудничество есть особая форма классовой борьбы, и что как раз авербаховское понимание классовой борьбы исключает всякое классовое сотрудничество! И доказывали это не словом «очевидно», а документально—ссылками на авербаховскую брошюру. «Культурная революция,—читаем мы в брошюре Авербаха,—есть обострение классовой борьбы в области идеологии. Это не есть сотрудничество, содружество с другими идеологическими течениями по отношению к пролетариату, а это есть в первую голову классовая борьба... Можно ли в таком случае говорить о внеклассовом (?) сотрудничестве в области идеологии...?»

Злополучное авербаховское высказывание мы комментировали следующим образом: «Либо классовая борьба, либо внеклассовое сотрудничество,—рассуждает Авербах,—но так как в классовом обществе не может быть никакого внеклассового сотрудничества, то остается лишь классовая борьба. Но ведь речь идет не о внеклассовом сотрудничестве, а о классовом сотрудничестве,—сотрудничестве классов, в первую очередь пролетариата и крестьянства! При этом классовая борьба не исчезает—она ведется, но ведется на основе сотрудничества и в форме сотрудничества».

Итак, Ионов, доказавший, что классовая борьба в авербаховском понимании исключает всякое мирное сотрудничество, не понимает, что гражданский мир есть форма классовой борьбы, а Авербах, исключивший из классовой борьбы какой бы то ни было гражданский мир, доказал, что мирное сотрудничество есть классовая борьба в особой форме!

Словом:

Копна на попе,
Колпак на копне,
Поп под копной,
Копна под колпаком.

А сверху надпись—Авербах полемизирует...

Потерпев столь жестокое крушение по всем пунктам своей антикритики, Авербах пускается в заключение в самую дешевую демагогию. Приведя цитату из нашей статьи относительно того, что в эпоху диктатуры пролетариата единство мирных и насильственных методов классовой борьбы дано в форме мирного руководства, соревнования и сотрудничества, Авербах заключает: «Ионов должен мещански прятать ужасное насилие: диалектическое единство у него заключается в том, что мирные методы до конца и без остатка с'едают насильственные. Вопрос более чем ясен». Совершенно верно, тов. Авербах, вопрос более чем ясен! Ионов тянет к «обязательной мирности», а вот этот ужасный герой Авербах стреляет из пушки по Пильнякам и готов зарезать родного папашу.

. . . . его глаза
Сияют. Взор ужасен.
Движения быстры. Он прекрасен.
Он весь как божия гроза.

Не человек, а прямо «тигра морская»!

Однако, ужасный герой, Авербах, читал нашу статью. А в этой статье сказано, что «в условиях своей диктатуры пролетариат... не отказывается и от насильственных методов. Он их применяет и будет применять...» [1]).

«В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала, или может отпасть в период строительства».

«Мы еще раз оставим тов. Ионова наедине с собой,—скачет и пляшет Авербах, приводя эту выдержку из книги тов. И. Сталина,—авось он попытается найти единство в своих взглядах и в взглядах тов. И. Сталина».

Увы, тов. Авербах! С большим бы удовольствием последовали вашему совету остаться наедине с самим собой—к сожалению, нам еще придется продолжать приятный разговор с таким приятным собеседником, как вы.

У каждого — свой крест...

---

[1]) «Большевик» № 4, стр. 41.

7. О людоедах.

Ничего нам не ответил Авербах и по вопросу о литературной политике, предпочтя, самым явным образом, смазав суть спора, увильнуть от наших возражений. Приведя то место из нашей статьи, где мы говорили о необходимости дифференцировать попутчиков и держать курс на гегемонию пролетарской литературы, Авербах радостно осведомляет читателя, что как раз именно эти положения и защищались всегда напостовцами и что «недобросовестный» Ионов просто-на-просто «прячет историю». «Ионов излишне предлагает нам становиться на общепартийную позицию», ибо напостовцы, видите ли, всегда стояли на точке зрения руководства.

Особое возмущение вызывает у Авербаха наше указание на шулятиковское извращение марксизма напостовцами.

«Раскритиковав впух и прах досужего публициста из «Руля», утверждавшего внепартийность и внеполитичность литературы, Авербах приходит к заключению, что «политика является первенствующей над искусством, в частности,—над литературой». О т с ю д а для нашего автора с железной необходимостью следует, что при наличии партийной литературной политики мы создадим идеологически-четкую и выдержанную пролетарскую литературу. Т а к и м о б р а з о м, вопрос у Авербаха ставится так, что как-будто бы в обществе ничего, кроме политики и литературы, не существует, и что во-вторых, связь между ними аналогична, к примеру, связи между творчеством канцелярии и приказной деятельностью управделами пыльбухтреста. Само собой разумеется, если согласиться с о б о и м и п р е д п о с ы л к а м и А в е р б а х а, то...».

Подчеркнув в этой выдержке из нашей статьи слова «отсюда» и «таким образом» и согласившись, что все наши дальнейшие рассуждения о связи искусства с экономикой и политикой являются поистине «азбучными», Авербах начинает горько сокрушаться, желая узнать, откуда же следуют наши загадочные—отсюда и таким образом,—когда отсюда ничего не следует. В подобный же транс впадает Авербах и по поводу нашего утверждения, что напостовцы, по-шулятиковски об'ясняя исторический процесс, претендуют на руководство историческим процессом и что вручение им этого руководства равносильно разгрому всей советской литературы. «Ведь подумаешь,—иронизирует Авербах,—нормально ли люди эти напостовцы? Желают руководить—небольшая группа ведь—историческим процессом?» Словом—я не я, лошадь не моя, отсюда ничего не следует, руководить никто ничем не собирался.

— Все было лишь ложь и обман.

А по сути дела? А по сути, дела ни на одно из наших обвинений Авербах даже и не попытался ответить! «В вопросе о формах партийного руководства,—мимоходом бросает Авербах,—у напостовцев не было ошибок». Но ведь как раз именно это и нужно было д о к а з а т ь Авербаху, ибо наш спор с Авербахом шел не по линии—нейтралитет, или руководство?—а по вопросу о ф о р м а х партийного руководства, и мы именно в этом вопросе предлагали напостовцам становиться на общепартийные позиции, а вовсе не в вопросе о необходимости руководства литературой вообще, как это невинно «раз'ясняет» Авербах в своем ответе.

Но на чем основано напостовское понимание форм партийного руководства—знаменитое «разжигание», «такая же революция», «поглощение» и проч.?

«Нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает» [1]).

Вот эти-то теоретические корни напостовской путаницы мы и нашли в вульгарном, шулятиковском применении марксизма, а именно: в непонимании всей сложности процесса обрастания «экономической струны» живой идеологической «одеждой». Это и только это мы и имели в виду, утверждая, что «вопрос у Авербаха ставится так, как-будто бы в обществе ничего, кроме политики и литературы, не существует», и что шулятиковская практика была бы гибельна для нашего искусства.

Что же касается того, что «небольшая группа», то ничего, не робейте, тов. Авербах! Иной раз и «небольшая группа» так «густо» наруководит, что потом вся партия в целом с трудом расхлебает кашу!

Правильность наших обвинений в шулятиковщине, лишний раз подтверждают авербаховские размышления об анархической конкуренции.

«Одно дело—соревнование в области формы,—поучает нас Авербах.—В ВАПП, к примеру, в организацию довольно крепко сколоченную, входят формально (?!) самые различные товарищи (стиль-то, стиль-то—обратите внимание! Формально различные товарищи?!). Другое дело—к л а с с о в ы е писательские группировки. Здесь не должно быть методов анархической конкуренции ни в каком случае, а должна быть твердая установка на классовую пролетлитературу». В нашей статье мы писали, что Авербах, под флагом борьбы с лозунгом анархической конкуренции, ограничивает область свободного соревнования ареной ВАПП, исключая всякие иные писательские группировки. Наш вывод Авербах еще раз подтверждает своим ответом.

«Формально различные товарищи» «соревнуют» в рамках ВАПП'овской организации, а по отношению, к остальным, не входящим в ВАПП, должна быть применена «твердая установка на классовую пролетлитературу». А что значит эта «твердая установка»—мы уже знаем. Возьмем, к примеру, Всероссийский союз крестьянских писателей. Это что—классовая писательская группировка или нет? Если да, то что же Авербах прикажет сделать с крестьянскими писателями? Совершить «т а к у ю ж е» революцию и «поглотить»?.. Мы слышим, как Авербах с негодованием кричит, что он сам же в своем ответе писал о необходимости союза с крестьянскими писателями и что Ионов произвольно «превращает» Авербаха «в заведомого олуха» (оговариваемся, «терминология» Авербаха), навязывая своему противнику свои собственные измышления.

Однако,—еще раз, т. Авербах,—дело не только в том, что вы говорите, но и в том, что логически следует из ваших рассуждений.

Впрочем, мы можем уступить Авербаху крестьянских писателей. Но тогда встает вопрос об «Орешиных и Наседкиных», о Бабеле, Леонове, Толстом и многих, многих других. Кре-

[1]) Л е н и н. Том XVIII, ч. 1, стр. 57.

стьянскими писателями они не являются. К пролетарским отнести их тоже трудновато. Спрашивается, что же с ними делать? Учиться у них, «соревновать» с ними? Или же отдать на с'едение кроткому Авербаху?

Мы заранее видим, как «кроткий» Авербах пускает слюну по закону условного рефлекса и производит глотательные движения по закону сочетательного.

Бедный капитан Кук!

8. Вольная интерпретация Кузьмы Пруткова или об опасности идеологического «озорства».

В нашей статье о пролетарской культуре мы доказывали два основных положения: во-первых, несовместимость напостовских позиций с резолюцией ЦК о политике партии в области художественной литературы, и, во-вторых, тождественность и общий источник напостовских теорий с основным идейным инвентарем новой оппозиции.

Обе эти мысли не получили опровержения ни в статье Авербаха, ни в статье Лелевича, несмотря на самое пылкое желание оппонентов подвергнуть нашу статью критическому ауто-да-фе. Больше того, весь «трагикомизм» положения обоих бывших друзей (а не только одного Авербаха, как это воображает Лелевич) заключается именно в том, что они, опровергая нас, опровергли друг друга, по очереди выдав себя с головой своему общему противнику.

«Хотя, может быть,—писали мы,—большинство т.т. напостовцев и не отдает себе в том отчета, но напостовство в основном об'ективно примыкает к той же сумме идей и порождено теми же настроениями, которые легли и в основу политической платформы сформировавшейся перед XIV партс'ездом новой оппозиции. Другими словами, напостовство есть не что иное, как отражение методов новой оппозиции в условиях работы на фронте искусства».

Авербах и Лелевич яростно обрушились на это положение, в один голос обвинив нас в «грубости» и «топорности», проявленной якобы нами при увязке их идеологии с общепартийными политическими течениями, заявляя, что «тут связь значительно сложнее и тоньше».

«Как нельзя делать оппозицию ответственной за напостовство,—уверяет Лелевич читателя,—так невозможно обвинить в оппозиционности последовательное напостовство».

Однако, если для Лелевича указание на индифферентность напостовства по отношению к основным политическим течениям нужно в качестве приманки—на предмет уловления оглавших напостовских душ, то для Авербаха проблема напостовской политической невинности совпадает с проблемой личного оправдания и «очищения». С таким же неумеренным усердием цитируя т. Сталина, с каким совсем недавно цитировал т. Зиновьева, а еще раньше т. Троцкого, и смиренно покаявшись в своей маленькой (ну совсем, совсем, малюсенькой!) тактической ошибке (не учел необходимости перенести удар налево!), Авербах всеми силами отгораживает себя от Вардина и Лелевича, благородно негодуя на нашу злокозненную «попытку» превратить его (Авербаха) брошюру в оппозиционный документ.

«Лучшим доказательством того,—старательно тред'ячит Авербах,—что мы являемся лишь большевиками в приложении (?!) и к вопросам культуры (?!)—не чем другим!—является тот факт, что когда в нашей среде наметился «левый» отход от большевизма, мы разорвали с ним еще до того, как обнаружились политические корни наших разногласий».

Словом, разве мыслимо

> «Стрекочущу кузнецу,
> В зленем блате сущу,
> Ядовиту червецу,
> По злакам ползущу»,

покрыть одним и тем же оппозиционным картузом, когда между Авербахом («стрекочущу кузнецу») и «ядовитым червецом»—Вардиным—разверзается целое Дарьяльское ущелье, как в области политических, так и в области литературных взглядов?!

Отгородившись на словах от Вардина и Лелевича, Авербах, к великому негодованию Лелевича, сваливает на своих бывших друзей добрую половину наших обвинений, оказавшись тем самым «коллегой Ионова и в области спекуляции на партдискуссии».

«Да, те ультра-левые теории, которые развивались Вардиным, после отхода Вардина от всей основной массы напостовцев,—пишет Авербах,—они были порождены политическими теориями новой оппозиции. Как только началась последняя партийная дискуссия, мы немедленно, до партс'езда, связали литературные и политические ошибки Вардина».

Мы с удовольствием обоими руками подписываемся под этим утверждением Авербаха. Но вся беда нашего неудачного критика в том, что по клятвенным уверениям Лелевича «ультра-левые» литературные «ошибки» Вардина—Лелевича—Родова идентичны по существу с литературными теориями Авербаха, ибо Вардин и Лелевич исповедуют целиком и полностью всего лишь... Авербаховскую брошюру! Всю свою статью Лелевич, в сущности говоря, и посвятил иллюстрации этой мысли, неопровержимо доказав, что Авербах «барахтается в бесчисленных и непреодолимых противоречиях», ибо будучи целиком прав в своих обвинениях против Ионова, Авербах на ряду с этим выступает против «основной напостовской группы», развивающей всего-на-всего «вчерашние мысли» Авербаха!

Нет, тов. Авербах, если вам действительно «абсолютно нечего менять в своей книжке,—немедленно прекратите всякую борьбу с напостовским меньшинством ВАПП, ибо тогда нам не о чем спорить. Если же вы продолжаете борьбу, будьте последовательны и откажитесь от своей брошюры, полностью присоединившись к взглядам Ионова».

Таким образом, Лелевич неопровержимо доказал, что «литературный» Авербах в лучшем случае—непоследовательный «литературный» Лелевич, а Авербах блестяще обнаружил логическую связь «литературного» Лелевича с Лелевичем-оппозиционером!

В результате—нам остается лишь выразить нашим друзьям свою почтительную благодарность за то, что своими блестящими спекуляциями они любезно освободили нас от скучной и неинтересной обязанности вторично доказывать уже раз доказанную теорему!

Что же касается лично т. Авербаха, то мы должны публично покаяться в одной допущенной нами ошибке, а именно: мы действительно приняли брошюру нашего «большевика в приложении к культуре» за сознательно-оппозиционный документ.

Сравнивая дважды подчеркнутую Авербахом мысль о том, что «борьба с опасностью перерождения, вопрос о перерождении... политический фон, на котором следует рассматривать полемику напостовцев с их противниками» [1])—сравнивая эту мысль с общей «системой» напостовских взглядов, мы не сомневались в том, что перед нами напостовец, подобно Вардину и Лелевичу, увязавший свою «панику перед кулаком» с «паникой» перед «литкулом». Каемся—ошиблись. Что ж поделаешь—и на старуху бывает проруха!

Но что, однако, доказывает наша ошибка? Она доказывает лишь то, что Авербах принадлежит к тому подавляющему большинству напостовцев, которые не понимают и не замечают реального социально-политического эквивалента своих литературных теорий. «Этикетка системы,—писал Маркс,—отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца» [2]). Вот почему, если напостовец искренно воображает, что его подмоченный и недоброкачественный товар и есть «стопроцентный» большевизм, то это лишь значит, что и в данном случае «этикетка системы» обманула (увы!) своего «критически мыслящего» хозяина.

И только. Другими словами, наш уважаемый оппонент оказался просто теоретически и политически безграмотным «большевиком в приложении к культуре».

Авербах очень любит цитировать Кузьму Пруткова.

Чтобы не остаться в долгу у Авербаха, мы в свою очередь процитируем в назидание читателю некий прутковский афоризм, правда, в несколько вольной интерпретации.

— Читатель! Если увидишь на лбу недоучившегося гимназиста надпись «пролетарский поэт», заткни уши и пройди мимо... И благо тебе будет и долголетен будеши...

С Авербахом и Лелевичем, вообще, не стоило бы так долго возиться, если бы их литературные «теории» не сигнализировали весьма опасные настроения, имеющие свой социальный смысл. «Революционной социал-демократии никто не скомпрометирует, если она сама себя не скомпрометирует»,—повторял Владимир Ильич. «Это изречение всегда приходится вспоминать и иметь в виду, когда то или иное важное теоретическое или практическое положение марксизма побеждает или хотя бы становится на очередь дня, и когда, кроме прямых и серьезных врагов, на него «набрасываются» такие друзья, которые безнадежно его компрометируют—по-русски—срамят, превращая его в карикатуру» [3]).

В процессе социалистического строительства перед русским пролетариатом всем ходом борьбы поставлена на очередь дня огромная задача культурной революции, в частности — задача создания пролетарской литературы. Такие «друзья», как Авербах, Вардин и Лелевич, пытаясь вульгарно, упростительски разре-

---

[1]) Авербах. «За пролетарскую литературу» стр. 25, пред. ср. стр. 35.
[2]) Маркс. «Капитал», т. II, стр. 313.
[3]) Ленин. Том XIII. «О карикатуре на марксизм», стр. 349.

шить эту задачу, «безнадежно срамят» ленинизм и превращают его в неузнаваемый шарж [1]).

Идеологическое «озорство», столь характерное для психологии советских Митрофанушек, кажущих «дулю» литературному «спецу» и засучивающих рукава на искусство, в чаянии разрешения совершать в идеологии такую же революцию, как и в области социально-политической,—вот что «обнажили» Авербах и Лелевич своими поистине изумительными литературными «теориями».

— Землю в четверти делить без Эвклида смыслим,
Сколько копеек в рубле, без алгебры счислим.

«Румяный, трижды рыгающий» Лука имеет достаточно глубокие социальные корни в нашей крестьянской стране—вспомните, что писал т. Бухарин об опасностях «делячества», и «упростительства»,—для того, чтобы «румяному Луке» и его покрывающим была об'явлена самая беспощадная борьба.

Ибо «коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» [2]).

---

[1]) Подобную же вульгаризацию и извращение марксизма мы наблюдаем в настоящее время и на других участках культурного фронта, вплоть до «горних высот» философии. Открытая ревизия диалектического материализма, проводимая под знаком борьбы со «схоластикой» деборинской «школы» со стороны механистов и фрейдистов, ряды которых недавно открыто возглавила Л. И. Аксельрод, в частности такие явления, как воскрешение энчменизма Струминским, об'явившим психику «мифом» и излишней «гипотезой»,—все это говорит за то, что перед нами новая и притом значительная волна вульгаризации и теоретического ликвидаторства, борьба с которыми является священной обязанностью каждого ортодоксального марксиста.

[2]) Ленин, т. XVII, стр. 317.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

О НОВОЙ КНИГЕ П. МАСЛОВА.

(«*Основы экономической политики*»).

«В конце 80-х годов, еще юношей, сидя в одиночном заключении, я целыми днями и вечерами читал историческую, а потом экономическую литературу, пытаясь найти закономерность в истории развития человечества».

«В один из вечеров внезапно и совершенно неожиданно я как-будто сразу п р о з р е л: передо мной раскрылась вся хозяйственная жизнь общества во всей ее сложности и закономерности. Как-будто я всю жизнь до тех пор сидел в камере со щитом перед окном и видел только эту камеру, но вдруг щит упал, стены раздвинулись, и передо мной сразу открылся весь мир во всем его величии, многообразии и красоте».

«Я, конечно, не могу передать того потрясающего впечатления, которое произвело на меня «откровение», но, повидимому, аналогичные чувства испытывает, по описанию Достоевского, эпилептик в течение одного момента перед припадком эпилепсии» [1]).

Так восторженно описывает Маслов зарождение в его голове тех идей, которые легли в основу всех его экономических работ.

Что же «прозрел», что же увидел Петр Маслов за окнами, с которых упали щиты, скрывавшие «мир во всем его величии многообразии и красоте»?

Перед прозревшим его взором вырисовывались апокрифические горы «производительных сил», рай производительного и непроизводительного потребления, «уплывающие из-под земли киты» и многое другое, о чем он неутомимо повествует слепому, не прозревшему, не постигшему чуда «откровения»—потомству.

* * *

Петр Маслов подарил читателям новую свою работу «Основы экономической политики». Надо, впрочем, сказать, что «новым» это произведение можно назвать лишь весьма условно и относительно. В значительной своей части «Основы» добросовестное переиздание знаменитой «Проблемы продукции», изданной автором еще в 1923 году.

Так как принципиальные теоретические положения в «Основах» по сравнению с «Проблемой продукции» остались неизменными, то нелишне будет познакомить читателя прежде всего с «подходом» «марксиста» Петра Маслова к разрешению политико-экономических проблем. Это знакомство тем более необходимо, что оно в значительной степени об'ясняет и само разрешение этих проблем.

«С моей точки зрения,—писал тогда Маслов,—партийно-политический подход к решению проблемы неизбежно внес бы элемент суб'ективизма, так как принадлежность к той или другой партии, главным образом, определяется личными интересами и, отчасти, индивидуальными настроениями

[1]) П е т р М а с л о в.—«Проблема продукции» 1923 г.

и темпераментом. Поэтому к буржуазным партиям примыкают имущие классы, а к пролетарским—неимущие. При определении об'ективных условий, необходимых для решения социальной проблемы, руководствоваться партийными соображениями было бы нецелесообразно: правильному решению проблем часто мешает возможное противоречие между партийными интересами и требованиями об'ективной действительности».

Мы здесь обойдем это весьма «оригинальное» для марксиста определение личного состава партии по признакам «имущих» и «неимущих». Значительно интереснее другое: «Марксист» Маслов находит «нецелесообразным» при разрешении социальных проблем руководствоваться интересами классов и партий их представляющих! «Марксист» Маслов ищет не суб'ективных (какие-то классовые интересы!), а об'ективных критериев разрешения социальных проблем. «Основная идея об'ективной, а не суб'ективной оценки потребления была недоступна ни марксистской, ни буржуазной школе,—пишет Маслов,—потому что и тут и там и с х о д н о й т о ч к о й п р и а н а л и з е х о з я й с т в е н н ы х я в л е н и й б ы л о о т н о ш е н и е к х о з я й с т в е н н ы м п р о ц е с с а м с а м о г о х о з я й с т в у ю щ е г о с у б' е к т а, а н е п о д х о д к н и м с т о ч к и з р е н и я р а з в и т и я н а р о д н о г о х о з я й с т в а» (курсив автора. *К. Р.*).

Отсюда и идея «производительных сил» и «производительного потребления» и народно-хозяйственного (в противовес частно-хозяйственному. *К. Р.*) интереса», как единственно «об'ективного», лишенного горького привкуса всякого суб'ективизма, критерия разрешения социальных проблем.

«Наиболее близко к идее о народном хозяйстве, после Кенэ, подошел, по моему мнению, Маркс»,—писал там же Маслов. Но исходя из приведенного выше, это заявление Маслова надо отнести за счет его ложной скромности. Мы видели уже, что в отсутствии «об'ективной» оценки потребления оказалась повинной и марксистская школа. Таким образом, новую теорию «о б' е к т и в н ы х» оценок социальных проблем Петр Маслов, повторяем, лишь из ложной скромности не называет своей.

Итак, интересы н а р о д н о г о х о з я й с т в а, интересы развития п р о и з в о д и т е л ь н ы х с и л,—вот о б' е к т и в н ы й о с н о в н о й критерий для разрешения социальных проблем и направления экономической политики. «Интересы развития народного хозяйства являются о с н о в н ы м к р и т е р и е м э к о н о м и ч е с к о й п о л и т и к и (курсив наш. *К. Р.*) и могут не совпадать ни с частно-хозяйственными интересами, ни с интересами государственного хозяйства»,—так пишет Петр Маслов уже в своих «Основах экономической политики».

Таково то «откровение», которое «прозрел» «надпартийный» и «надклассовый» Петр Маслов еще в конце 80-х годов и о котором с тех пор «тихо и мелодично курлыкая», он передает своим читателям.

Но какое же содержание вкладывает Маслов в понятие «экономическая политика»?

«Экономической политикой,—пишет наш автор,—называют мероприятия государственной власти, влияющие на хозяйственные отношения в желательном для нее направлении. Эти мероприятия могут влиять на хозяйственные отношения внутри страны между отдельными группами хозяйств, между отдельными классами, вступающими в хозяйственные отношения, и между государствами».

Какие же это «желательные направления», которыми руководствуются государства в направлении хозяйственных отношений? Развитие народного хозяйства и производительных сил, как это утверждает Маслов? Далеко и не всегда так. Ведь сам Маслов пишет, что «например, господствующие классы,—при крепостном праве дворянство,—ставят своей по-

стоянной задачей увеличение своего дохода и сохранение своих привилегий. Сообразно этому и экономическая политика всей соответствующей эпохи определяется этим «регулятивным» принципом, хотя и изменяется сообразно потребностям момента. Те же задачи ставит при капиталистическом строе буржуазия, но в основе ее экономической политики лежит задача увеличения прибыли предпринимателей» (курсив наш. *К. Р.*).

Ну, а интересы дворян и интересы буржуазии с соответствующей их интересам экономической политикой всегда совпадали с интересами развития народного хозяйства и производительных сил? Все это, конечно, пустяки! Интересы развития народного хозяйства, интересы развития производительных сил в классовом обществе совпадали с интересами господствующего класса, а следовательно, и с его экономической политикой лишь тогда, когда этот класс был революционным, когда он в огне революции разбивал оковы, сковывающие дальнейшее развитие народного хозяйства и производительных сил. Экономическая политика буржуазии была революционной, отвечала интересам развития производительных сил, когда уничтожала цеховые привилегии, когда лишала крупное землевладение земли и т. д., и т. п. Но с тех пор прошло достаточно времени для того, чтобы буржуазия из революционного класса превратилась в класс реакционный, когда дальнейшее развитие производительных сил не только не является основным критерием ее экономической политики, но когда капиталистические производственные отношения вступают в неразрешимые с производительными силами противоречия. Загнивание капитализма и есть отражение этого противоречия капиталистического хозяйства на его последней ступени развития, когда дальнейшему росту производительных сил препятствует вся экономическая политика капиталистического хозяйства.

Экономическая политика в классовом обществе служит интересам определенного класса и им определяется. Странно, что такие азбучные истины на 10 году Октябрьской революции приходится раз'яснять профессору нашего государственного университета!

Эта же «надклассовость» и «надпартийность» лежит в основе Масловского «откровения» о производительном и непроизводительном потреблении.

Поскольку «разумная» экономическая политика своей основной целью имеет развитие производительных сил, постольку и производительным потреблением будет только потребление, направленное к развитию этих производительных сил. И здесь Петр Маслов превращается в своеобразного пацифиста, громящего капитализм с его бешеными вооружениями и войнами. «Производство военного снаряжения, давая высокие прибыли капиталисту, эксплоатирующему труд, не ведет к накоплению в народном хозяйстве, так как предметы, производимые для военного снаряжения, не получают производительного назначения». Здесь все правильно за исключением одного... понимания производительного труда! С точки зрения капиталистов производство военного снаряжения самое производительное назначение для их капиталов. Потому что именно эти предприятия наиболее доходны, дают наибольшую прибыль. Понятие производительного и непроизводительного труда и потребления с точки зрения капиталистов и рабочих различно, поскольку они занимают различное положение в производстве. В своих «Теориях ценности» Маркс дал достаточно точное определение понятия «производительного труда», исходя не из какого-то «заоблачного» «надклассового» критерия, а из сущности и природы самого капиталистического общества.

«Производительный труд—в системе капиталистического

производства,—писал Маркс,—есть такой труд, который производит для лица, дающего ему применение, прибавочную ценность, или, иначе, тот, который превращает об'ективные условия труда в капитал, а их владельца—в капиталиста; стало быть, труд, создающий свой собственный продукт в виде капитала».

«Поэтому, когда мы говорим о производительном труде, то мы имеем в виду общественно-определенный труд, т.-е. труд, предполагающий совершенно определенные отношения между покупателем и продавцом труда».

«Значит,—пишет Маркс там же,—производительный труд есть тот труд, который для рабочего воспроизводит только заранее определенную ценность его рабочей силы, между тем, как, наоборот, он, в своем качестве деятельности, создающей ценность, вызывает возрастание капитала или противопоставляет рабочему, в виде капитала, те ценности, которые им создаются».

«Только буржуазная ограниченность, считающая капиталистические формы производства абсолютными, а, следовательно, и вечными, естественными формами производства, способна вопрос о том, что такое производительный труд с точки зрения капитала, смешать с вопросом, какой труд вообще производителен или что такое производительный труд вообще; только она может считать чрезвычайно мудрым свой ответ, гласящий, что всякий труд, что-нибудь производящий, имеющий какой-либо результат, eo ipso есть производительный труд».

«Производителен только такой труд, который прямо превращается в капитал, стало быть только труд, который делает переменный капитал переменной величиной» [1]).

Таким образом, понятие «производительного труда», а следовательно, и производительного потребления не являлось по Марксу чем-то абсолютным и неизменным. И в классовом обществе для каждого класса понятие производительного труда и накопления будет различным. А этого-то Петр Маслов упорно не хочет или не может понять.

Наконец, «желательным направлением» для развития хозяйственных отношений является такая система мероприятий государства, которая обеспечивает господствующему классу расширенное его воспроизводство. И с этой точки зрения, с точки зрения этого господствующего класса, производительными затратами, производительным трудом будут такие затраты, такой труд, который обеспечивает это расширенное воспроизводство. И потому затраты на милитаризм и маринизм с точки зрения расширенного воспроизводства господствующего класса капиталистов являются затратами производительными.

Таким образом, критерием производительного и непроизводительного труда, критерием целесообразности экономической политики—является расширенное воспроизводство данного, господствующего класса.

Вот этого-то Петр Маслов не понял и упорно не понимает с «конца 80-х годов». Этим об'ясняется и его «об'ективная» постановка проблемы «производительного накопления» для нашего советского хозяйства. «Темп развития,—пишет Маслов,—капиталистического и советского хозяйства будет определяться темпом производительного накопления». «Кто—кого?» для различных секторов внутри советского хозяйства—этого вопроса для Маслова не существует. Он «выше» такой «узко-партийной» и «узко-классовой» точки зрения. Важен рост про-

[1]) Маркс. «Теории прибавочной ценности», т. I, стр. 268—270

стоянной задачей увеличение своего дохода и сохранение своих привилегий. Сообразно этому и экономическая политика всей соответствующей эпохи определяется этим «регулятивным» принципом, хотя и изменяется сообразно потребностям момента. Те же задачи ставит при капиталистическом строе буржуазия, но в основе ее экономической политики лежит задача увеличения прибыли предпринимателей» (курсив наш. *К. Р.*).

Ну, а интересы дворян и интересы буржуазии с соответствующей их интересам экономической политикой всегда совпадали с интересами развития народного хозяйства и производительных сил? Все это, конечно, пустяки! Интересы развития народного хозяйства, интересы развития производительных сил в классовом обществе совпадали с интересами господствующего класса, а следовательно, и с его экономической политикой лишь тогда, когда этот класс был революционным, когда он в огне революции разбивал оковы, сковывающие дальнейшее развитие народного хозяйства и производительных сил. Экономическая политика буржуазии была революционной, отвечала интересам развития производительных сил, когда уничтожала цеховые привилегии, когда лишала крупное землевладение земли и т. д., и т. п. Но с тех пор прошло достаточно времени для того, чтобы буржуазия из революционного класса превратилась в класс реакционный, когда дальнейшее развитие производительных сил не только не является основным критерием ее экономической политики, но когда капиталистические производственные отношения вступают в неразрешимые с производительными силами противоречия. Загнивание капитализма и есть отражение этого противоречия капиталистического хозяйства на его последней ступени развития, когда дальнейшему росту производительных сил препятствует вся экономическая политика капиталистического хозяйства.

Экономическая политика в классовом обществе служит интересам определенного класса и им определяется. Странно, что такие азбучные истины на 10 году Октябрьской революции приходится раз'яснять профессору нашего государственного университета!

Эта же «надклассовость» и «надпартийность» лежит в основе Масловского «откровения» о производительном и непроизводительном потреблении.

Поскольку «разумная» экономическая политика своей основной целью имеет развитие производительных сил, постольку и производительным потреблением будет только потребление, направленное к развитию этих производительных сил. И здесь Петр Маслов превращается в своеобразного пацифиста, громящего капитализм с его бешеными вооружениями и войнами. «Производство военного снаряжения, давая высокие прибыли капиталисту, эксплоатирующему труд, не ведет к накоплению в народном хозяйстве, так как предметы, производимые для военного снаряжения, не получают производительного назначения». Здесь все правильно за исключением одного... понимания производительного труда! С точки зрения капиталистов производство военного снаряжения самое производительное назначение для их капиталов. Потому что именно эти предприятия наиболее доходны, дают наибольшую прибыль. Понятие производительного и непроизводительного труда и потребления с точки зрения капиталистов и рабочих различно, поскольку они занимают различное положение в производстве. В своих «Теориях ценности» Маркс дал достаточно точное определение понятия «производительного труда», исходя не из какого-то «заоблачного» «надклассового» критерия, а из сущности и природы самого капиталистического общества.

«Производительный труд—в системе капиталистического

производства,—писал Маркс, — есть такой труд, который производит для лица, дающего ему применение, прибавочную ценность, или, иначе, тот, который превращает об'ективные условия труда в капитал, а их владельца—в капиталиста; стало быть, труд, создающий свой собственный продукт в виде капитала».

«Поэтому, когда мы говорим о производительном труде, то мы имеем в виду общественно-определенный труд, т.-е. труд, предполагающий совершенно определенные отношения между покупателем и продавцом труда».

«Значит,—пишет Маркс там же,—производительный труд есть тот труд, который для рабочего воспроизводит только заранее определенную ценность его рабочей силы, между тем, как, наоборот, он, в своем качестве деятельности, создающей ценность, вызывает возрастание капитала или противопоставляет рабочему, в виде капитала, те ценности, которые им создаются».

«Только буржуазная ограниченность, считающая капиталистические формы производства абсолютными, а, следовательно, и вечными, естественными формами производства, способна вопрос о том, что такое производительный труд с точки зрения капитала, смешать с вопросом, какой труд вообще производителен или что такое производительный труд вообще; только она может считать чрезвычайно мудрым свой ответ, гласящий, что всякий труд, что-нибудь производящий, имеющий какой-либо результат, eo ipso есть производительный труд».

«Производителен только такой труд, который прямо превращается в капитал, стало быть только труд, который делает переменный капитал переменной величиной» [1]).

Таким образом, понятие «производительного труда», а следовательно, и производительного потребления не являлось по Марксу чем-то абсолютным и неизменным. И в классовом обществе для каждого класса понятие производительного труда и накопления будет различным. А этого-то Петр Маслов упорно не хочет или не может понять.

Наконец, «желательным направлением» для развития хозяйственных отношений является такая система мероприятий государства, которая обеспечивает господствующему классу расширенное его воспроизводство. И с этой точки зрения, с точки зрения этого господствующего класса, производительными затратами, производительным трудом будут такие затраты, такой труд, который обеспечивает это расширенное воспроизводство. И потому затраты на милитаризм и маринизм с точки зрения расширенного воспроизводства господствующего класса капиталистов являются затратами производительными.

Таким образом, критерием производительного и непроизводительного труда, критерием целесообразности экономической политики—является расширенное воспроизводство данного, господствующего класса.

Вот этого-то Петр Маслов не понял и упорно не понимает с «конца 80-х годов». Этим об'ясняется и его «об'ективная» постановка проблемы «производительного накопления» для нашего советского хозяйства. «Темп развития,—пишет Маслов,—капиталистического и советского хозяйства будет определяться темпом производительного накопления». «Кто—кого?» для различных секторов внутри советского хозяйства—этого вопроса для Маслова не существует. Он «выше» такой «узко-партийной» и «узко-классовой» точки зрения. Важен рост про-

[1]) Маркс. «Теории прибавочной ценности», т. I, стр. 268—270

изводительных сил, важен рост производительного накопления, а в каком секторе происходит этот рост в капиталистическом или социалистическом—для «марксиста» Петра Маслова безразлично. Ведь «целью хозяйственной деятельности и накопления является удовлетворение потребностей», утверждает Маслов. А если так, то, конечно, безразлично по какому—капиталистическому или социалистическому—пути идет производительное накопление. Все равно и в том и в другом случае целью хозяйственной деятельности является «удовлетворение потребностей».

До таких вещей договаривается наш почтенный профессор со своей «об'ективной» оценкой социальных и экономических проблем, со своей критикой «суб'ективного» Маркса. «В области марксистской теории,—писал Ленин,—Петр Маслов является беспардонным и тупым наездником, ибо трудно представить себе нечто более невежественное, чем самодовольная «критика» Маркса Масловым». Своими последними работами Маслов лишь подтверждает эту, данную ему Лениным, характеристику.

Выше мы уже приводили определение Маслова экономической политики, как «мероприятий государственной власти, влияющих на хозяйственные отношения в желательном для нее направлении». Как же должна строиться экономическая политика у нас, в СССР? Где-то «желательное направление», которым руководствовалось бы государство в своих экономических мероприятиях? «Развитие производительных сил страны в целях повышения уровня благосостояния рабочих и крестьян и осуществления социализма»—таков ответ Петра Маслова.

Здесь, в этом ответе, прежде всего—отказ от той «об'ективной» точки зрения, которую прозрел Маслов еще в «конце 80-х годов». В самом деле, здесь развитие производительных сил уже не является какой-то всеподчиняющей себе идеей, а, наоборот, ставится в зависимость, подчиняется само интересам рабочих и крестьян, интересам осуществления социализма. Но читатель не должен принимать всерьез этого отказа Маслова от его навязчивой идеи «развития производительных сил». «Основы» Масловской экономической политики не дают никаких указаний, не показывают пути, которым должно следовать государство рабочих и крестьян для действительного осуществления социализма. Да это и понятно. Маслов не понял существа нашей экономики, Маслов не видит противоречивого ее характера, не видит тех элементов, развитие которых должно означать наше движение к социализму. «Последовательно-социалистический» характер наших госпредприятий остался для Маслова за семью печатями. Не понял Маслов и роли и значения кооперации, как «столбовой дороги» к социализму, позволяющей переключить простое товарное крестьянское хозяйство на основе его кооперирования непосредственно в социалистическую систему. «Задачей кооперации,—заключает свои рассуждения Маслов в главе «Кооперативная политика»,—является не только содействие накоплению средств производства в мелких хозяйствах, не только накопление кооперативного капитала для дальнейшего своего развития и устранения эксплоатации мелкого хозяйства частным капиталом, но и содействие рационализации крестьянского хозяйства. Все эти три задачи находятся в тесной связи друг с другом, потому что развитие кооперации происходит на фоне развития крестьянского хозяйства, увеличения товарности его производства и увеличения его доходности». Вот все, что мог сказать Маслов о смысле и значении кооперации в системе диктатуры пролетариата.

Таким образом, идея «осуществления социализма» остается у Маслова только идеей, бесплотной и бестелесной идеей, которую он вставил как одну из целей нашей экономической политики, лишь отдавая дань своему

времени. Конечно, осуществление социализма предполагает известное развитие производительных сил, конечно, переходная к социализму эпоха дает возможность убыстренного их развития; конечно, социализм открывает безграничные возможности к развитию и росту производительных сил, но отождествлять производительные силы с социализмом—признак экономической неграмотности. Во-первых, с этой точки зрения какие-нибудь фордовские предприятия более «социалистичны», чем наши государственные предприятия, а во-вторых, в наших условиях, в условиях диктатуры пролетариата, не исключена возможность развития производительных сил не в сторону социализма, а капитализма. Это возможно в том случае, если пресловутое масловское производительное накопление в капиталистическом секторе нашего хозяйства будет итти и абсолютно и относительно быстрее, чем в социалистическом. Этого Маслов не понял и тогда, когда говорил о производительном накоплении, и тогда, когда говорит о роли нашей государственной промышленности и кооперации.

Рост госпромышленности и кооперации, как рост, тождественный росту социализма, Маслов подменяет ростом производительных сил вообще, вне зависимости, в каком секторе нашего хозяйства он происходит, и потому рекомендуемые им «основы экономической политики» являются глубоко неверными, ошибочными и реакционными. И с точки зрения интересов «благосостояния рабочих и крестьян» и с точки зрения «осуществления социализма» относительный (по сравнению с госпромышленностью) рост производительных сил в частно-капиталистическом секторе нашего хозяйства опасен и вреден, ибо грозит перерождением нашей экономики в экономику капиталистическую.

* * *

В какой мере это осталось Масловым непонятым, можно судить по его отношению к государственной промышленности и крестьянскому хозяйству. «Задача экономической политики,—пишет он,—заключается в том, чтобы повысить производительность мелких хозяйств, а это повышение происходит в отдельных хозяйствах». Это политика по существу совершенно верная, если с повышением производительности крестьянского хозяйства будет, с одной стороны, итти и процесс его кооперирования, а, с другой, еще более убыстренный темп развития производительности в государственном секторе нашего хозяйства. Но здесь, в части нашей промышленности, Петр Маслов рекомендует руководствоваться принципом «выше лба уши не растут» и «выше головы не прыгнешь». Этот принцип, к слову говоря, покоится у него на чрезвычайно «странной», чтобы не сказать более, теоретической предпосылке. «Для того, чтобы увеличить продукцию каждой отрасли вдвое, требуется в большинстве случаев увеличение накопленного капитала более, чем вдвое. Чем технически совершеннее предприятие, тем большая степень накопления капитала требуется для увеличения продукции, ибо при этом увеличении требуется не только соответственное увеличение сырья, орудий и средств для перевозки, но огромное возрастание основного капитала».

По Маслову, следовательно, получается, что технический прогресс, введение новых усовершенствованных машин прямо и явно невыгодно. В самом деле, кто станет вводить новую машину, если при большей, чем вдвое, затрате на нее, она приносит всего только вдвое большую продукцию. Как все-таки получается, что при явной экономической нерентабельности производительные силы и техника все же прогрессировали, остается неразрешимой загадкой. Во всяком случае «марксист» Маслов об этом читателю не говорит, этой явной «ненормальности» не об'ясняет. Надо думать, что и это его утверждение надо отнести за счет все тех

же божественных «откровений» и «прозрений», недоступных и непонятных для непосвященных. И «божественный» Маслов не устает бичевать тех «прожектёров», которые, «исходя из инженерно-технической точки зрения, проектируют очень широкое применение всяких технических возможностей в той или другой отрасли хозяйства, совершенно упуская из виду, что при ограниченных рессурсах страны, это может повести к расстройству всего народного хозяйства». Что же рекомендует Маслов? Создавать не технически совершенные предприятия с высоким органическим составом капитала, а предприятия с низким органическим составом капитала, с отсталой техникой, а следовательно, и малопроизводительные. Как это ни невероятно, как это ни чудовищно, но это так.

«Неурожай,—пишет Маслов,—заставил правильно поставить проблему о безработице, принудивши значительную часть народно-хозяйственного дохода затратить на производство средств производства для широкой массы населения при низком органическом строении этой затраты». «Накопляющийся капитал должен распределяться таким образом, чтобы повышение среднего строения капитала в предприятиях не превышало процесса накопления даже при отсутствии прироста населения» (курсив автора. *К. Р.*).

Таким образом, нашу беду, неурожай, Петр Маслов превращает в нашу заслугу. Надо было дать работу миллионам разоренных голодом крестьян, и государство вынуждено было итти на организацию общественных работ, где затрата на орудия производства была бы минимальной и где было бы обеспечено максимальное использование рабочей силы. И эту нашу беду, недостаточно производительное расходование и без того ничтожных средств, которыми располагает государство, Петр Маслов выставляет, как единственно правильную политику.

Каковы были бы практические последствия подобной экономической политики? Рост производительных сил в сельском хозяйстве, следовательно, параллельно с этим рост дифференциации, поскольку это хозяйство недостаточно интенсивно кооперируется; рост накопления в частно-капиталистическом секторе, поскольку он не волен руководствоваться экономической политикой, рекомендуемой Масловым, и будет повышать органический состав капитала, обеспечивающий ему наиболее благоприятные условия в конкурентной борьбе с предприятиями государственного сектора хозяйства и, неизбежное падение, если не абсолютное, то относительное, удельного веса производства сектора государственного хозяйства, т.-е. не движение вперед к социализму, а назад к капитализму.

Таковы основные выводы из масловских основ экономической политики. Невозможно в короткой заметке отметить все «откровения» и «прозрения» Петра Маслова, но принятие основных положений рекомендуемой им экономической политики с неизбежностью повело бы нас к полной реставрации капитализма.

Удручающее впечатление оставляют рассуждения Маслова по поводу политики цен и таможенной политики. Еще с отроческих лет ушибленный «производительным и непроизводительным потреблением», Маслов рекомендует политику цен построить таким образом, чтобы увеличить производительное и уменьшить непроизводительное личное потребление. «До настоящего времени,—пишет Маслов,—все внимание обрабатывающей промышленности сосредоточилось на том, чтобы увеличить производство предметов личного потребления крестьянского населения».

«Разумеется, крестьянству нужна одежда и обувь, но продукция крестьянского хозяйства не увеличится от увеличения производства ситца, а увеличивается от изготовления хорошего масла, от переработки льна, пеньки, картофеля, свеклы и т. под.». Поэтому Маслов и рекомендует политику цен направить таким образом, чтобы крестьянское хозяйство шло не по линии непроизводительного потребления (ситец, сапоги, мыло и т. п.), а по линии производительного потребления (с.-х. машин и орудий и т. под.). Слов нет, хорошо, когда производительное потребление растет, но признавать за производительным потреблением какое-то самодовлеющее значение вне связи с теми людьми, которым это производительное потребление служит, это значит ставить на голову экономическое отношение, ибо не люди служат производству, а производство—людям, конечно, в тесной зависимости от соответствующего строения (классового) общества. Иначе говоря, в капиталистическом обществе производство служит классу капиталистов, в нашем же СССР—трудящимся: рабочим и крестьянам. Повышение цен на предметы личного потребления далеко еще не означает усиления производительного потребления. И, конечно, может иметь обратные результаты тому, что хочет Маслов. Распределение суммы дохода крестьянского хозяйства между производительным и личным потреблением, при повышении цен на последнее, может пойти и, как правило, пойдет не по линии увеличения, а по линии уменьшения производительного потребления.

* * *

Новая книга Петра Маслова, как мы уже и говорили, не является, по сути дела, новой. Старые мысли, старые «откровения», старые «презрения». Но когда Петр Маслов пытается указать советскому хозяйству «основы его экономической политики», нужно бить тревогу.

Под новой фирмой Маслов пытается протащить свои старенькие ревизионистские идейки и приложить их к нашей новой, советской экономике. Но и советской экономики Маслов не понял, да и «идейки»-то его уж больно затасканные и давно оцененные по достоинству. «Основы экономической политики» Маслова и в своих основах и «деталях» неверны и вредны и неизменно обнаруживают его ревизионистскую природу.

К. Розенталь.

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА, I. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, ГИЗ. Москва—Ленинград. 1926 г., стр. 157, цена 1 р. 50 к.

Институт Маркса и Энгельса предпринял издание второго журнала—«Летописей Марксизма». Первый журнал Института—«Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» завоевал себе большое и прочное место своим солидным и интересным статейным материалом и, главным образом, теми замечательнейшими новыми документами из литературного наследства Маркса и Энгельса, которые в нем впервые публикуются. Можно смело утверждать, что «Архив» является сейчас единственным во всем мире журналом революционного марксизма, поставившим себе благодарную и важную задачу—осветить эпоху Маркса—Энгельса.

«Летописи Марксизма» будут издаваться на ряду с «Архивом», Выпуская «Летописи» Институт Маркса и Энгельса имеет в виду дать читателю более подвижный и легкий, более доступный широкому кругу журнал, который мог бы служить, по заявлению редакции, «спутником революционного и ученого марксиста». Насколько эта задача будет выполнена—покажет будущее, но несомненно, что журнал может найти сочувственный отклик в среде грамотного партийного актива, при условии, если читатель будет получать в нем интересный, помогающий изучению

марксизма материал и в виде статей, и в виде документов из литературного наследства. Необходимо только, чтобы документальный материал не носил характера отдельных кусочков и небольших заметочек, как это имеет место в первом номере «Летописей». Надо, по возможности, давать,—пусть небольшие,—но оставляющие целостное впечатление материалы, надо, чтобы эти материалы были полезны и интересны не только для узкого специалиста, но и для более широкой массы марксистски грамотного читателя.

После этих предварительных замечаний перейдем к содержанию первого номера «Летописей». Журнал открывается отделом: «Статьи и исследования». В нем мы находим статью (вернее—стенограмму доклада) тов. Рязанова—«Военное дело и марксизм», статью тов. Деборина—«Новый поход против марксизма», и, наконец, небольшую заметку Г. Штейна—«К. Маркс и мозельские крестьяне».

Статья тов. Рязанова ставит своей задачей осветить значение марксизма для военного дела. Дав общую характеристику учения Маркса, указав его значение для науки и практики, тов. Рязанов приходит к выводу, что марксизм, как общая теория, должен лежать в основе и военной науки и искусства военной стратегии и тактики.

Весьма интересна и актуальна статья А. М. Деборина о книге бельгийского «социалиста» Гендрика де-Мана «К психологии социализма».

Разложение социал-демократии, все более откровенное, циничное и, вместе с тем, заискивающее служение ее буржуазии, вынуждает «идеологов» социал-демократизма искать новых теоретических «путей-дорожек», менее «опасных» для пропаганды в массах, чем даже выхолощенный марксизм и, вместе с тем, более соответствующих теперешнему бытию «социалистических» лакеев капитализма. «Смена вех»—стоит поэтому в порядке дня их «теоретиков». От марксизма, от последних остатков его, надо поскорее отделаться, на место марксизма надо воздвигнуть новое здание «теории», новое «миропонимание». И эти «идеологи» все более и более начинают искать «живой», очищающей от «скверны» марксизма воды в источниках современных реакционно-буржуазных учений Фрейда, Бергсона, Шпенглера, и. друг.

Не все, правда, откровенно выбалтывают эту тайну полишинеля—социал-демократии: некоторые еще стыдливо продолжают прикрываться обрывочками марксизма. Но некоторые, наиболее откровенные и смелые «идеологи» социал-лакеев начинают уже ставить все точки над и.

К числу последних принадлежит Гендрик де-Ман. Этот, некогда левый, «социалист» был захвачен затем шовинистическим угаром, принимал активнейшее личное участие в мировой империалистической войне, а после войны, отдохнув от ее перипетий, взялся за перо для осмеяния и поругания всего того, чему он некогда, «на заре туманной юности», имел несчастие поклоняться: он решил ниспровергнуть марксизм, заменив его «новым» мировоззрением, составленным из пестрой ткани более ему созвучных теперь психолого-этических и религиозных мелодий.

Марксизм, по мнению де-Мана, потерпел крах; практика,—под которой Генрих де-Ман видит только грязную практику социал-реформизма и трэд-юнионизма и лицемерно упорно не замечает революционной практики большевизма,—показала-де, что теория Маркса, начиная от ее философских корней и кончая политико-революционными выводами, расходится с теперешним развитием рабочего движения. Коммунистическое же направление, утверждает де-Ман, построено на вульгарном марксизме, и его ни в какой мере нельзя принимать во внимание.

Итак, жизнь, говорит новый пророк социал-предательства, расходится с марксизмом, обрекая, следовательно, его на гибель. «Падающего

толкни»,—и де-Ман старательно добивается «окончательного» ниспровержения марксизма. Прежде всего, философские основы марксизма не выдерживают, по авторитетному заявлению де-Мана, научного суда. Де-Ман—«судья праведный»: он сперва извращает, потом опровергает. Он, удивительно сходясь с нашими «механистами» (во главе которых теперь стала бывшая не очень давно «Ортодоксом» Л. И. Аксельрод), нападает на диалектику, представляя ее перед читателем в виде «схоластики, априорных конструкций, пустой игры диалектических понятий», т.-е. в совершенно извращенном виде, не имеющем ничего общего с действительно революционной, материалистической диалектикой. Поэтому, и материализм Маркса де-Ман (тоже удивительно-трогательно напоминая наших «механистов») понимает только, как «механический».

Истолковав материализм Маркса, как механический, т.-е. опять-таки извратив его, де-Ман опровергает этот материализм [1]).

Что же ставит де-Ман на место материализма и диалектики? Эклектическую окрошку из Фрейда и Бергсона. Это чрезвычайно знаменательно: самая махровая реакция против марксизма ведется под флагом фрейдизма и бергсонианства! В последнее время и у нас фрейдизм становится той модой, по которой некоторые «марксисты», старающиеся сперва представить марксизм «голеньким», а потом его «приодеть», шьют модные костюмы для учения Маркса—Энгельса—Ленина.

С добрым желанием на устах заимствуют эти люди из фрейдизма самый реакционнейший вздор и, смешав его с марксовым учением, преподносят затем то, что получилось, в виде последних научных выводов, под названием «последнего слова» марксизма.

«Мудрым» эклектикам, конечно, закон не писан, но бесспорно правы те, кто ведет с ними непримиримую и решительную борьбу, заявляя, что попытки сочетать марксизм с фрейдизмом есть проявление теоретической реакции и ревизионизма. Пример де-Мана превосходно подтверждает это положение.

Итак, долой материализм, диалектику, долой мышление логическое, мышление в понятиях, провозглашает де-Ман. Вместо этого—да здравствует символизм, интуиция, «вчувствование», аффективно-этическое волеиз'явление, религиозное миропонимание! Соответственно новым «вехам» меняется и направление, меняется и отношение к капитализму, к буржуазии, к пролетариату: ведь это же голые логические понятия, которым реально, в действительном мире, в мире явлений, ничего не соответствует. Тем более мы ничего не знаем и не можем знать о будущем: оно «сокрыто от нас,—думает де-Ман,—мы знаем только настоящие, непосредственные переживания». «Разум, теория имеют только второстепенное значение поэтому, есть не что иное, как «душевное переживание», как чувство, и всецело находятся на службе у «бессознательного» и воли. Социализм, он есть лишь другая сторона той же сущности, что и христианство. Следовательно, в рабочих необходимо, прежде всего, развивать чувство

[1]) Между прочим, нашим «механистам» не худо было бы вдуматься в этот факт. Де-Ман нарочно, чтобы разгромить материализм и диалектику, старается показать, что материализм Маркса—Энгельса есть механический, а диалектика есть «схоластика» и «игра понятиями», т.-е. в общем и целом утверждает, ради ниспровержения марксизма, то же самое, что и наши «механисты»; которые, прикрываясь высокими фразами и благородным негодованием против «увлечения Гегелем», хотят выдать механический материализм за истинный материализм Маркса и Ленина. Т. о., развивая свою «механическую» точку зрения, наши «механисты» невольно подготовляют почву для де-Манов. Этот факт многое говорит и, может быть, кое-кому из «механистов», не окончательно ослепленных рассуждениями своих «вождей», откроет глаза на опасности, которыми чревато «механическое» миропонимание.

и моральное сознание социализма. Место классовой борьбы должны соответственно занять: национальная идея, государственность и, наконец, «обуржуазивание пролетариата»—этот практический лозунг нового пророка социал-предательства и социал-лакейства.

Такова «теория» де-Мана, подвергнутая основательной критике в статье А. М. Деборина.

Мы остановились подробно на статье Деборина потому, что выступление де-Мана представляет сейчас чрезвычайно симптоматическое и весьма любопытное явление, и потому также, что статья А. М. Деборина— единственный вообще (и притом серьезный) критический источник, знакомящий нашего широкого читателя с этим новейшим откровением махрового ревизионизма.

За статьей Деборина в отделе «Статьи и исследования» идет, как мы выше упомянули, небольшая заметка В. Штейна «К. Маркс и мозельские крестьяне». Заметка представляет интерес разве лишь постольку, поскольку устанавливает, что «первой экономической темой Маркса была проблема из области аграрного вопроса западной Германии» и что Маркс, по словам Энгельса, «пришел к социализму, изучая вопрос о бедственном положении мозельских крестьян».

Вторым отделом журнала идет отдел: «Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса».

Самым значительным (и самым интересным) документом здесь является статья Энгельса—изложение «Капитала» Маркса, доведенное до абсолютной прибавочной стоимости. Это самое лучшее изложение «Капитала»: краткое, ясное и вместе с тем превосходное по силе диалектики изложение экономической теории Маркса; к сожалению, оно далеко не закончено. Ни один товарищ, желающий быть грамотным марксистом, не может пройти мимо этого замечательного документа.

Второй документ, помещенный в этом отделе,—конспект, составленный К. Марксом (1843—44 г.г.) на книжку Рене Левассера о якобинцах (1829 г.). Конспектируя книжку, Маркс не сопроводил конспект своими примечаниями; этот документ интересен лишь по изложению и группировке фактов. И справедливо замечает редактор, что «самая группировка фактов Марксом превращает этот конспект в обвинительный акт против жирондистов».

Третий отдел сборника: «Из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса» содержит три документа. Первый—письмо Маркса Франкелю и Варлену—относится к эпохе Коммуны и помечено 13-м мая 1871 г. В нем Маркс сообщает, что написал по делу Коммуны «несколько сот писем во все концы света, где существуют наши организации». «Впрочем,— добавляет Маркс,—рабочий класс был за Коммуну с самого ее возникновения». Далее, Маркс указывает, что «Коммуна тратит... слишком много времени на мелочи», что совершенно необходимо торопиться сделать нужное дело за пределами Парижа, в Англии и в других странах. Маркс заключает письмо предостережением: «будьте настороже!»

Вторым документом идут письма Энгельса (1893 г.) к некоему Лампле и, наконец, третьим—два письма Энгельса к болгарам, относящиеся тоже к 1893 году. Письма к болгарам—к редакции болгарского журнала «Социал-Демократ», выходившего тогда в Севлиеве,—представляют интерес, как показатель того, насколько Энгельс внимательно следил за малейшими проблесками рабочего движения, и как много работал этот великий вождь и учитель пролетариата. «Мне,—писал он во втором письме к болгарам,—на старости лет приходится изучать даже румынский и болгарский (языки. *П. С.*), если я не хочу отставать от движения социализма на восток и юго-восток».

В отделе: «Из истории марксизма в России» помещены: новый вариант знаменитой исторической речи Г. В. Плеханова на международном социалистическом конгрессе в Париже (14—21 июля 1889 г.), в которой он заявил: «революционное движение в России восторжествует только, как рабочее движение, или же никогда не восторжествует»; затем два маленьких письма Плеханова к Геду; заметки Б. Николаевского: «В. И. Ульянов-Ленин в Берлине в 1895 г.» и Е. Гурвич—«Из воспоминаний» о переводе (втором по счету) «Капитала».

Заметка Николаевского хорошо сработана и представляет большой интерес для биографии Ленина. Мы считали бы только необходимым подчеркнуть, что приписывание Николаевским заметки в «Форвертсе» (1895 г.) о письме Дурново Ленину вряд ли имеет основания: Ленин не мог писать и не писал тем, прямо-таки либеральным языком, каким написана эта заметка.

Сравнительно хорошо — в общем и целом — поставлен в журнале отдел «Критики и рецензий». Рецензируется как русская, так и иностранная литература по различным вопросам марксизма. При этом следует отметить боевой, ортодоксальный характер очень многих рецензий. Попадаются и ляпсусы: так, почему-то совершенно незаслуженно расхвалена книжка В. Ф. Асмуса «Диалектический материализм и логика», при чем ее подчас грубые промахи не отмечены вовсе.

Странными кажутся выражения: «Производственные отношения можно обозначить как распорядок (?!) производительных сил» и др. В заключение выразим желание, чтобы в дальнейшем рецензии не были анонимными.

Наконец, последним отделом идут «Сообщения кабинетов института», весьма любопытные и содержательные. В конце помещено чрезвычайно интересное сообщение о собрании рукописей, относящихся к Парижской Коммуне 1871 г., хранящихся в Институте.

Издан журнал хорошо, если не считать корректуры. Последняя небрежна, попадаются грубейшие опечатки; так, на стр. 101 вместо «солипсизм», напечатано «социализм», а на стр. 103 опечатка извратила всю фразу: напечатано—«для правильного понимания исторического материализма необходимо в наше время применение диалектики Маркса—Энгельса в ее неразумном (?!) виде»...

В заключение мы хотели бы пожелать этому интересному журналу поскорее преодолеть незначительные организационно-технические «болезни роста».

Рекомендуем журнал вниманию нашего читателя.

П. Сапожников.

Редакция: **В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.**